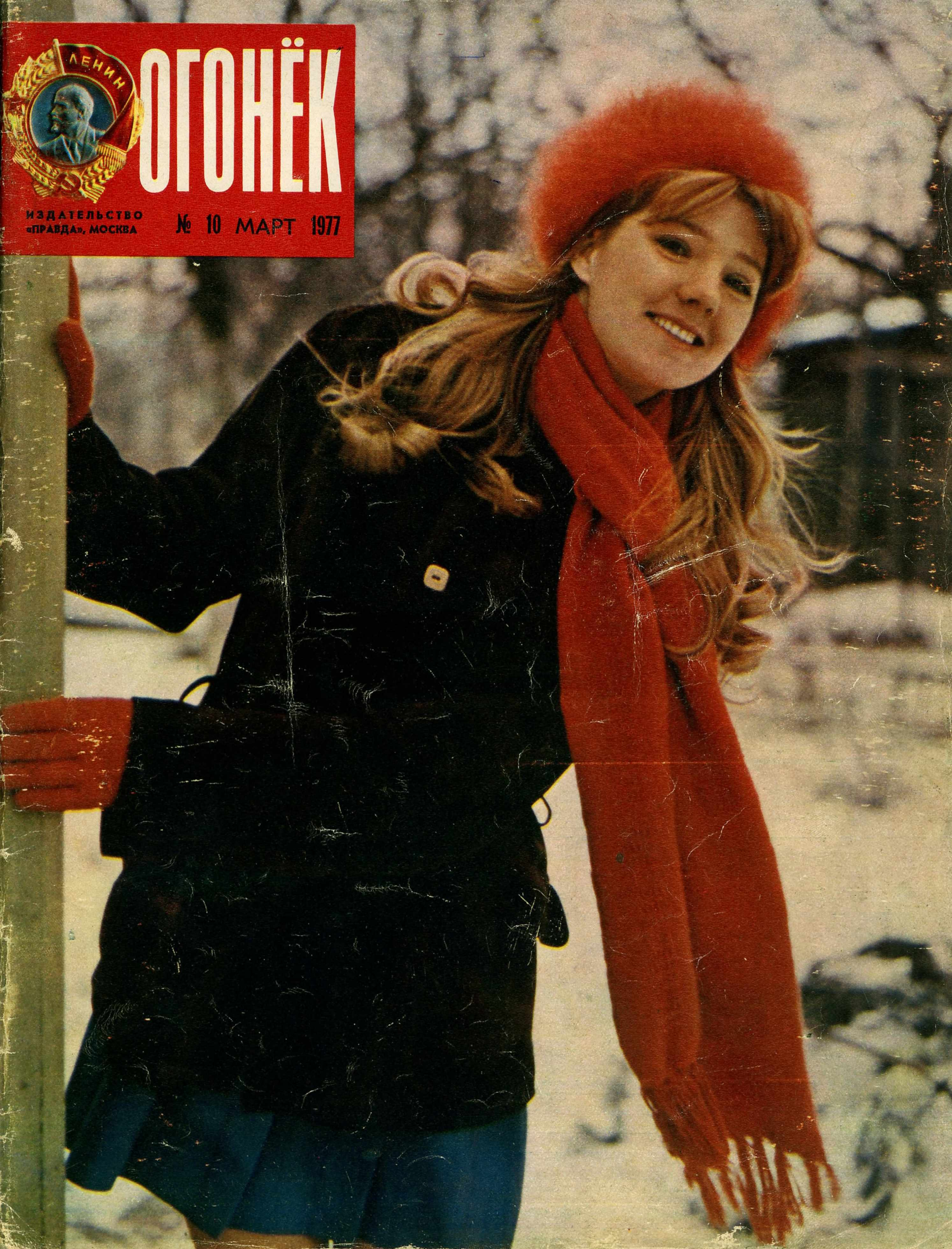
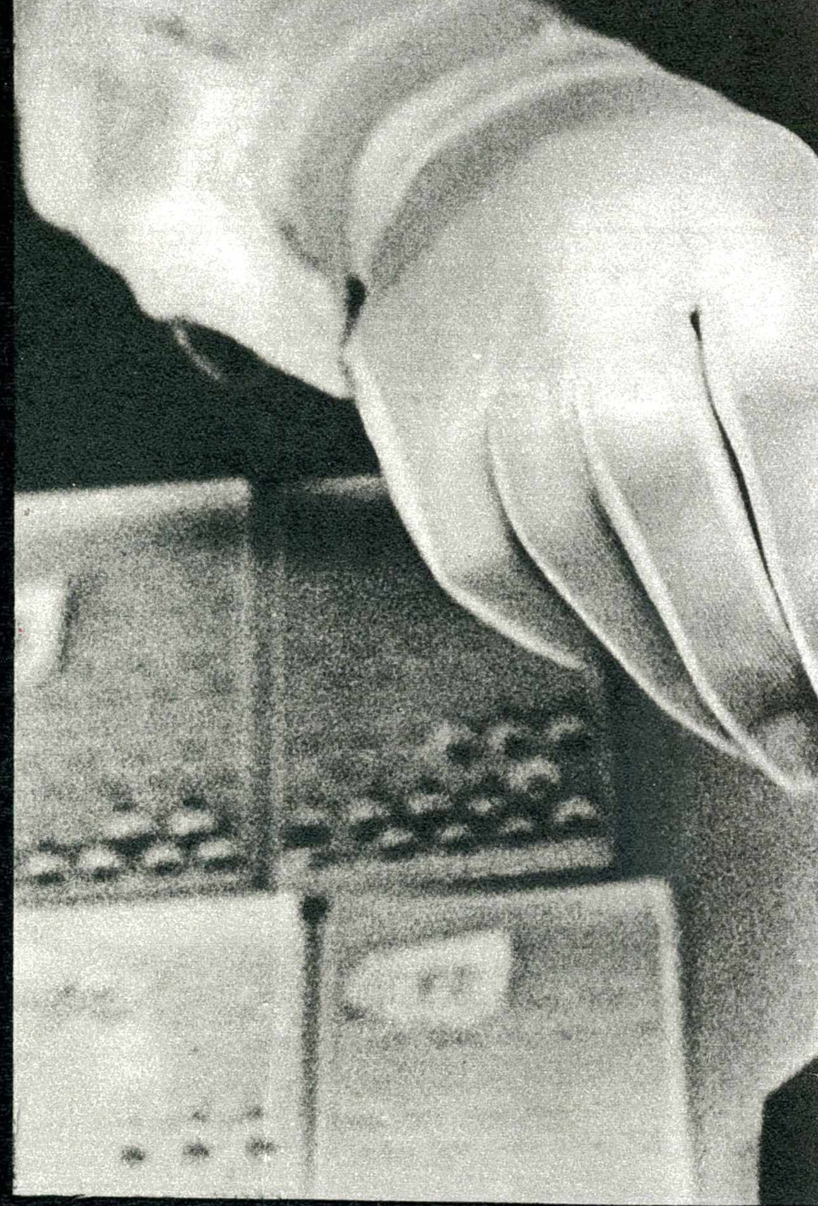

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 10 МАРТ 1977

Сегодня выходной. Вот-вот к Алдоне нагрянут гости.

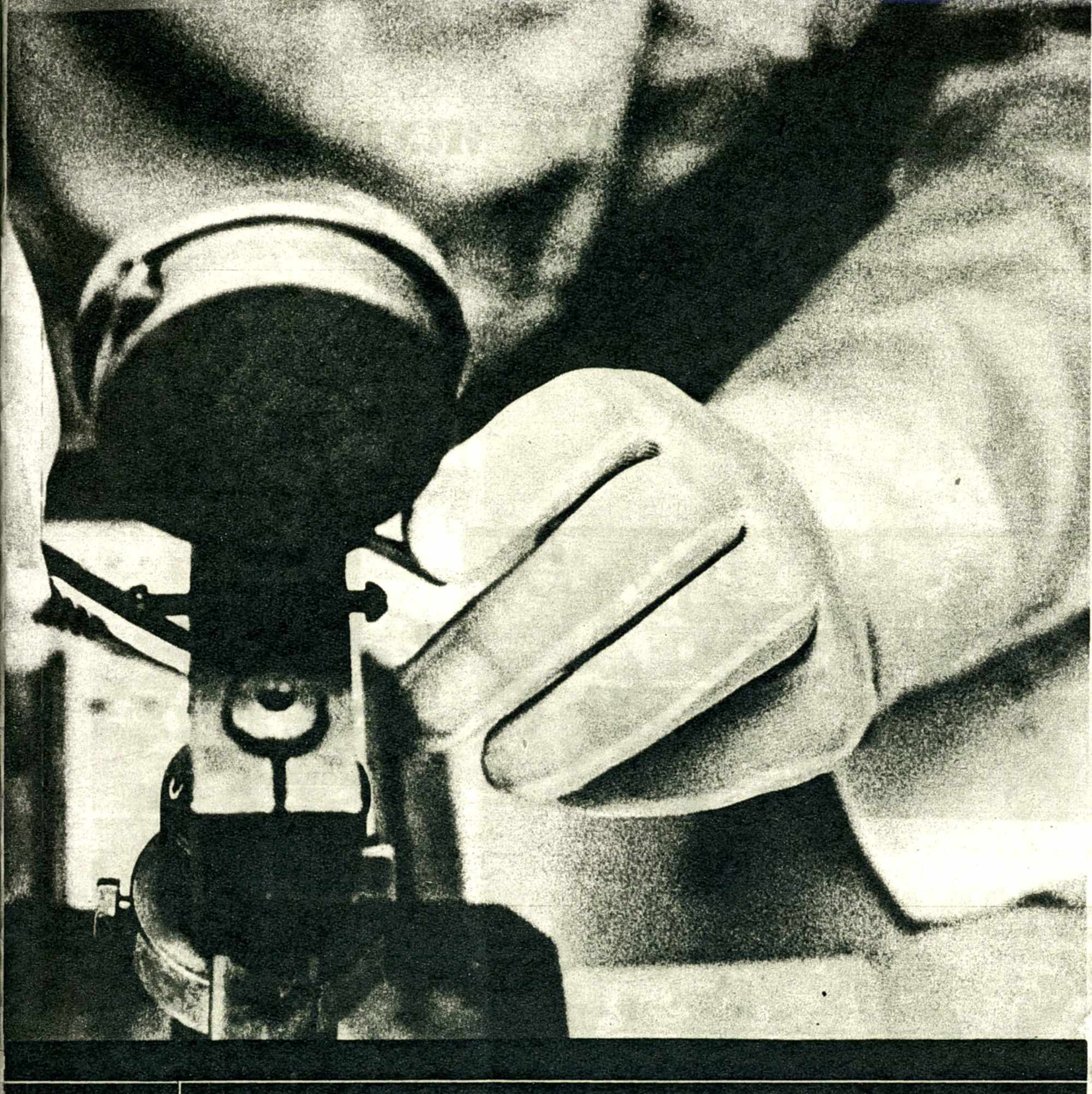

На рабочем месте.

Вечерний Паневежис.

ДЕВУШКА С УЛИЦ

Алдона Каваляускайте и Донатас Баниотис.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Экзамен в университете.

Ы ЦВЕТОВ

Октябрь 1976 года. Международный аэропорт имени Кеннеди принимает советский самолет, на борту которого двадцать посланцев Советской Литвы. Среди них артисты и ученые, врачи и учителя, рабочие и инженеры. Взгляд у репортеров наметанный, и они столпились около высокой, стройной девушки с мягкой, лучистой улыбкой: явно кинозвезда. Каково же было их удивление, когда предполагаемая «звезда экрана» оказалась монтажницей завода «Экранас» Алдоной Каваляускайте.

Две недели ездила делегация

Продолжение см. на стр. 10

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2591)

5 МАРТА 1977

ЧЕТВЕРТЫЙ СЪЕЗД СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ

СООБЩЕНИЕ ТАСС

ПРОГРАММА ВЫПОЛНЕНА УСПЕШНО

25 февраля 1977 года после успешного завершения программы работ на орбитальной научной станции «Салют-5» космонавты товарищи Виктор Васильевич Горбатко и Юрий Николаевич Глазков возвратились на Землю.

Спускаемый аппарат транспортного корабля «Союз-24» совершил мягкую посадку в заданном районе территории Советского Союза в 36 километрах северо-восточнее города Аркалыка.

Самочувствие космонавтов после приземления хорошее.

Запланированная программа исследований двух экспедиций на орбитальной научной станции «Салют-5» успешно завершена.

Результаты научных исследований, полученные в ходе работы на околоземной орбите двух экипажей космонавтов, будут использованы в интересах народного хозяйства, науки и техники, а также при создании новых космических аппаратов.

Станция «Салют-5» продолжает управляемый полет в автоматическом режиме.

Космодром Байконур, 26 февраля. Космонавты В. В. Горбатко (слева) и Ю. Н. Глазков знакомятся с полученной почтой во время отдыха в гостинице «Космонавт».

Телефото А. Пушкарева (ТАСС)

СССР

1 марта в Большом Кремлевском дворце открылся четвертый съезд Союза журналистов СССР.

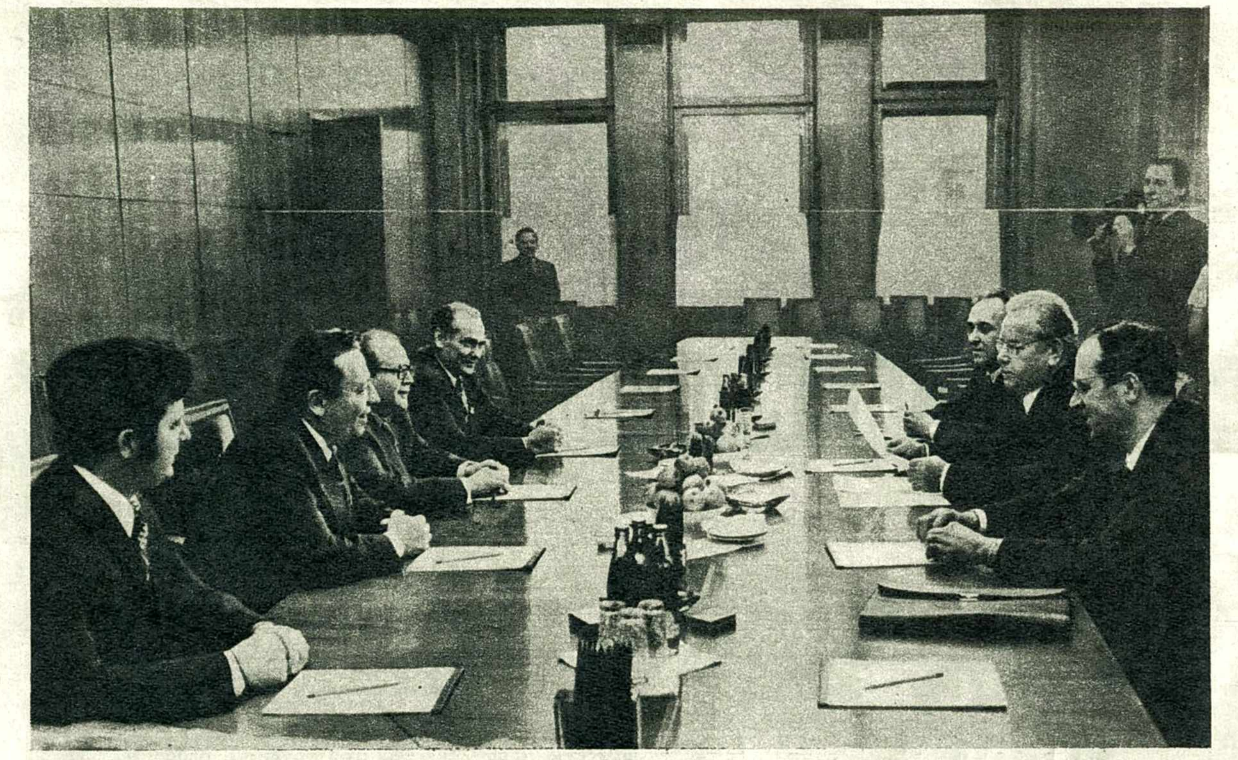
В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев, секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников. Здесь же секретари правления Союза журналистов СССР, главные редакторы центральных газет и журналов, председатели государственных комитетов СССР, руководители союзов журналистов союзных республик, представители партийных, советских, профсоюзных и общественных организаций. В президиуме также руководители Международной организации журналистов (МОЖ), союзов журналистов НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, КНДР, Кубы, МНР, ПНР, СРР, ЧССР.

Участники съезда единодушно избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

С отчетным докладом о работе правления Союза журналистов СССР и задачах советских журналистов в свете решений XXV съезда КПСС выступил председатель правления Союза журналистов СССР В. Г. Афанасьев.

В зале заседаний.

Фото Дм. Бальтерманца

Во время встречи.

Фото В. Будана (ТАСС)

ГОСТИ С «КРАСНОГО ЧЕПЕЛЯ»

24 февраля член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко и секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев приняли находившуюся в Москве делегацию Чепельского металлургического и машиностроительного комбината — первого секретаря парткома А. Эрнста, генерального директора И. Шолтеса и руководителя бригады социалистического труда Й. Хорвата.

В ходе состоявшейся беседы венгерские друзья рассказали о горячем энтузиазме, с которым коллектив «Красного Чепеля» воспринял приветственное письмо Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, поддержавшего инициативу рабочих и инженерно-технических работников комбината по развертыванию соревнования в честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищ А. П. Кириленко передал венгерским гостям сердечный привет Леонида Ильича Брежнева. Он выразил трудящимся «Красного Чепеля» сердечную благодарность за проявление братских чувств по отношению к советскому народу и пожелал им успехов в выполнении взятых на себя трудовых обязательств.

«ХРОМАТРОН» К СУББОТНИКУ ГОТОВ

Немного времени осталось до 16 апреля. В этот день состоится ленинский коммунистический субботник. А в народе его часто называют днем красной субботы.

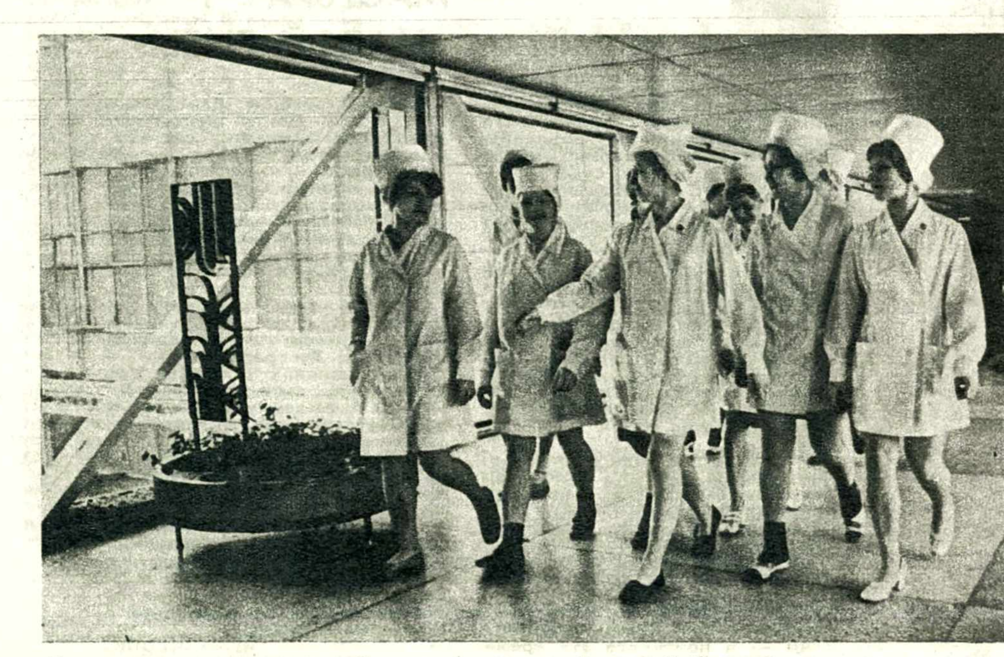
Нет, наверное, предприятия или учреждения, на котором бы не начали подготовку к этому празднику. Готовимся к нему и мы, рабочие, инженеры и конструкторы московского завода «Хроматрон», входящего в объединение МЭЛЗ. Завод наш очень молод: первый кинескоп сошел с конвейера всего восемь лет назад, а теперь, наверное, нет человека, который бы не видел или по крайней мере не слышал о нашей продукции — кинескопах для цветных телевизоров.

Мы горды тем, что за эти годы «Хроматрон» получил звание «Предприятие высокой культуры производства», а наши кинескопы аттестованы на Знак качества. Совсем недавно мы одержали еще одну победу: «Хроматрону» было присуждено первое место в соревновании предприятий МЭЛЗа, а объединению вручено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Все это обязывает трудиться еще лучше, выпускать кинескопов больше и, конечно же, повышать их качество. В день красной субботы с конвейера «Хроматрона» сойдет наша суточная норма кинескопов. Кроме того, рабочие «Хроматрона» будут трудиться по благоустройству территории завода, оборудованию зон отдыха и детских площадок в подшефном микрорайоне. Есть дела и посложнее. Именно 16 апреля начнем строительство плавательного бассейна в нашем пионерлагере «Журавленок», соорудим хоккейную коробку для ребят из 370-й школы, разобьем новые цветники и газоны, посадим несколько сот деревьев.

Итак, близится день красной субботы. Мы, хроматроновцы, к нему готовы!

А. ГОРБАЧЕВ,
заместитель секретаря парткома завода «Хроматрон»

Комсомольско-молодежная бригада монтажниц Наташи Зубехиной.

Фото А. Бочинина

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

Абраменковы: Виктор, Михаил Зиновьевич, Юрий и Александр.
Фото А. Афанасьева

ДОНБАСС

ТРИ СЫНА

Когда-то говорили, что один сын не сын, два сына — полсына, а три сына — сын.

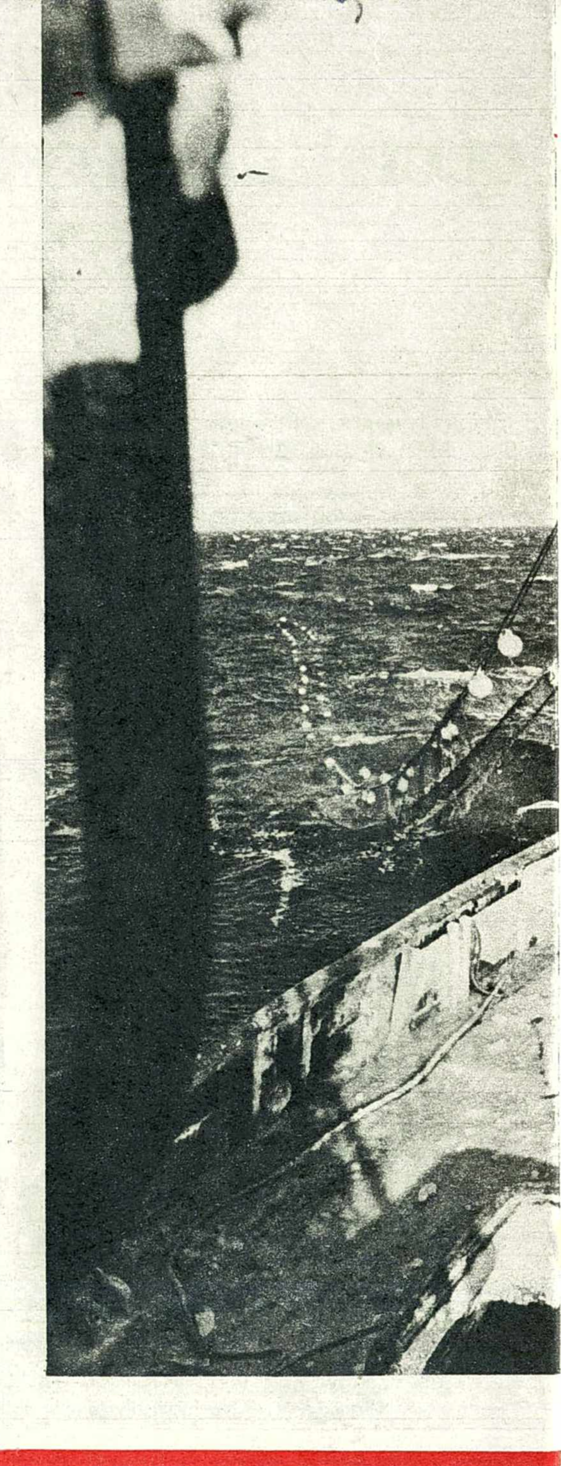
Законная гордость бывалого шахтера Михаила Зиновьевича Абраменкова, который тридцать лет проработал под землей,— это его сыновья. Их трое. и все унаследовали отцовскую профессию. Виктор трудится рабочим очистного забоя. Александр — крепильщиком, как и отец. Юрий — электрослесарем.

Энергичные, надежные ребята, которым под силу любое дело. Их всегда можно видеть там, где труднее, там, где они нужнее. Но и после смены у них забот достаточно. Виктор учится в институте, хочет стать горным инженером, он успел окончить и музыкальное училище, товарищи по работе избрали его членом шахтного комитета профсоюза. Александр увлекается электроникой, Юрий — электротехникой. Они тоже продолжают учебу.

Коллектив шахты № 3-бис производственного управления «Торезантрацит» — один из лучших в Донбассе. В первом году пятилетки тут выдано на-гора́ 30 тысяч тонн угля сверх плана. Повышенные обязательства взяли шахтеры и на этот год. Славится коллектив и своими рабочими династиями. Не одно поколение Прониных, Кулагиных, Мартыновых, Лисицыных, Лепетюх проработало здесь многие годы.

Недавно в жизни братьев Абраменковых произошло знаменательное событие: все трое в один день были приняты кандидатами в члены Коммунистической партии Советского Союза.

С. КАЛИНИЧЕВ

ПРИМОРЬЕ

МАСТЕРА «МАЛОЙ РЫБЫ»

База сейнерного флота имени Надибаидзе приморского производственного объединения «Приморрыбпром» имеет большие и малые суда. Большие уходят за «большой рыбой» в дальние морские экспедиции, а малые промышляют на «приусадебных» участках— недалеко от берега.

Малый рыболовный сейнер (МРС-093), на борту которого я провел рыбацкий день, лидирует по всем показателям.

...Расталкивая льды, 093-й рвется к открытой воде. За нами, в кильватер, идет напарник — такой же сейнер. На прибрежном лове рыбаки применяют метод парного траления.

Капитан Николай Григорьевич Мацко включил самописец эхолота — прибор, который фиксирует косяки рыбы.

В ходовой рубке тягостное молчание. Рыбы пока нет.

В такие минуты, а то и часы все зависит от капитана, от его опыта, знания района лова. Мацко за четверть века работы на одном предприятии — и почти все это время на «малой рыбе» — стал непревзойденным мастером своего дела.

И вот капитан дает команду начинать траление. Длится оно около часа. Почти шестьдесят минут два маленьких сейнера, упираясь, тянут ваера — канаты трала.

Трал выбирают быстро. Ветер, мороз и бьющая о борт волна потораппивают ловцов. На подъеме трала работают все. Таков закон. В рубке управлять судном остается один капитан.

...Позже, уже на берегу, я разговаривал с начальником базы Олегом Николаевичем Зубковым. Он рассказывал о первых успехах в борьбе за выполнение задачи, поставленной XXV съездом КПСС перед дальневосточными рыбаками,— увеличить уловы рыбы, добычу морепродуктов, производство пищевой высококачественной рыбной продукции в расширенном ассортименте. А мимо нас проходили машины, увозящие в магазины свежемороженую, копченую и вяленую рыбу, икру и различные консервы, приготовленные из «малой рыбы», только что пойманной в прибрежных водах.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»
Фото автора

На снимке: идет лов...

АЗЕРБАЙДЖАН

ВОСЕМЬ ЭТАЖЕЙ ЗНАНИЙ

В Сумгаите начинается строительство городской библиотеки. Вместе с автором проекта архитектором А. Саламовой мы «отправляемся в путешествие» по этажам дворца знаний.

— Крупнейший в Азербайджане библиотечный комплекс на восемьсот тысяч томов поднимется в центральной части города, примыкающей к набережной Каспия,— поясняет А. Саламова.— С аллей парка-бульвара читатель попадет в вестибюль, спустится в залитые светом залы. В главном из них двести пятьдесят мест. У каждого абонента свой столик с лампой. Рядом разместятся два зала на сто мест каждый. Здесь читатель найдет отдел музыкальной литературы с богатой фонотекой и широким выбором нотных изданий. Можно будет прослушать пластинки с записями классической, национальной и легкой музыки, сыграть при желании любимое произведение на фортепьяно или другом инструменте. Предусмотрен и отдел изобразительных искусств. В большом конференц-зале будут проходить диспуты, встречи читателей с писателями, показ кинолент.

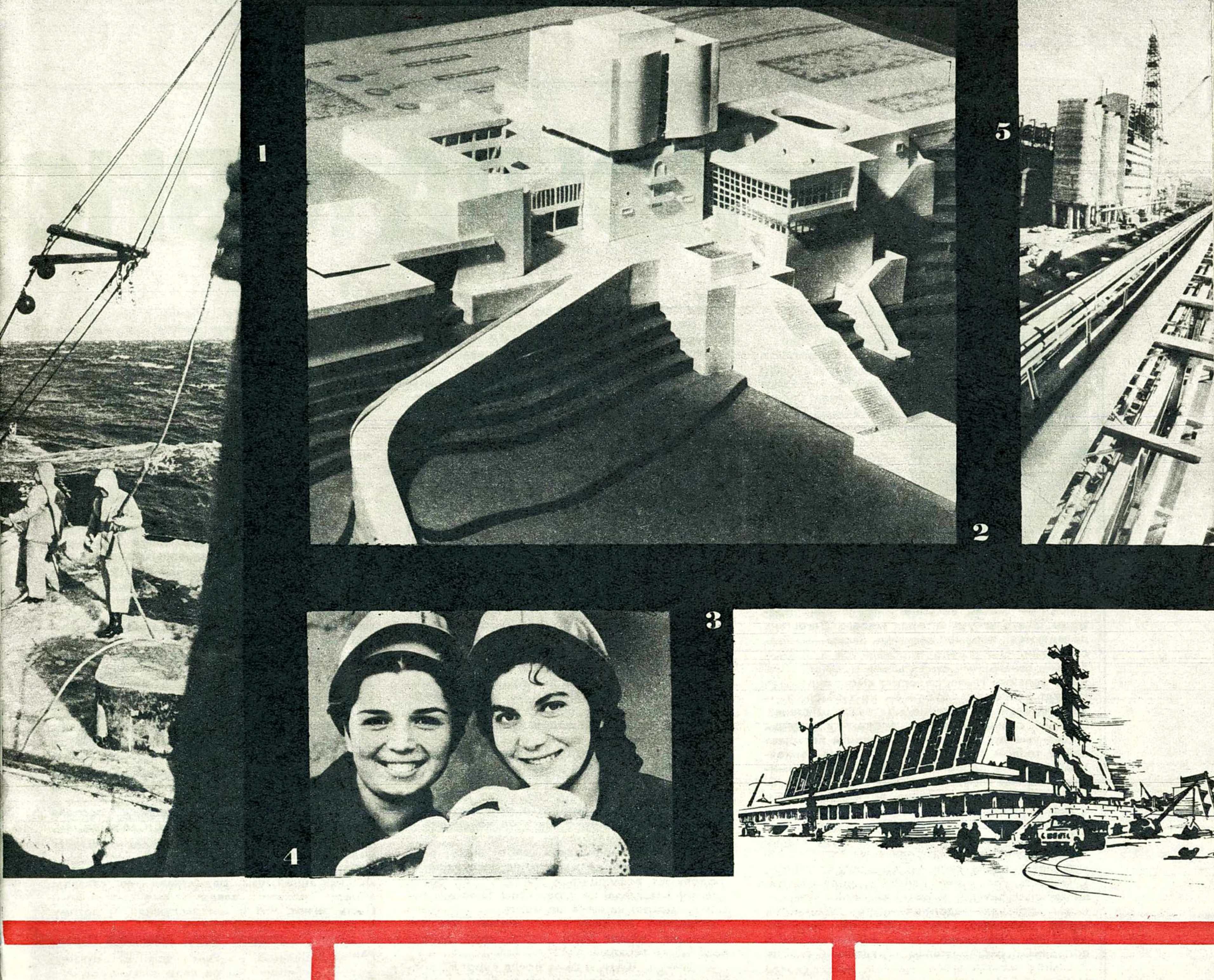
Каждый, кто окажется в этих

КИСЛОВОДСК

ОЛИМПИЙСКИЙ КОМПЛЕКС

В районе Кисловодска на высоте 1200 метров над уровнем моря раскинулась огромная строительная площадка — возводится олимпийский комплекс «Трудовые резервы». Высокогорный спортивный городок предназначен для тренировок олимпийских команд Советского Союза. Здесь будут гостини-

стенах, сможет получить интересующую литературу буквально по всем отраслям знаний. В специальном отделе разместится коллекция редкостных книг и изданий.

В подземных этажах главного корпуса смонтируют камеры кондиционирования воздуха, а на верхних — секции книгохранилища.

Принцип работы — вертикальный книжный конвейер, как в крупнейшей в Европе московской библиотеке имени В. И. Ленина. Лифт за десять минут доставит абонентам любую заказанную книгу.

Интерьеры дворца будут украшены гранитом, мрамором, витражами. В художественно-декоративном убранстве найдет широкое применение чеканка с национальными мотивами.

Г. ПОГОСОВ

ца, стадион, другие спортивные сооружения.

К строящемуся комплексу подведена канатная дорога, которой сейчас пользуются многочисленные отдыхающие города-курорта.

Н. ЮРИКОВ, архитектор
Рис. автора

4

ГРУЗИЯ

ПЛАНТАЦИЯ В ШТОЛЬНЕ

В городе Чиатуре на марганцевом руднике имени Калинина появились девушки в шахтерских касках. Каждый день они уходят в глубь горы на пятый, некогда заброшенный участок рудника и возвращаются оттуда с корзинами, полными роскошных шампиньонов.

Вот что сказал нам по этому поводу руководитель объединения «Грузтеплица» Иосиф Давидович Панцхава:

— Для нас это дело совершенно новое. Началось оно в нынешнем году и, думаю, получит размах. Для начала мы договорились с чиатурским рудоуправлением и взяли под эксперимент законсервированный участок штольни длиной примерно в тысячу сто метров. Построили вдоль стен стеллажи в два яруса и разбросали на них компост. Дело в том, что на юге для изготовления компоста не нужно строить специальные помещения с соответствующим оборудованием. Компост можно готовить на открытом воздухе под легким навесом у входа в штольню. Поэтому производство грибов обходится во много раз дешевле, чем на Севере. Большая влажность и низкие температуры в штольне создают прекрасные условия для роста грибов. Грибницу завезли из подмосковных хозяйств, девять сортов. Особенно хорошо пошел сорт «Блондинка». Шампиньоны получаются невиданных размеров. За полтора месяца подземная плантация дала до восьмисот килограммов вкуснейшей продукции, которую с удовольствием раскупают в магазинах жители горняцкого городка.

Ия МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Работницы подземной плантации Тамила Махатадзе и Хатуна Чаладзе с шампиньонами.

Фото А. Мачавариани (Грузинформ)

УЗБЕКИСТАН

5

АРСЕНАЛ УРОЖАЯ

Народная мудрость гласит: «Каравай ситный — от земли сытной». Да только ли каравай! В частности, нынешние тридцать, сорок и более центнеров хлопка с гектара были бы невозможны без минеральных удобрений.

Первый год десятой пятилетки в Узбекистане ознаменовался вводом в строй нового промышленного комплекса по производству аммофоса на Самаркандском суперфосфатном заводе. Ежегодные поставки колхозам и совхозам высококалорийного «хлеба земли» увеличены на 700 тысяч тонн.

На очереди строительство еще одного такого же комплекса. С его пуском будет достигнута проектная мощность этого завода. Самаркандский суперфосфатный становится одним из главных арсеналов земледельцев республики в борьбе за самые высокие в истории хлопководства урожаи «белого золота» — урожаи десятой пятилетки.

Вяч. КОСТЫРЯ,
соб. корр. «Огонька»

Фото Р. Гафурова

Фазу **АЛИЕВА**,
народный поэт Дагестана

КОГДА ОБНО

Март — месяц весеннего обновления природы. В это время в горах нашего Дагестана появляются первые вестники весны — подснежники. Они смело пробиваются к солнцу своими тоненькими стебельками и, широко открыв зеленые глаза, радостно смотрят на мир. И будто говорят: «Убей — не сдамся, я — вестник весны, и веление мое законом станет. Видишь, солнце — сердце вселенной — лучом своим уже пробивается из-за тучи и посылает мне с теплом синеву неба». Согретые солнечным жаром и напоенные земным соком, оживают корни, набухают почки. Заря, проснувшись, вытирает щеки синим полотенцем неба, и они становятся красными,— тогда она отдает свою власть над природой младенцу утру.

Не символично ли, что именно в тот месяц, когда обреченная на гибель зима отступает и вступает в права свои весна, несущая природе юность, зеленение, цветение, миллионы таинственных звуков, тысячи мелодий, рожденных в гортанях задорных птиц,— именно в марте празднуют Международный женский день? Не символично ли, что каждая из нас с волнением, растворенным в радости и грусти, с самого начала этого месяца ждет своего праздника? И так приятно видеть, как все вокруг нас подчинено нашему женскому празднику, как наши сыновья, отцы, братья, любимые с волнением готовятся поздравить нас. И в этот день мы с трепетом произносим имена бесстрашных дочерей земли, размышляем об их судьбах, с глубокой печалью в сердце и с большим сочувствием думаем о женщинах капиталистических и колониальных стран, кого и сегодня не коснулся свет свободы, демократии. В нашей памяти снова и снова оживают их легендарные подвиги. Мы с особой любовью в этот день произносим имена наших милых бабушек, нежных матерей, добрых и строгих учительниц. С благодарностью склоняем перед ними головы, дарим им теплые улыбки.

Ныне наш праздник, Международный женский день, отмечается в год шестидесятилетия Великого Октября, и потому мы встречаем его с особым волнением.

...Написав первые строки этой статьи, я подумала: что же можно сказать нового, ведь каждый год о женском празднике говорят столько красивого, мудрого, поэтичного? Работа над статьей не двигалась, я нервничала, злилась на себя. В это время секретарь открыла дверь и сообщила, что в приемной ждет пожилая горянка, приехавшая из высокогорного аула. Она хочет встретиться со мной, редактором женского журнала.

...Передо мной сидела женщина примерно семидесяти лет. Она из тех горянок, о которых говорят: «Такая трудолюбивая, что без рукавиц может скосить крапиву, в огне рука не обожжется и во льду не замерзнет». Сейчас она явно рассержена.

— Эта,— она имеет в виду секретаршу,— говорит, чтобы я пришла в понедельник. Больше нечего, что ли, мне делать? Ты здесь сидишь, а она скрывает тебя от меня. Или скажи, Фазу, люди, уехав в город, забывают горские обычаи и привязывают к своим дверям человека, чтобы не пускать к себе никого?

— Что вы, что вы, это недоразумение, простите нас,— смущенно ответила я.

Женщина была высока и, как все горянки, стройна. Ее круглое, с красными, как печеное яблоко, выпуклыми щеками лицо было украшено глубокими морщинками. Я сознательно употребила слово «украшено»: пожалуй, без этих мудрых морщин, напоминающих росписи на скалах, эта женщина была бы лишена такого обаяния. Она уверенно села на стул и тут же погладила большими, грубыми, со множеством трещинок, в которых застряла черная земля, руками курчавые голенища бурок.

— Я, Фазу, приехала к тебе жаловаться, хотя никогда не прибегала к тому, чтобы чего-то добывать жалобами. Я живу по законам мудрых: «На гору не опирайся — гора может разрушиться, на реку не надейся — река может высохнуть. Надейся только на себя, на свой труд и на то добро, что ты посеешь в сердцах людей». Но на этот раз решила просить у тебя помощи.

«Наверное, здесь, в городе, живут дочь, или сын, или внук, речь пойдет о разводе, или о квартире, или, может, о каком-то конфликте с председателем колхоза»,— думала я.

— Самое нужное взяли себе наши районные начальники. А мы что, не заслужили?— продолжает возмущаться женщина. Ее большие черные глаза, не утратившие блеска и горения, смотрят на меня не мигая.

«Наверное, ей была нужна мебель или холодильник, может быть, хотела сыну купить машину?»— терялась я в догадках.

— Знаешь, Фазу, я сама росла сиротой, когда моего отца, партизана, убили белогвардейцы. Тогда шли бои за Советскую власть в Дагестане. Я осталась с пятью младшими братьями и сестрами на руках, потому что мать умерла при рождении самой младшей сестры. Я воспитала всех их, работая за троих. Двум братьям помогла получить образование, до войны один из них работал учителем, другой — бухгалтером. Муж мой был известным во всей республике чабаном. И он и оба моих брата не вернулись с войны. Когда братья и муж воевали, я пасла в горах отару овец, рассчитанную на трех чабанов. С первого года войны до ее окончания я с весны до осени была в горах, а зимою на кутанах — зимних пастбищах. И после этого спроси, отставала ли Парзилат хоть от одной колхозницы на сенокосе или на жатве? Нет, никогда. Клянусь честью горянки.

Руки ее трясутся, и я успокаиваю горянку:

— Что вы, Парзилат...

И стены моего редакторского кабинета словно расступаются, я поднимаюсь в высокогорный аул, где по тропинкам шагают с серпами в руках горянки. Я вижу их всех воплощенных в одной, вот в этой гордой женщине, которая сидит передо мной.

В первых росах смуглый лоб,
Рукава засучены —
Первый взмах и первый сноп
Парзилат поручены.

Парзилат, Парзилат,
Рукава закатаны,
Первый сноп и первый ряд
Для тебя загаданы.
Ведь недаром говорят,
Чтобы жала — первая,
Молотила — первая
И косила — первая...

Парзилат возвращает меня из поэтического мира в мир земных забот.

— И вот, Фазу, я хотела, чтобы ты помогла мне получить...

— Машину?— срывается с моих губ.

— Нет, не машину. Сын мой еще в прошлом году купил себе машину, он работает здесь, в Махачкале, а дочка в ауле нашем уже одиннадцать лет, главный врач больницы. Не о машине пришла просить тебя. Я хотела сделать внуку подарок — подписать его на пятьдесят томов сочинений детской литературы. Говорят, там все произведения самых лучших детских писателей...— И горянка выжидательно посмотрела на меня.

А я, потеряв дар речи, уставилась на нее. «Вот как она изменилась, жизнь вокруг. Когда я училась в первом классе, мать отнимала у меня книги и бросала их в очаг: «Это женщинам не нужно, им надо учиться подметать да стирать, готовить обед и слушать мужа». Непрошеные слезы затуманили мои глаза.

— Что ты, Фазу? Я что-нибудь не так сказала?

— Нет! Вы очень хорошо сказали — это слезы радости.

Я тут же посадила ее в машину, поехала вместе с ней в «Дагкниготорг» и заявила там, что если они не обеспечат внуку Парзилат подписку, то я уступаю ей свою.

Когда у Парзилат на руках оказалась заветная квитанция, она, размахивая ею, сказала: «Поеду, покажу заведующему магазином. Пусть знают, что и мы заслужили, и потому подписали нас на эти книги».

...Долго я глядела вслед уходящей Парзилат.

Если где меня когда
О горянке спросят,
Вспоминается страда,
Время сенокоса.
Парзилат, Парзилат,
Тоненькая талия.
Пахнет сено на лугах
Солнечными тайнами.
А чтоб сено на рассвете
Ветры не разграбили,
Парзилат ломает ветер
Под своими граблями.

Я целый день не могла думать ни о чем другом, кроме как о Парзилат. С какой жалобой ко мне, главному редактору дагестанского женского журнала, обратилась сегодня семидесятилетняя горянка. И тут же я вспоминала еще один случай. Это было в прошлом году, тоже в День Восьмого марта. Звонок в дверь. Открываю. На пороге стоит родственник мужа — Магомед Шагидов из селения Андых. В руках у него свежие, огнем горящие пять красных гвоздик:

— Поздравляю, доченька, с праздником, желаю тебе, чтобы ты всегда радовала нас новыми произведениями!

— Вай, баркала! — прижимаю бережно к груди гвоздики. Все мои мужчины смеются надо мной:

— Чего ты, мама?..

— Ничего! Ничего! — отвечаю им.

ВЛЯЕТСЯ ЗЕМЛЯ

А что они понимают, мои сыновья, в женской радости? Чтобы горец, который больше семидесяти лет провел в горах, чья жизнь была соткана из трудных часов и дней, кому приходилось выжимать хлеб из голых камней, чтобы такой человек покупал и дарил цветы... Какой психологический перелом должен был произойти в его сознании? Я же знаю, что Магомеду нелегко достается рубль и он всегда тратит его по-хозяйски.

Помню, приезжал в Махачкалу дядя моего отца, Омардада. Мы с ним шли по бульвару. Увидев, что продают розы, он долго не хотел верить этому: «Кто их покупает? Вот же наши горы, они полны цветами, рви, сколько хочешь, хоть охапками неси домой!» А когда Омардада увидел, как молодой человек купил четыре розы, получив при этом только пятьдесят копеек сдачи с пяти рублей, он стал размахивать руками и начал ругать молодого человека: «Как же можно платить за цветы четыре с половиной рубля? Полторы мерки пшеницы? Это же, если посчитать старыми, сорок пять рублей!» Молодой человек с недоумением смотрел на Омардаду, потому что он ничего не понимал на аварском языке.

— Цветы, Омардада, несут женщине радость, он их купил, чтобы подарить любимой! — говорю я ему.

— Не бери, доченька, такой грех на душу! — отвечал Омардада.— Моя Халун меня выгонит из дома, если я заплачу четыре с половиной рубля за цветы. Это же сумасшедшее расточительство! Если бы было в моей власти, я этого парня взял бы в горы, дал ему в руки в начале весны плуг и заставил бы пахать, летом косить и жать, молотить,— посмотрел бы я на него тогда, как бы он запел... Ты понимаешь, Фазу, я только вчера здесь, в магазине, за эти же деньги купил для своей Халун на платье. Она будет носить его два года.

...Когда Магомед Шагидов подарил мне в прошлом году цветы, я вспомнила дорогого моему сердцу Омардаду, которого давно уже нет в живых. Ему бы посмотреть теперь на горских стариков — как они изменились!

А дома меня ждал новый сюрприз. Гостей было трое: старая женщина, старик с длинной белой бородой и юная красавица.

— Фазу нас не узнала! Ей можно простить — много лет прошло с тех пор! — вздохнул старик.

— Действительно не узнала! — ответила я, внимательно рассматривая гостей.

— Вспомни, доченька! Я во время войны у вас в ауле работал пастухом и кузнецом. Ты часто прибегала к нам. А это моя жена Хурия, а это Ферзият, правнучка, внучка моего сына, погибшего на войне.

— Дедушка Ахмед! — радостно воскликнула я.— Ты почти не изменился, только борода стала чуть реже и острее.

И я все вспомнила. Как во время войны Ахмед со своей женой Хурией неожиданно появился в нашем ауле. Днем старик пас колхозное стадо, а с вечера в доме наших соседей, где он поселился, до самого утра стучал по металлу молоток. Сломали кирку или лопату — бежали к дедушке Ахмеду, затупились серп или коса — заточит дедушка Ахмед.

Я была маленькой и вместе с матерью часто бегала в кузницу. Худой белобородый дедушка Ахмед без шапки сидел за маленьким кузнечным очагом на старом колючем пне и, ногою нажимая на какую-то похожую на подметку вещь, надувал мехи. Он разговаривал, не отрывая глаз от работы. Его руки, копошившиеся над углем, тоже казались сделанными из огня. Большие, волосатые, они переливались то розовым, то багровым светом. Кусок железа мялся под его пальцами, как мягкий воск, а Хурия по одному лишь движению его рук понимала, что надо подать, что взять. Дедушка Ахмед был немногословным, а Хурия любила поболтать. Потому в нашем ауле про них говорили так: «Молчаливая гора и шумливый поток. Клинок и ножны — их соединила судьба». Я от женщин слышала, что трое сыновей Ахмеда на фронте, и он молча, в тревоге, ждал вестей от них.

...В тот летний день стояла невыносимая жара. Под ногами стрекотали кузнечики, а прямо над головой, застряв в небе, жаворонок — комочек пуха и восторга — заливался трелью. Дедушка Ахмед сидел на камне. Перед ним стояло, вбитое в землю, какое-то приспособление, чтобы точить серпы,— во время сенокоса или жатвы Ахмед не пас стадо, его заменяла Хурия. Головы Ахмеда и сидевших около него Гаджи и Омардады были покрыты намоченными в родниковой воде большими лопухами. Издали эти три старика были похожи на горные утесы, бороды их напоминали пенящиеся водопады, а легкий пар, что поднимался от намоченных лопухов,— легкий дымящийся туман.

Жатва была в разгаре. Одна за другой женщины подходили к дедушке Ахмеду. Он брал серпы, не поднимая глаз, и, наточив, молча протягивал хозяйкам.

«Зулейха!» — вдруг раздался чей-то крик. И все женщины, бросив серпы, побежали ей навстречу. Дедушка Гаджи и Омардада тоже поднялись. Только Ахмед продолжал размеренно бить молотком по краям серпа.

Зулейха, почтальонша аула, шла медленно и тяжело, будто к ногам ее были привязаны гири.

— Нет, сестры, не с хорошей вестью идет к нам Зулейха,— шепнула Тухбат.

— Чей погиб? — И голос Рахмат задрожал. Женщины обступили Зулейху, стали что-то шептать и смотреть в сторону дедушки Ахмеда. Видимо, он заметил это. Я видела, как рука его, державшая молоток, повисла в воздухе. Потом он положил молоток на землю, встал, подошел к Зулейхе. Женщины сразу же расступились.

— Дай письмо! — протянул он свою большую руку.

— Вай, дедушка Ахмед!— заплакала Зулейха.— Я самая несчастная женщина, сколько печальных вестей несу людям.

— Какой сын? — спросил Ахмед, и рука его дрогнула.

— Алибек!

— Средний! — промолвил дедушка и, взяв у Зулейхи письмо, спрятал его.— Женщины, идите работайте. Хурия не должна знать о гибели сына, пока я сам ей не скажу.

Он вернулся в кузницу, и тут же застучал молот, я видела, как испарялись его слезинки на горячем металле серпа, где отражавшееся солнце ломалось сотнями искр...

— Это моя правнучка,— повторил дедушка Ахмед, прерывая мои воспоминания.— Ты нас извини, доченька, мы к тебе пришли с просьбой.

— Слушаю вас,— ответила я и села рядом с Хурией.

— Не везет ей, Фазу! — начала Хурия.— В прошлом году поехала в Москву сдавать экзамены и провалилась... А голос у нее чистый, ясный.

— В консерваторию поступала? — спросила я.

— Нет, в институт Гнесиных,— ответила правнучка.

— Спой, доченька, для Фазу,— обратился к правнучке дедушка.

Голос редчайшей чистоты зазвучал нежно и звонко. Я слушаю Ферзият, смотрю на старика — ему уже за сто — и думаю: «Разве в горах лет двадцать назад отцы и деды не выгоняли девушек со сцены? Это считалось позором. Редкий мужчина хотел понять, что это прекрасно, когда женщина поет. А если даже и пела женщина, то никогда не разрешали ей петь там, где среди слушателей были ее отец, дедушка, брат. А тут вот сидят Ахмед и Хурия и слушают свою правнучку, смотрят на меня («что скажешь, Фазу?») и считают, что девочке не повезло: не поступила в прошлом году в институт Гнесиных».

— Прекрасно! Редкий голос,— искренне воскликнула я.

— Посоветуй, Фазу, как быть? — умоляюще посмотрел на меня дедушка Ахмед.— В прошлом году я сделал глупость, не поехал с ней сам. В этом году поеду.

— Я поговорю с министром культуры, попрошу для нее направление от нашей республики.

— Спасибо, доченька. Век будем тебе благодарны.

...Вот, кажется, и все, что нужно для задуманной статьи. Вот он какой, психологический перелом в сознании горцев!

* * *

...А сердце мое болит. Как говорят в горах, разве может быть человек счастлив, когда знает, что сосед его несчастлив. Я радуюсь, когда вижу, как счастливы наши матери и сестры, но я не могу не печалиться за судьбы тысяч женщин, пока еще бесправных и угнетенных. Я видела их, когда бывала за рубежом, несчастных, голодных, обездоленных.

И хочется дожить до того дня, когда все женщины мира будут счастливыми, свободными, независимыми, а главное — когда все смогут трудиться. Ибо нет большего счастья, чем счастье труда.

...Дорогие женщины! От души поздравляя вас с праздником, хочу провозгласить тост за всех наших милых женщин.

Мой тост за женщин!
Если я — планета,
То женщина — как небо надо мной,
Питающее вечно шар земной
И нежной теплотой своей и светом.
А если сам я — небо,
То она
Как солнце в нем — источник и начало
Всего, что жило, двигалось, звучало,
Всего живого, чем земля полна.
А если я — родник, она — вода,
Журчащая бурливо в горных высях.
Картины нет печальнее, когда
Родник молчит:
В нем нет воды. Он высох.
А если я — орел, то мне она
Нужна в моем полете и паренье,
Как воздуха попутная волна,
Как моим сильным крыльям — оперенье.
Хочу, чтоб небо было на века.
Хочу, чтоб солнце каждый день всходило,
Хочу, чтобы мне сердце молодила
Журчащая вода из родника.
Хочу, чтобы орел взлетел туда,
Где гром рокочет — с молнией обвенчан.
Хочу, чтоб были женщины всегда!
А это значит, что мой тост за женщин!

ТАТЬЯНА ЯБЛОНСКАЯ

Ник. КРУЖКОВ

В Третьяковской галерее, в сорок первом зале, вы обязательно остановитесь у большой картины, занимающей весь простенок. Называется она «Хлеб» и изображает колхозниц, собравших урожай и на току ссыпающих зерно в мешки. Все как будто просто и обычно. Вы, несомненно, уже видели десятки подобных живописных работ, и, разумеется, не сюжет привлечет ваше внимание. От картины исходит трепетное волнение, поражает жизнерадостность, которую она излучает, вы чувствуете ритм жаркого трудового дня, восхищаетесь пластичными движениями людей.

Золотистой горой лежит зерно. Оно полновесное, литое, урожай хорош. И люди, занятые своим делом, радостны, веселы, хоть и нелегок их труд под палящим летним солнцем. Сверкают улыбки на лицах крестьянок, их платки белее снега: нельзя выходить на работу неряхой. Дружно работает колхозное звено. На ближайшем мешке с пшеницей отчетливо видна надпись: «к-п ім. Леніна, с. Летава, 1949 г.». Колгосп? Ну, конечно же, это Украина. И солнце здесь более жаркое, и небо синее-пресинее, и дома белые до голубизны, и женщины — неутомимые труженицы — сияют броской южной красотой. Надо очень любить и остро чувствовать национальный украинский колорит, чтобы так тонко и изящно запечатлеть его в картине, не настойчиво и резко, а, напротив, нежно и мягко.

Время создания полотна — сорок восьмой и сорок девятый годы. Еще недавно гремела на этих полях жестокая война, край был разорен, села лежали в развалинах и пепле. И вот все вновь возродилось. Жажда свободного, созидательного труда подняла людей на подвиг восстановления, по силе и значению равный ратному. Люди работают для себя, для своего народа, для Родины, от которой многие из них были долго и жестоко отторгнуты. И хотя еще не полностью зажили раны, нанесенные войной, и едва ли не у каждой женщины, работающей на этом золотом поле, осталась горечь утраты близких, воодушевление превозмогает все; дурная хмарь уходит, рассеивается, жизнь побеждает.

Вас охватывает душевный подъем, вам тоже хочется схватить лопату и ссыпать зерно вместе с теми, кто так красиво и вдохновенно трудится. Не каждое живописное произведение способно вызывать столь высокие, волнующие чувства!

Автор этой картины — выдающийся мастер советской живописи Татьяна Ниловна Яблонская, действительный член Академии художеств СССР.

Несколько месяцев она жила в селе Летава, Хмельницкой области, среди колхозников и сделала к будущей своей работе около 300 этюдов. Не так-то легко дался ей «Хлеб» — полотно, сразу же завоевавшее признание. По словам художника, она буквально влюбилась в жителей Летавы — так много среди них оказалось примечательных, интересных людей. Впоследствии она напишет в одной из своих статей: «Чтобы искусство было по-настоящему правдивым, необходимо близкое и глубокое общение художника с социалистической действительностью. Мы еще мало знаем и изучаем нашу жизнь. Мы вращаемся в очень узком кругу людей. На производство, в колхозы попадаем случайно. Я абсолютно убеждена, что продолжительное любовное, глубокое общение с лучшими советскими людьми, ознакомление с лучшими предприятиями и колхозами даст огромный толчок нашему искусству. Особое внимание художнику надо обращать на самое главное — на нового человека, его новое, социалистическое отношение к труду, к государству».

Эта мысль и является творческим кредо Т. Яблонской.

Через одиннадцать лет из-под ее кисти вышла картина «Скоро сенокос», близкая по своему настроению к «Хлебу». Как будто все обыденно: сельский базар, на котором колхозники, готовясь к сенокосу, закупают нужные для работы предметы. Чернобровая дивчина, улыбаясь, выбирает грабли, стараясь найти поудобнее. Хлопец с усами уже подобрал для себя товар и отошел в сторону. Народ кругом веселый, довольный: иные стали времена, легче стало жить и веселей работать...

Картина пронизана солнцем, светом, полна летних жарких красок: базар, живописное украинское торжище.

Вот как рассказывает об этом произведении художник в своей статье «Люблю тебя, жизнь!»: «Именно здесь, на базаре, я и задумала свое полотно «Скоро сенокос». Хотелось выразить праздничность страдной поры. Хотелось, чтобы картина звучала по-гоголевски: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!» Хотелось, чтобы все было светло и приподнято, чтобы грабли сверкали, словно лучи солнца».

Татьяна Ниловна превосходно осуществила свой замысел — ее картина «Скоро сенокос» сверкает, блестит, играет и поет.

Одновременно с работой над «Хлебом» она писала полотно «В парке». Там другой сюжет, другая направленность мысли. Зимний день, парк, легкий морозец, на скамейке сидят мамы, стерегущие своих ребятишек, одни из них мирно спят в санках, закутанные в одеяла, другие топчутся рядом. Покоем, материнским счастьем веет от этого произведения, лица малышей выделяются ярким яблочным румянцем, мамы, поглядывая на них время от времени, неторопливо беседуют между собой.

Несмотря на всю непритязательность сюжета, картина трогает зрителя своей непосредственностью, теплотой, нежностью. Так написать матерей и детишек может только художник, которому дорога и близка тема материнства.

Как-то Татьяна Ниловна — шутя, разумеется,— заметила, что если Дега любил писать балерин, то она любит писать малышей. Да, это правда. У нее есть немало работ на эту тему. В 1958 году она написала картину «Близнецы». Тоже зимний день, белый снег, обнаженное деревце трепещет ветвями. Ребята постарше катаются на лыжах, на первом плане — пара санок с близнецами, а возле них — мама, держащая «вожжи» салазок. Она читает книжку, но делает это небрежно, едва скосив глаз,— все ее внимание отдано маленьким, вальяжно расположившимся в санках. И та же теплая волна, которая приливает к вашему сердцу, когда смотрите картину «В парке», снова возникает при виде «Близнецов», и хочется воскликнуть: как хороша жизнь!

Есть у Яблонской полотно «Над Днепром». Ранней весной в погожий день сели люди на лавочку и любуются широко разлившейся рекой. На переднем плане — отец, ведущий за руку сына, другой малыш рядом с родителями на краю днепровского откоса. Ширь, простор, весеннее солнце излучает тепло. Все, казалось бы, просто. И вместе с тем радостно.

Увидеть большое в малом, сделать привычное впечатляющим — в этом главное достоинство художника. Взгляните на картину Татьяны Яблонской «Зимнее солнце» — перед вами городские улицы, дома, не слишком выделяющиеся своим видом. Но все залито солнцем, и все празднично преображено. И обыкновенное становится прекрасным. А вот молодой парень вышел на косогор и остановился завороженный: какие просторы открылись перед ним, какие густые зеленя на полях. Его плечи расправлены взволнованным дыханием, поза свободна, непринужденна. Хорошо ему, парню: перед ним вся жизнь, он спокойно и уверенно идет в нее,— вот о чем рассказывает картина Яблонской «Юность». Но простота этого мотива кажущаяся, художник приглашает вас к размышлениям, и это очень важно. Увидеть новое и неведомое в известном, жажда познания и открытий всегда владеют душой Яблонской. Татьяна Ниловна писала: «Так вот и идет жизнь художника — в непрестанном познании нового. И эту задачу нельзя решить раз и навсегда: она возникает вновь и вновь. И в этом тоже счастье. Надо только не жалеть труда, когда сталкиваешься с великим учителем — жизнью».

Если кратко охарактеризовать ее творчество, то следует применить одно-единственное, но емкое слово: жизнелюбие.

«Как прекрасна жизнь,— утверждает она своими работами.— Как прекрасна советская земля и ее люди, как благороден и красив их труд, как богата красками Украина, столь близкая сердцу, какие славные растут дети, и какие красивые, славные у них матери, заботливые и нежные!»

Ее картины — гимн Родине и народу.

Татьяна Ниловна — многоплановый художник. Ей доступно все: портрет, жанр, пейзаж. Она мастер композиции, тонкий, блистательный живописец. Ее творческий почерк точен, изящен и самобытен. Картины Яблонской всегда узнаешь среди работ других мастеров.

Она училась в Киевском художественном техникуме, а потом в Киевском художественном институте, где были отличные преподаватели, ценившие ее дарование. В начале 1941 года была организована персональная «Выставка работ студентки Татьяны Яблонской», имевшая немалый успех. Институт она окончила под гром орудий начавшейся Отечественной войны.

Наибольшую, думается мне, роль в творческом росте и развитии Яблонской сыграл ее отец, Нил Александрович,— человек примечательный и даровитый. По образованию своему он был историк, но

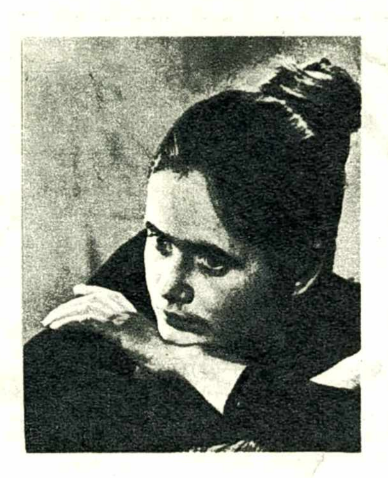
Т. Яблонская. Род. 1917. БЛИЗНЕЦЫ. 1958.

Т. Яблонская. СКОРО СЕНОКОС. 1960.

Тамара ПОНОМАРЕВА

У родника

●

В краю родимом я любила
И май и ветер-снеговей.
Там тропка детства проходила
У дома матери моей.

Она живет там и поныне.
Тревожен взгляд ее и добр.
Растопит сердцем давний иней,
Душой повыметет сугроб.

И вечно на крылечке вижу,
Как на приставочке свечу.
Чужих сзывает ребятишек:
Ей и чужое по плечу.

Моя родимая сторонка —
Рябина, елка и сосна.
И та смешливая девчонка,
Что, сидя, пела у окна.

А у тропиночки сбегались
Друзья с подружками, смеясь.
Там их следы навек остались,
И с ними не порвется связь.

●

Перо обронила Жар-птица
В прохладу лесного ручья.
Олень, наклонившись напиться,
Спросил изумленно: «Ты чья?»
«Ничья»,— отвечала невинно,—
И с этим смирились века.
«Ничья»,— повторила долина.
«Ничья»,— улыбнулась река.
Простор, распахнув свои крылья,
Промолвил оленю: «Моя!»
«Моя!» — небеса подхватили.
«Моя»...— просияла земля.

●

Бросалась радости навстречу
И обжигалась на лету.
И принимала день за вечер,
От спички искру — за звезду.
Вновь уходила, убегала
От встреч, от взглядов и себя.
Не стерегла — оберегала
В себе жемчужину — тебя.

●

Все вошло в изначальное русло.
В воды смотрятся берега.
Отчего так светло мне и грустно?
И вновь манит в чащобы тайга?

Эта речка врывалась, играя,
В многоцветье дремучих полян,
И не видела, как, замирая,
Звезды падали в мокрый бурьян,

Там, где все и бурлило и пело,
Где закончилась радость весны...
Отчего снег предвижу я белый,
Слышу песни родной стороны?

Отчего прихожу к устью снова,
В воды тихие долго гляжу?
Отчего так звенит мое слово,
Когда в волны реки я вхожу?

●

Любила тебя, ревновала тебя, бунтовала!
И счастьем тебя и несчастьем своим называла.
Как видно, не зря нам кукушка весну куковала,
А я веселилась, цветы по лугам собирала.
Но эти луга завели меня в дебри лесные.
Цветы отцвели, превратилися в ягоды — слезы.
Не верю в гаданья,
не верю в волшебные сны я:
Мне ближе теперь пересудов июльские грозы.
Ты что натворил?
Думал, в женщине гордости нету?
Пою и тоскую, сжигаю мосты и преграды.
А лето прошло. Мое самое грустное лето.
И ягоды все в нем побило
насмешливым градом.
Лютуют дожди. И мой город поэтому мрачен.
Он птиц отпускает на юг,
ближе к солнцу и зною.
Ненастьем предзимним, как видно,
он озадачен,
Но вслед нам бросает еще золотою листвою.

БАЛАЛАЕЧКА

Принахмурил строго бровь
Мой закат рубиновый,
И упала в снег любовь
Ягодкой рябиновой.
Ты скажи мне, не тая,
Сумасшедшинка моя,
По кому в ночи вздыхает
Балалаечка твоя?
Глянул строго ты мне вслед,
Не сказав ни «да», ни «нет».
Только струны выдавали
Самый пламенный секрет.
Золотиночка моя,
Называл тогда меня,
Золотая-золотая,
Как осенняя земля.
Погорела та трава,
Птица пела, чуть жива:
Видно, кто-то и за что-то
Потерял в любви права.
Сердце рвется пополам,
Горе пляшет по углам.
И чего же не хватало,
Молодым, красивым нам?
Балалаечка молчит,
Тайну тайную хранит.
«Ты зачем порвал ей струны?»—
Каждый встречный говорит.
Что упало — не поднять,
Не помчатся годы вспять,
Но едва ль еще найдется,
Кто бы мог, как ты, играть.

страстно любил искусство, тонко в нем разбирался, рисовал сам и всемерно старался привить своим детям любовь и привязанность к художественному творчеству. Особым его вниманием пользовалась Татьяна, у которой отчетливо проявлялись немалые способности. Отец прекрасно понимал, что без постоянной работы над собой талант может зачахнуть, и требовал от девочки дисциплины, прилежания, постоянных занятий. Все рисовали интерьеры, натюрморты из предметов домашнего обихода, позировали друг другу, делали наброски карандашом, углем, пером. Удавшееся отец откладывал в особую папку и в конце месяца выбирал вместе с «авторами» лучшие работы для семейных выставок, которые устраивались регулярно. Издавался семейный журнал «Сверчок», дети писали для него сочинения и сами их иллюстрировали. В доме были альбомы с репродукциями картин знаменитых художников, отец водил детей на выставки, и они под его умелым руководством постигали силу и прелесть искусства...

Мать, Вера Георгиевна, преподавательница иностранных языков, создавала в доме теплую, добрую обстановку, в которой жилось весело и интересно. Когда Татьяна Яблонская поступила учиться в институт, она была подготовлена лучше других своих товарищей, и учиться ей было легко и приятно.

Дисциплина и трудолюбие, привитые отцом, очень пригодились ей в жизни. В трудные годы эвакуации она жила в одном из колхозов Саратовской области и там не просто «пережидала грозу», а включилась в колхозную работу: полола, косила, скирдовала, молотила, возила на волах воду для поливки огородов. И крестьяне относились к ней уважительно.

Татьяна Яблонская полюбила колхозный труд, сердцем восприняла красоту работы для общего блага. Кто знает, может быть, именно тогда и возник у нее замысел картины «Хлеб», которая так пленяет нас своей эмоциональностью и трепетным изображением жизни.

Ее творчество прекрасно по своей форме, объемно и значительно по содержанию. Оно соответствует духу и идеям времени, воспитывает высокие чувства, рождает прекрасные и добрые мысли.

Как-то Татьяна Ниловна сказала: «Красота, как понимаем ее мы, советские художники, не является чем-то абстрактным. Источник красоты художественных произведений, созданных советскими художниками,— это красота нашей жизни».

С этой мыслью, выраженной так твердо, просто и верно, невозможно не согласиться.

ЗУЛЬФИЯ

Тебя воспеваю, жизнь!

Когда не могу я излиться до дна,
Хоть жизни бесценным сознаньем полна,
Когда я бессильна, когда больна,
И чувства бесплодны, и мысль тяжела,—
Тебя воспеваю, жизнь!

Когда для меня ты опять нова,
Как новой талантливой книги глава,
И снова в душе затрепещут слова,
Проклятье безмолвья сжигая до тла,—
Тебя воспеваю, жизнь!

Когда свои песни природа поет,
По осени зреет на ветке плод,
Иль горы зимой одеваются в лед,
Чтоб снова земля по весне расцвела,—
Тебя воспеваю, жизнь!

О жизнь!.. Ты совсем как ребенок!.. Вдруг
Ты радость мне даришь, а то испуг.
Ты — труд мой бессонный, мой вечный недуг!
В те дни, когда жду, чтоб откликнулся друг,—
Тебя воспеваю, жизнь!

Как редкостный дар, ты сладка и светла.
Ведь каждая жизнь, пусть она и мала,
Но в ней чудесам все равно нет числа!..
Чтоб в памяти заново жизнь я прошла,—
Тебя воспеваю, жизнь!

Но мне воспевать тебя все сложней,
Ведь я — это ты!.. Разомкни, разбей,
Не выйдет!.. Окрепни в душе моей,
Чтоб счастье излить я в стихах смогла,
Тебя воспевая, жизнь!

В ГОСТЯХ У ПОЭТА

Посвящается Самеду Вургуну.

Свиданьем дивным я вдохновлена,
И скорбный праздник сердца не нарушу.
Сегодня не каспийская волна —
Печаль и радость всколыхнули душу.

К Вургуну мы идем...
Перед дверьми
Остановилась я в благоговеньи...
Нет, не коснусь своей ногой ступеней!..
О сердце!.. Над землею подними!

Взлетим!..
На белом камне этих плит
Еще горят следы его живые.
Я вижу их заметы огневые...
Неужто шаг людской их пригасит?

О сердце!.. Легкость дай стопам моим!
Пусть на мгновенье станут невесомы!
Хочу под сенью дорогого дома
Соприкоснуться с вечностью на миг!

Ступеней ряд!..
Он помнит, он видал,
Как нарастает вдохновенья шквал.
Здесь легкая фантазия витала...
А иногда он здесь бродил, усталый.

Кто не вступал под светлый этот свод?
И те, о ком везде гремела слава,
Кто говорил с хозяином по праву,—
Ученики, читатели, народ...

Юнцы и старцы из далекой дали,
Быть может, также волновались, ждали...
Нет, никогда не заставлял он ждать!
Здесь каждый человек был гость желанный!
Радушием
Хозяин был под стать
Родной своей земле — Азербайджану.
«Был»!..
Здесь его звучала лира.
Прекрасный облик, и глаза, и взгляд...
Но дом его, семья, друзья и лира
Черты неповторимые хранят,
Чтоб мы живое услыхали слово,
Чтоб мы его увидели живого!

Благодарю, о сердце!
Ты в пути
Незримые мне подарило крылья.
Так соверши еще одно усилье:
Свиданье приближается...
Взлети!

ОГНЕННЫЙ ВОДОПАД

Ночь, словно море, без конца, без края,
Созвездья, будто на волнах, дрожат.
И там, вверху пылает, не сгорая,
Фонтан огней, струистый огнепад.

То не гроза ль во всей великой силе?..
Нет, это люди озарили высь!
Огонь с водой они соединили
И приказали им двоим: «Борись».

И борются.
И пламени багрянцы
С кипучей влагой не кончают спор.
Как есть — цыганка в исступленном танце:
Кружится, плещет косами костер...

ДЕВУШКА С УЛИЦЫ ЦВЕТОВ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

Алдона с подругами по бригаде Бируте Лепешкиной и Лаймой Наркявичуте.

по городам Соединенных Штатов. Позади Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Чикаго, Вашингтон. И вот, наконец, Нью-Йорк. Здесь предстояла встреча с литовцами-эмигрантами. Большинство из них уехали в Америку еще в годы буржуазной диктатуры, но были и отщепенцы, покинувшие Родину в наше время. В огромном зале ни одного свободного места. Кто-то рад встрече, другие смотрят с вызовом и недоверием, третьи настроены явно провокационно, в руках у них антисоветские плакаты.

На трибуну поднялась Алдона. Она говорила по-литовски. Родная, полузабытая речь заставила зал умолкнуть, подтянуться. В каждое слово вслушивались напряженно. Тишина была такая, что даже самые ярые антисоветчики не смели подать голоса. Алдона говорила, как пела. А уж петь-то она умеет! Она рассказывала о своем любимом Паневежисе, об «Экранасе», выпускающем кинескопы для телевизоров, о клубах и дворцах культуры, о возможности бесплатно получить образование и квартиру, о том, что заводом, городом, республикой управляют простые труженики, о гарантированном праве на труд и отдых, о бесплатном медицинском обслуживании, о всемирно известном театре, на премьеры которого приезжают люди из Москвы и Ленинграда, о своем большом друге, замечательном артисте Донатасе Банионисе. Сказала Алдона и о хлебе. Нелегко он достается на подзолистой литовской земле, но хватает его всем. И в каждом магазине в любой момент можно купить пышный каравай ржаного литовского хлеба с тмином.

Затуманились глаза стариков, совсем присмирела молодежь. Что ни говорите, а хлеб был, есть и всегда останется самым крепким корнем, связывающим людей с землей. Еще вчера Алдона видела большую очередь у лавчонки одного чикагского булочника: во всем городе только этот старик умеет печь хлеб по-литовски. И люди едут к нему, чтобы хоть както приобщиться к покинутой Родине... Алдона так и сказала: «Много интересного я видела в Америке. С годами кое-что, наверное, забудется. Но эту очередь за хлебом не забуду никогда!»

Потом Алдону попросили рассказать о себе. И тут она растерялась. Рассказать о себе... Вроде бы чего же проще, а на самом деле нет ничего трудней. Я провел с Алдоной не один день: сидел рядом с ней в цехе, бывал в ее доме, познакомился с матерью, братом, сестрой и даже малышкой племянницей, ездил в университет и видел, как она сдавала экзамены. Гуляли мы по улицам Паневежиса, до слез смеялись над веселой, озорной коме-

А мы, как будто по ступеням храма,
По лестнице восходим не спеша.
То замирает, то опять упрямо
Летит навстречу пламени душа.

Две женщины.
И третий между нами.
Ведет нас под руки наш добрый друг.
Мы знаем, что мужского сердца пламя
Живит нам сердце, окрыляя дух.

Наш друг, секретом жизненным владея,
Порою сам Везувию под стать.
Когда б иссяк огонь у Прометея,
У друга смог бы он огня достать.

Веди нас, друг!.. Веди все выше, выше!..
Волшебным мы омоемся огнем.
А позже мы о том стихи напишем,
Могучие стихии воспоем!

И мы взошли.
Мы стали цвета меди.
Огонь костра нас пронизал насквозь.
Восторгом боя, волею к победе
Душа воспламенилась... Все зажглось.

И мы заулыбались беспричинно,
Преобразились мы, и мир — кругом.
С лица заметы времени — морщины
Слизал огонь горячим языком...

Огонь с водой боролись так высоко.
Они, друг с другом радостно борясь,
Омолодили дочерей Востока,
В огнепоклонниц превратили нас.

СЕРДЦЕ НА ЭКРАНЕ

Неправда, доктор!.. Не мое оно —
То сердце, что сжимается столь мерно!
Нам с ним покоя не было дано,
Отобразили вы его неверно!

Нет, сердце, что своим считала я,
То устремлялось ласточкой к лазури,
А то взбиралось, будто бы ладья
На гребни волн
под грозный рокот бури.

Мы с ним всегда горели и горим...
Откуда это ровное биенье?!
Ритм сердца?!.. Может статься, это ритм
Родившегося в нем стихотворенья?..

Нет, мир, что в сердце заключен моем,
Не может уместиться на экране!
И сердце
— темной ночью, белым днем —
Игралище волнений и желаний!

Стремясь в сердца другие прорасти,
Оно ломает узы тесной плоти,
Оно всегда в движении, в пути,
В погоне за мелодией, в полете!..

А может быть, летя сквозь ураган,
Оно от молнийной устало вспышки.
И в этот миг случайной передышки
Его перенесли вы на экран!

Перевела с узбекского
Ю. НЕЙМАН.

ТЮЛЬПАНЫ

Тюльпаны, тюльпаны —
Повсюду тюльпаны,
В тюльпанах вселенная вся:
Вдали водопад заклубился багряный,
Над самым ущельем вися.

А здесь предо мною,
Сияя, ликуя,
Лежит беспредельный ковер,
И дальше ни шагу ступить не могу я,—
К тюльпанам прикован мой взор.

Ну что ж, повинюсь,
Я была молодою,
Топтала, срывала цветы,
Хотя и пленялась я их красотою,
Мне не было жаль красоты.

Как жадно цветы вырывала я с корнем,
Дивясь то одним, то другим,
И красное пламя тюльпанов
Я к черным
Глазам прижимала своим.

Как будто на ватном цветном одеяле
Лежала на поле ничком,—
И горы теснились,
И долы пылали,
Я их обходила пешком.

Прошли облаков
И годов караваны...
Долины пылают опять.
О нет, ни за что не осмелюсь тюльпаны
Теперь я топтать и срывать.

И мысленно я заклинаю прохожих
Земную беречь красоту:
Взгляните!
На детские щеки похожи
Долины в румяном цвету!

Мне кажется:
Каждый трепещущий венчик —
Живой кровеносный сосуд.
Как дети в семье жизнестойкой,
Пусть вечно
И вольно тюльпаны растут.
Тюльпаны —
Младенцы весеннего края!
Тюльпаны — вблизи и вдали...
Над ними я песню свою простираю,
Как над колыбелью земли.

Перевела с узбекского
И. ЛИСНЯНСКАЯ.

дией в театре. И все же я не могу считать, что Алдона успела рассказать о себе все.

Алдуте... Так назвал отец. Давно уж нет его на свете, а имя осталось — в доме ее иначе не называют. Работать начала рано. Сначала помогала матери поднимать младшего братишку, а потом пошла на завод. Там сказали: сперва надо закончить школу.

И тут ее судьба круто изменилась. Задушевная подружка, мечтавшая стать артисткой, боялась сдавать экзамены в театральной студии. Алдона из солидарности пошла с ней. В результате подружку не приняли, а Алдона без сучка и задоринки прошла все туры конкурса. Начались занятия. Алдона с упоением разучивала всевозможные монологи. Но как только доходило до диалогов, девушка забывала все на свете, путалась, краснела и убегала из класса.

— Понимаете,— не без смущения вспоминает Алдона,— от природы я человек стеснительный. А тут надо объясняться в любви, целоваться с незнакомым парнем, давать клятвы верности. Я, конечно, понимала, что это игра, что все это поступки и слова героини, а вовсе не мои, но... не могла. Хотите верьте, хотите нет, но студию я бросила именно из-за того, что так и не смогла себя пересилить, отделить свои чувства от чувств героини.

А вот в другом деле Алдона раскрылась полностью: все лето она работала воспитательницей в детском саду. Малыши души в ней не чаяли, да и сама она была уверена, что ничего другого ей не надо, что эта работа на всю жизнь. Но как раз в то время заканчивалось строительство завода «Экранас», и все девушки Паневежиса мечтали там работать. Еще бы! Просторные, светлые цеха, целый день звучит музыка. Белые мини-халаты, нейлоновые перчатки, кокетливые шапочки. Да и зарплата приличная... Пошла Алдона поступать вместе с подругой. Не приняли. Опять сказали, что надо закончить школу. Тут уж Алдону задело за живое! Перевелась в вечернюю школу и снова пришла на завод.

Так она попала на участок монтажа электронно-оптической системы: здесь делают сердце кинескопа. Малейшая неточность в запрессовке катода — а именно этим занимается Алдона,— и работа всего завода насмарку: кинескопы пойдут в брак.

Десять лет минуло с того дня. Теперь Алдона Каваляускайте — одна из лучших монтажниц цеха. 1800 катодов в смену — такова ее норма. А нельзя забывать о том, что частенько ей приходится покидать рабочее место для общественных дел. Но не было случая, чтобы она ушла, не выполнив норму.

Внимание к товарищам, дружелюбие, готовность в любой момент прийти на помощь — эти качества Алдоны сразу же заметили в цехе. Сначала ее выбрали комсоргом бригады, потом членом цехового и заводского комитета комсомола, вскоре членом горкома комсомола, а чуть позже — членом ЦК ЛКСМ Литовской ССР.

А три года назад произошло самое главное событие в жизни Алдоны Каваляускайте. В день отъезда на XVII съезд ВЛКСМ она узнала, что ее выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

— Стыдно признаться, но вместо того, чтобы радоваться и благодарить, я плакала,— говорит Алдона.— Плакала от страха: смогу ли оправдать такое высокое доверие? А потом начались встречи с избирателями. От нашего города в Верховный Совет СССР выдвинули Донатаса Баниониса и меня. Обоих в первый раз. Выступали мы обычно вместе. Представляете, каково мне было говорить после всемирно известного артиста! Но видели бы вы, как он волновался: сцена — одно, а жизнь — другое. Как ни странно, глядя на него, я немного успокаивалась. Уж если волнуется Банионис, думала я, то для меня это совершенно естественно. И вот день выборов! Места себе не находила, пока не узнала результатов голосования. Радоваться бы надо — из девяноста тысяч избирателей только двадцать девять человек проголосовали против, а я расстроилась: значит, есть люди, которые в меня не верят. Но это и подстегнуло, тем усерднее взялась за работу. Встречалась с людьми на заводах, в колхозах, больницах. Много мне пишут, а то и приходят прямо домой. Мой адрес в Паневежисе знают все: улица Пурену — так называется красивый луговой цветок — дом тридцать. Приходится решать довольно много дел, так или иначе связанных с правовыми вопросами, а я в этом, признаюсь, слабовата. Потому-то и поступила в университет, на заочное отделение юридического факультета. Забот, сами понимаете, прибавилось втрое. Свободного времени ни минутки. Встаю в пять утра, ложусь в двенадцать ночи. Но я к этому привыкла и не мыслю своей жизни иначе: раз люди оказали мне такое высокое доверие, надо его оправдывать.

— Так что же все-таки вы рассказали о себе там, в Нью-Йорке? — спросил я.

— Там?.. Там я рассказала о том, как в Советском Союзе простая рабочая девушка может стать государственным деятелем, решающим судьбы страны. А за примерами далеко ходить не надо: перед ними стояла я — молодой коммунист, рабочий человек, депутат Верховного Совета СССР.

СНЕГ И РОЗА

Все с нетерпением ждали конца високосного года. Он оказался тяжелым во всех отношениях: и лето дождливое, и осень ранняя, и зима не зима. Уже декабрь на дворе, а снег по ночам ползет с крыш, как на санях, и гулко плюхается на землю. Днем градусник показывает выше нуля, шустрые воробьи попивают водицу из светлых лужиц.

У студентов свои заботы: встреча Нового года, зимняя сессия.

К новогоднему празднику готовились заранее. Думали, где можно собраться, сколько денег нужно. Неплохо было бы махнуть к кому-нибудь на дачу, поближе к природе, к елочке, что в лесу родилась.

Степану было безразлично, где соберутся ребята. Он пойдет туда, где будет Лариса. Все эти годы, скрывая от всех, он писал ей стихи и строил планы.

Степан Белехов приехал в Москву из небольшого городка под Новосибирском. Многие дружки сомневались в его затее, но он успешно сдал экзамены и поступил в университет на физический факультет.

Крепко сбитый сибирячок привлекал внимание многих студенток, а сам он заприметил только одну.

Хороша Лариса, ничего не скажешь! Что рост, что завитки золотистых волос, что глаза голубее неба! Только характер строптивый: знает себе цену.

Да и как быть другой, когда за ней все ребята курса увиваются: кто на «Москвиче», кто на «Жигулях», один аспирант-«переросток» с наметившейся лысиной даже на собственной «Волге» подкатывает. А у Степана, кроме метро и автобуса, другого транспорта не имеется.

— Что ты мямлишь, Степка! — говорили ему друзья.— Ты аспирантика этого собственной фигурой придавить можешь! Она на тебя засматривается, всегда в пример ставит и успеваемость и скромность твою. Возможно, про скромность специально намекает, чтобы ты поактивнее был: девчонки любят смелых. Не ей же первой тебе объясняться!

— Куда мне, провинции, за столицей гнаться! Они ее на машинах развозят, а я что? Перед такси голосовать посреди улицы буду?

...Перебрали все кафе, где можно вечер провести, все варианты свободных «хат» и остановились на Ларисиной даче. Родители на несколько дней уехали к брату матери — академику: у них там своя компания под Новый год собирается.

Времени терять не стали, распределили обязанности, кому чем заниматься. Сильному полу вручили сумки и списки с перечнем по-

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

купок. Девчонки украсят елку, накроют стол. А их еще волнует вопрос: какого цвета должно быть платье, как по японскому календарю будет называться год и каким он будет?

Ребята проще смотрят на все приметы. Они предпочли традиционный темный костюм, белую сорочку и яркий галстук.

Степан взялся приготовить сюрприз.

Стали собираться гости. Аспирант прикатил на собственной машине, из которой выпорхнули несколько девчат. Степан видел: на крыльце аспирант задержал одну девицу за руку и, обхватив за талию, стал целовать.

— Негодяй! — скрипнув зубами, произнес Степан. Настроение у него испортилось. Он подумал: «Не махнуть ли к электричке, а там в общежитие да завалиться спать?»

Но все же Белехов остался. Он долго ходил вокруг дома, смотря на светящиеся окна, прислушиваясь к веселым голосам. Стрелки на часах показывали без четверти двенадцать. Пора! Он взялся за ручку двери и решительно потянул ее на себя.

— Где ты пропадаешь? — зашумели ребята.

— Искал в лесу снегурочку! — сострил аспирант.

Степан блеснул на него глазами, но сдержался. Ох, как он ненавидел его в эту минуту! И везет же таким, масленым!

Волосы аспиранта блестели от бриллиантина, прядь жиденьких волос прикрывала лысину. Костюм лоснился от утюга, а ботинки — от гуталина. Весь он самодовольный, самоуверенный.

— Товарищи, время, время! Прошу к столу,— пригласила Лариса.— Степан, иди сюда! — Она указала на свободный стул возле себя.

Как будто чем-то горячим плеснуло в лицо Степану. Ему стало душно, он расстегнул пуговицу под галстуком. Аспирант поджал тонкие губы, щурясь, стал наблюдать за Степаном, пробиравшимся к Ларисе.

Выключили свет, зажгли свечи. В углу, у окна, загорелась елочка, заблестела яркими шарами, засеребрилась от дождя из фольги. Все примолкли, слушая, как голос диктора произносил слова новогоднего поздравления. Куранты отбили полночь, наступил Новый, 1977 год. Раздалось дружное «ура!». Зазвенели бокалы, все стали поздравлять друг друга.

— С Новым годом, Степан! Пусть сбудутся твои желания! — сказала Лариса.

— С новым счастьем! — ответил Степан.— Всего того я желаю и тебе.— И выпил до дна.

За столом стало шумно: одни произносили тосты, другие чокались, кто-то пил на брудершафт, а кто уже затягивал песню.

— Старики, предлагаю танцы! — крикнул аспирант.

Включили магнитофон. Все поднялись с мест и запрыгали посреди комнаты. Звуки джазовых мелодий заглушали голоса. Пошли в движение руки, ноги, задергались плечи, бедра.

Степан стоял в сторонке и наблюдал за танцующими. Да это роботы какие-то, и танцуют они ритуальный танец неизвестного племени!

— Танцевать, молодой человек, танцевать! — покрикивал аспирант, извиваясь вокруг Ларисы.

К Белехову подошли одновременно две девушки. Но ему хотелось танцевать только с Ларисой.

— Простите, я не танцую современные танцы.

— Да вы и сами мало чем похожи на современного человека,— выпалила одна.

— А мне нравятся такие парни! — Вторая девица подхватила Степана за руку и потащила в круг.

Степан стал переступать с ноги на ногу, топчась на одном месте.

— Скромничаете, все вы умеете! — И девушка вдруг прижалась к Степану всем телом, крепко стиснув его вспотевшую от волнения ладонь.

Степан только теперь разглядел: это была та самая, что целовалась на крыльце с аспирантом, совсем не с их курса. Возможно, ее привел аспирант как свою приятельницу.

— Извините! У меня есть для вас, так сказать, номер.— И Степан отошел от нее.

— Смотрите-ка, он еще и артист! — засмеялась ему вслед девушка.

Степан подошел к Ларисе. Она не танцевала, стояла у стола и, разгоряченная, пила пепси-колу прямо из бутылочки.

— Степушка, когда же мы увидим твой сюрприз? — игриво обратилась она к Белехову.

— Предлагаю всем одеться и следовать за мной! — скомандовал Степан.

Шумная ватага высыпала на улицу. Степан, взяв Ларису за руку и крепко держа ее маленькую ладонь, повел за собой. Остальные потянулись за ними.

Снег чуть припорошил стежку. Степан с Ларисой прокладывали путь.

— Сусанин! Куда ты нас завел? Здесь нет дороги! — послышался голос аспиранта.

— Пришли, пришли, минутку терпения! — ответил Степан. Он разгреб сугроб, что-то щелкнуло, и перед всеми предстала светящаяся разноцветными лампочками елка.

Лариса подпрыгнула от радости и поцеловала Степана в щеку. От неожиданности у него закружилась голова.

— Молодец, Белехов! — восторженно закричали вокруг.

— У вас в Сибири под Новый год всегда елку в лесу наряжают?

— Пока нет, но придет время, встанут в тайге новые города, и люди не будут рубить елки. У каждого дома вырастет своя, посаженная в честь новорожденного...

— Ребята, да он поэт!

— ...И поэты напишут поэмы о некогда диком, далеком крае, ставшем сказкой наяву.

— Может быть, ты прочтешь нам свои стихи? — с иронией спросил аспирант.

— Могу и свои.

Степан отыскал глазами Ларису и начал читать.

— Девчонки, да наш медведь — поэт!

Хоровод закружился вокруг елки. Смех, песни разносились на весь лес. Раскрасневшиеся от мороза, все снова потянулись к дому.

Степан отключил аккумулятор, лампочки погасли. Они с Ларисой оказались последними в длинной цепочке, направлявшейся к даче.

— Лариса,— остановил ее Степан.— Я люблю тебя! Давай после защиты диплома уедем в Сибирь, и я каждый год буду зажигать тебе елку в лесу.

— Точнее, у дома, в честь новорожденного,— вдруг холодно сказала Лариса.

У Белехова сжалось сердце — отказ.

— Нет, Степушка, извини! Твои планы — мечта фантаста. Я живу сегодняшним днем. Ты хороший парень, но я боюсь, не выдержу сильных морозов, не дождусь, когда в январе в тайге зацветут розы. Мне жизнь нужна попроще, без особой романтики. Сразу квартирка, сразу машинка, пусть даже совмарки, ученый муж, а я, как дипломированная жена, займусь распределением семейного бюджета.

Степан не верил своим ушам. Красивый манекен, кукла! Что она говорит, кого он столько лет любил? Неужели они все такие? Нет! На курсе много скромных, добрых девчат с мечтой о будущем. Он видел их на стройках Сибири. Может, они и не так красиво выглядят в ватниках и сапогах, но мысли и дела их прекрасны. Возможно, все же она разыгрывает его?

— Лариса, где же ты? Мы ждем тебя! — донесся голос аспиранта.

«Вот он, удобный для ее жизни человек, ее идеал»,— подумал Степан и вдруг вспомнил. Достал из внутреннего кармана пальто алую розу и протянул Ларисе.

— Извини, что одна.

Лариса взяла розу, но укололась о шипы и уронила ее в снег. Их взгляд застыл на розе. Лепестки розы, дрожа, сжались от холода. Головка цветка вздрогнула и поникла.

Степан искоса посмотрел на смущенную Ларису, повернулся и зашагал к электричке.

СКРИПКА

Осень... Обычная осень: со звонким шелестом яркого листопада, с низко проплывающими свинцовыми тучами, с унылым, моросящим, затяжным дождем.

По аллее старого городского парка идет высокая, стройная женщина. Поскрипывает крупный песок, которым посыпаны дорожки парка.

Женщина зябко подергивает плечами, длинными, красивыми пальцами прячет под косынку намокшую прядь. Дождь и ветер усиливаются, но она не спешит. Задумчивый взгляд больших темных глаз устремлен вдаль. Багряная веточка клена, закружившись в водовороте дождя и ветра, медленно упала на землю.

Женщина подняла ветку и встряхнула ее. Дождинки соскользнули по резным листьям на землю. Она бережно положила ветку на левую ладонь и правой рукой стала разглаживать хрупкие листья клена. «Не печальтесь! — как бы говорила она.— Придет весна и дерево вновь зашумит листвой. И так будет всегда, каждый год, таков закон природы! У человека тоже есть свои времена года, только после осени к нему не возвращается весна».

Лицо женщины посветлело, она вся преобразилась, плечи распрямились, и серебристая прядь волос снова выскользнула из-под косынки. Женщина улыбнулась чему-то ей одной известному и, подставив бледное, но еще красивое лицо каплям дождя, легкой походкой направилась к воротам парка, держа в руке багряную веточку клена.

Был такой же осенний день. Шел дождь. Их было двое в лесу: Он и Она. Они собирали яркие листья, чтобы положить их на зиму между рамами. Они были музыкантами, недавно окончили консерваторию, играли в одном оркестре. Счастье их длилось два года.

Потом началась война. Он уехал на фронт, она эвакуировалась с театром в Среднюю Азию. Нет, его не убило! Война отняла у него правую руку, навсегда отобрала скрипку, доставшуюся ему в наследство от деда.

Он все решил сам: нет больше скрипки, нет больше Ее, нет возврата к прошлому.

Прямо из госпиталя он перебрался к молоденькой медсестре, спасшей ему жизнь во время отчаянной попытки выброситься с пятого этажа госпиталя. Через год она родила ему ребенка.

...Женщина ускорила шаг. Навстречу ей торопливо шли прохожие.

На повороте улицы женщина чуть не столкнулась с мужчиной. Он вежливо снял шляпу и извинился. Она, не глянув, прошла мимо.

Мужчина с непокрытой головой долго смот-

рел вслед, пока она не скрылась в подъезде дома. Тогда он вернулся к круглой афишной тумбе и еще раз перечитал концертную программу городской филармонии. Прошел по тротуару несколько шагов и снова вернулся к афишной тумбе.

...Поднявшись на второй этаж, женщина достала из сумочки ключ и открыла дверь. В лицо дохнуло домашним теплом, а вместе с ним и тонким ароматом духов, запах которых она не ощущала на улице. Она никогда не меняла духи, впервые подаренные Им.

Сняв пальто, она прошла в комнату. Посредине стоял рояль. В небольшую фарфоровую вазочку поставила ветку клена. Затем перенесла вазочку на подоконник. От багряных листьев в комнате посветлело.

Женщина подошла к старому комоду, выдвинула длинный ящик. В нем лежало несколько сорочек, сохранившихся от мужа, два галстука. Она извлекла с самого дна черный кожаный футляр, положила его на комод. Женщина открыла крышку. Старая, потертая скрипка хранилась в футляре. Ей было лет сто, не меньше. Она уже не блестела лаком: он потускнел от времени — на ней играли три поколения скрипачей. Не моложе выглядел и смычок.

Под скрипкой лежал белый клочок бумаги. Это было Его последнее послание, последняя нить между ним и ею: «Прости меня, я виноват! Ты умная, сильная, поймешь меня...»

И она поняла. Поняла боль его сердца, навсегда разлученного с любимой скрипкой, поняла радость новой жизни, ворвавшейся в его мир, поняла ту, которая полюбила его. Одного не могла понять: почему он не поверил в нее? Разве, любя его, она не могла бы ему дать то, что дала другая! Неужели он ее пожалел, избавив от своих терзаний? Но ведь сумела же она выстоять и доказать силу своей верности, не полюбив за эти годы никого другого!

Молодость недолго длится. Не успеешь оглянуться, как о тебе говорят в прошедшем времени: «А какая была красавица!» Так вскоре стали говорить и о ней. Женщина привыкла к этому, и даже цветы, падавшие к ее ногам на концертах, воспринимала как дань уважения композитору, произведение которого только что исполнила.

Сегодня она играла на Его скрипке. Ей казалось, что она прижимается щекой к его щеке и музыка льется из одного сердца. Она сама не отдавала себе отчета в том, зачем взяла именно его скрипку. По-видимому, ветка клена, всколыхнув былое, толкнула ее на это.

Впервые она прикоснулась к скрипке в ту ночь, когда он уехал на фронт. Она переиграла все его любимые вещи.

И еще голос его скрипки слышали в день эвакуации. В квартиру пришли соседи чуть ли не со всего дома и слушали музыку до утра при затемненных окнах.

Письма в Среднюю Азию приходили нечасто, подолгу задерживаясь в пути. Но когда маленький треугольник лежал на ее ладонях, это был настоящий праздник, и она вновь прижималась щекой к его скрипке.

Наступило долгое, мучительное ожидание. Почти два года не было от него вестей, и вот однажды — уже не треугольник — стандартный конверт обжег ее руки. Вокруг были люди со своим горем. Война разбросала всех друзей по белу свету, пожаловаться было некому.

Она стала много работать, работать за двоих, и вскоре в афишах замелькала ее фамилия. А после войны потянуло в родные места. Вернулась в свой дом, чудом уцелевший среди развалин, и Его скрипка легла на дно ящика старомодного комода.

Сегодня она играла «Крейцерову сонату» Бетховена.

Плотно облегающее черное шелковое платье, высокая прическа. Седая прядь у правого виска. Она выглядела очень привлекательной и строгой.

Играла она с подъемом, слегка покачиваясь, широко отводя в сторону локоть тонкой, изящной руки. Плавно скользил смычок по струнам.

Музыка оборвалась. Зал на мгновение замер, а потом сразу обрушился шквал аплодисментов. Она уходила за кулисы и снова возвращалась на сцену. Все лица слились воедино. От нахлынувшего волнения она не могла разглядеть даже завсегдатаев концерта. А публика все вызывала и вызывала...

Женщина остановилась у рояля, кивнула аккомпаниатору и заиграла их любимый «Венгерский танец» Брамса.

Зал затих. Она играла самозабвенно. Играла как бы для Него одного. И не заметила — лопнул волос у смычка и раскачивался из стороны в сторону. Зал слушал на одном дыхании, и вдруг стало так тихо, что у нее зазвенело в ушах. Она даже не уловила, что все сыграно, и в растерянности стояла на сцене, прижимая скрипку щекой.

В первом ряду встал мужчина, за ним поднялись другие, и зал снова утонул в аплодисментах. Мужчина не аплодировал: пустой рукав пиджака был заправлен в карман. Он стоял и смотрел на нее. Затем повернулся к подростку лет шестнадцати и что-то сказал. Тот приблизился к рампе и протянул ей белую розу.

Она подошла к юноше, слегка наклонилась и, принимая цветок, заглянула ему в глаза. Да... Это был Он... Тогда они еще учились в консерватории. Синие-пресиние глаза, черные густые брови, сросшиеся на переносице, и упрямый вихрастый чуб...

В двух шагах от него стоял тот, кто дал ей любовь, которой хватило на всю жизнь: любовь к Нему, любовь к искусству. Глаза их встретились и заблестели от слез.

Она еще раз наклонилась к юноше, провела рукой по его волосам, бережно вложила в его руки скрипку и быстро удалилась со сцены.

РЕПОРТАЖ ИЗ НЕОБЫЧНОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ

Валерий КАДЖАЯ

СЕКРЕТ

В древние времена жила удивительная семья: она насчитывала сто человек, но в ней царили мир, любовь и согласие. Слава об этой семье достигла самого императора, и он решил посетить ее. Когда император убедился, что молва ничего не преувеличила, он спросил у главы семьи, как им удается жить, никогда не ссорясь, никогда не обижая друг друга. Старец взял бумажку и начал писать. Написав сто слов, он подал листок императору. Тот быстро пробежал его глазами и с удивлением обнаружил, что на листке сто раз написано одно и то же слово «ТЕРПЕНИЕ».

Эту мудрую притчу вспомнил я во время одной из лекций в Ленинграде, на улице Рубинштейна, 25. Здесь находится «Консультация по вопросам семейной жизни». Ее услугами ежегодно пользуется около пяти тысяч человек, из них свыше двухсот — приезжие из других городов.

Лекция, на которой я присутствовал, проводилась для будущих супругов. Десять мальчиков и десять девочек, впрочем, уже именовавшихся по-взрослому женихами и невестами, слушали седую женщину, которая рассказывала им о таких скучных вещах, как семейный бюджет и семейные ссоры, взаимоотношения с родителями и друг с другом, приготовление пищи и уборка квартиры, и еще о многом другом, из чего складываются будни семьи и где таится ее главный враг — быт. И если бы этим мальчикам и девочкам, таким влюбленным, таким юным, сейчас сказали, что половина из них вскоре будет считать свой брак глубочайшей ошибкой, они восприняли бы такое пророчество как абсурд.

Но седая женщина не боится

показаться бестактной, потому что она должна сообщить им печальную правду: в Ленинграде на каждые сто свадеб приходится 45 разводов. И самое обидное, что из этих сорока пяти тридцать, а может, и больше семей распались только потому, что было забыто мудрое правило: счастье семьи находится в руках самих супругов. Жить долгие годы в мире и согласии можно, надо только знать законы семейной жизни и уметь ими пользоваться. К сожалению, иные только после развода убеждаются, что, будь они чуточку разумнее, любовь удалось бы сохранить.

Беседа идет в доверительном тоне, на конкретных примерах, и очень быстро скептические улыбки, мол, «сами с усами», исчезают с безусых лиц женихов, что же касается невест, то они серьезны с самого начала, а потом просто сыплют вопросами.

На второй лекции женихи и невесты сидят в разных комнатах, и врач-сексолог посвящает их в таинства брака. По поводу этих лекций один не очень молодой товарищ сказал с горечью: «Если бы мне все это рассказали лет тридцать назад! Сколько радости потерял, но...»

Конечно, было бы наивным думать, что за шесть академических часов наши женихи и невесты становятся академиками семейной науки. Им еще учиться и учиться, но важно другое: среди этих пар разводов будет меньше. Потому что им не придется постигать многие простейшие истины ценой взаимных обид и разочарований. В консультации дают общую информацию, предупреждают, что семейная жизнь имеет различные стадии развития, со своими типичными трудностями, столкнувшись с которыми не надо мчаться в суд с заявлением о разводе, а сначала, может, следует прийти сюда, на улицу Рубинштейна, 25. Здесь помогут решить конфликт.

Эта сторона деятельности ленинградской службы семьи представляет особый интерес. Действительно, к кому мы обращаемся, если что-то не ладится в семье? К близкому другу (или подруге), чаще — к родителям, а еще чаще — ни к кому, потому что дело уж очень личное. Так и живешь с камнем на сердце. Если болит зуб или горло, здесь все ясно: стоматолог, ларинголог. А тут... Но ведь когда что-то не ладится в семье, это как раз и означает, что семья больна и ее надо лечить, причем не доморощенными средствами, а с помощью опытных специалистов. Кстати, наблюдения социологов и психологов показывают, что советы друзей и особенно родителей зачастую приводят к плачевным результатам.

Вопросы, с которыми обращаются супруги в консультацию, чрезвычайно разнообразны, так сказать, от «а» до «я». Мне разрешили в виде исключения присутствовать в качестве ассистента на одной из бесед, которые обычно ведутся с глазу на глаз. Прием вел известный в Ленинграде психолог, доктор медицинских наук Б. Малахов. В кабинет вошел молодой человек лет двадцати четырех, вошел робко, и вид у него был до того жалкий, что я почувствовал неловкость.

Но доктор очень спокойно и доброжелательно расторможил парня. История, которую тот рассказал, была одновременно и смешной и трагичной. Я не буду ее пересказывать — она достаточно интимна, и суть не в ней, а в том, что «начинающий супруг» получил исчерпывающий урок полового «ликбеза». И тот ушел просветленный, радостный. Человеку всегда легче от сознания, что его беда не исключительное явление, что он, как говорится, не хуже людей. И, главное, выяснилось: ничего страшного нет, все образуется, и счастье не только возможно, но и близко.

— По моим подсчетам,— сказал Малахов,— около тридцати процентов мужчин обращается к нам с жалобами на импотенцию, которую мы называем психогенной, то есть вызванной самовнушением, и столько же — на отсутствие половой гармонии. А в основе и того и другого чаще всего — элементарное сексуальное бескультурье. Приходят, конечно, и настоящие больные, их мы направляем на лечение. Обычно же достаточно простой беседы...

В консультацию обращаются не только с подобными жалобами. В последнее время преимущественно приходят посоветоваться по делам сугубо житейским: изменил муж; жена стала холодна; свекровь жизни не дает. И тому подобное. Идут иногда просто излить душу. И это отнюдь не блажь, как может кому-нибудь показаться. Известно, как необходимо бывает человеку иной раз выговориться. В начале своей журналистской работы я поражался тому, как в поезде или в гостинице люди, едва познакомившись, с места в карьер начинали рассказывать о своей жизни, рассказывать столь откровенно, что меня даже коробило: как это можно постороннему человеку все выкладывать. Потом понял: потому и выкладывают, что посторонний: завтра расстанемся и, очевидно, никогда больше не свидимся.

Как часто нуждаемся мы в человеке умном и чутком, который мог бы выслушать, посоветовать или на худой конец просто посочувствовать.

В консультации вас встречает не просто собеседник, а специалист, досконально разбирающийся в вопросах семейной жизни, способный не только выслушать, но и поставить диагноз и прописать необходимое лечение. Обиженная сторона всегда четко формулирует свои претензии. Здесь же помогают взглянуть на конфликт глазами другого супруга. Иногда этого бывает достаточно, а иногда на следующую беседу приглашают «обидевшего», а то и обоих вместе.

И все это при полной анонимности: вас не спрашивают, кто вы, как ваше имя и фамилия. Интересует суть конфликта. А большинство из них так банальны, так трафаретны, что невольно приходится признать: отнюдь не каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Правильнее будет сказать, что большинство несчастливых семей несчастливы по-одинаковому.

Психологи консультации Е. Чернова и Л. Верб рассказали о наиболее распространенных конфликтах. Это нелады между старшей и младшей семьями, споры (и ссоры) по поводу того, как воспитывать детей, как тратить деньги, кому быть главой семьи. Увы, бывает и так: в консультацию за помощью обращаются слишком поздно, когда разрешить конфликт полюбовно, как правило, уже невозможно.

— Индивидуальные беседы меня порой просто угнетают,— призналась сексолог Э. Рожановская.— Просто кричать хочется: «Где же вы были раньше?! Что же вы сами, своими руками погубили собственное счастье?»

Мне рассказали немало историй, каждая из которых — сюжет новеллы. Однако предмет моей статьи не конфликтные ситуации в семье, а организация службы, именуемой «Консультация по вопросам семейной жизни». По мнению весьма компетентных людей, работа ее ведется на уровне последних достижений науки, хотя юридически она входит в систему... бытового обслуживания. Но никакого парадокса в этом нет. Начальник Управления бытового обслуживания населения Ленгорисполкома Евгений Иванович Платов очень убедительно доказал, что такая форма является оптимальной.

— По существу,— сказал он,— консультация — чисто посредническая организация. Мы привлекаем психологов и сексологов так же, как, скажем, медсестер в качестве нянь, артистов — для проведения свадеб, переводчиков, репетиторов и так далее. Кстати, это единственная служба в нашей системе, на которую пока не было ни единой жалобы. Идеальный случай...

Идеальный, но случайный ли? В связи с особым характером консультации ее создавали с чрезвычайной тщательностью, здесь собрались люди чуткие и, что чрезвычайно важно, знающие. Все сексологи — либо кандидаты, либо (четверо) доктора наук. Возглавляет службу профессор А. Свядощ. Весь состав врачей утвержден главным психиатром города и заведующим горздравотделом. К индивидуальным консультациям допускаются лишь самые опытные, квалифицированные специалисты.

В создании службы семьи самое непосредственное участие приняли работники горкома и обкома партии. В Ленинграде к консультации отнеслись как к одному из важных участков идеологической работы. Пять лет ее деятельности доказали всю правоту такого подхода.

Сейчас консультация расширяет сферу своего влияния. Организуются лекции для молодых супругов по семейному этикету, воспитанию ребенка, распределению домашних обязанностей. Для этой цели привлекаются художники-модельеры, кулинары, косметологи, педагоги, педиатры. Не так давно ввели занятия по аутогенной тренировке, и от желающих уже отбоя нет. Насколько важно владеть собой в семейной жизни, да и вообще в жизни, доказывать не приходится, ведь собственно это и есть искусство «терпения».

Консультация по вопросам семейной жизни — организация хозрасчетная. Но, как сказал Платов, не для прибыли созданная. Экономическая «программа максимум»: не быть убыточной. Действительно, услуги здесь совсем не дороги.

Популярность консультации растет с каждым годом. Сюда приходят уже не только супруги, но и тещи, свекрови, мамы, папы. Это отрадно. Еще отраднее, что все охотнее посещают лекции женихи и невесты. Социологические исследования, проведенные в Ленинграде, показали, что большинство разводов среди молодых вызвано их незнанием основ семейной жизни, ее азов. Поэтому сейчас всем, кто подает заявление о вступлении в брак, работники загсов рекомендуют пройти курс в консультации. Дело это, конечно, добровольное, никого не принуждают покупать абонемент, хотя думается, что лекции эти могут стать и обязательными. Ведь прежде чем сесть за руль автомобиля, люди несколько месяцев учатся, а потом сдают экзамены на право вождения. Что же касается семьи, то здесь пока многое обстоит, как во времена Грибоедова: «Но чтоб иметь детей, кому ума недоставало...» Оказывается, недостает. И ума и общей культуры. Да еще как недостает. Надеяться на то, что молодые дойдут до всего своим умом,— значит заранее обрекать часть семей на разрушение.

Есть еще одна категория людей, которым может помочь служба семьи,— это те, которые твердо решили развестись. Так вот, прежде чем их делом займется народный судья, пусть-ка с ними побеседует психолог. И в обязательном порядке. Переубедить всех, конечно, вряд ли удастся, но если даже одна семья из ста будет сохранена, то и это — благо. Собственно, о стопроцентной излечимости (я сознательно не беру это слово в кавычки) никто пока не мечтает. Эффективность служб, подобных ленинградской консультации, будет возрастать в равной степени с общей культурой людей. Но, с другой стороны, разветвленная система помощи семье, несомненно, будет способствовать росту культурного уровня. Поэтому создание ее — дело огромного государственного значения.

Сегодня много говорят о кризисе семьи, о пресловутой несовместимости — психологической или сексуальной, а на поверку выходит, что и то и другое вызвано прежде всего элементарной неграмотностью. Если дореволюционный брак удерживали от распада внешние силы: принуждение, выраженное в абсолютном — экономическом и социальном — подчинении жены мужу, то прочность современной советской семьи зависит исключительно от внутренних связей.

Все это достаточно хорошо известно, известны и формы лечения заболевшей семьи. Вот ленинградцы и решили от теории перейти к практике. Их пример — другим наука.

Ы СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ

ОЧКИ ДЛЯ ВСЕХ ШИРОТ

«Готовь сани летом, а телегу зимой!» Эту пословицу я вспомнил сразу же, как только встретился с В. А. Резниковым, работающим на Махачкалинском заводе имени Гаджиева. На дворе зимняя непогода, все уже забыли, когда видели яркое солнце, а Владимир Александрович печется о том, чтобы пустить на конвейер новые солнцезащитные очки.

— При чем тут очки? — спросил я.— Ведь ваш завод выпускает рулевые машины, траловые лебедки и другие палубные механизмы для судов.

— А при том, что с семидесятого года, кроме основной продукции, мы стали производить еще и товары народного потребления. Знаете, с чего начали? С кружек. Если бы не случай, так, наверное, до сих пор штамповали бы эти самые кружки. Попал я однажды на международную ярмарку. Лето, жара, солнце глаза слепит... Куплю, думаю, хорошие темные очки. Но не купил. Из-за гордости не купил! У стендов зарубежных фирм — толпа, а у наших, отечественных, ни души. Вернулся домой и — в партком. Так, мол, и так, давайте выходить на мировой уровень, сбыт обеспечен.

Выделили помещение, создали художественно-конструкторское бюро, разработали современные образцы очков, освоили технологию их изготовления. Меня назначили начальником отдела товаров народного потребления. Начали мы с пяти тысяч штук, а в прошлом году выпустили полмиллиона очков. Насколько мне известно, в магазинах Чукотки и Якутии, Средней Азии и Прибалтики, Москвы и Ленинграда наши очки не залеживаются. Все шло нормально, но мы решили прекратить производство этих очков, а на конвейер поставить новые в изящной металлической оправе. Вместо пластмассы у них особо чистые оптические стекла, на которые методом вакуумного напыления будут наноситься специальные вещества, придающие стеклам тот или иной оттенок. Шоферы, например, смогут приобрести очки, у которых верхняя часть стекла темная, а нижняя светлая. Словом, наши новинки будут отвечать самым строгим требованиям. Но самое главное, в них можно будет не щурясь смотреть на солнце.

Б. БОРИСОВ

Тысячи очков проходят через руки Хадижат Алиевой — слесаря-сборщика Махачкалинского завода имени Гаджиева.
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

ОНИ С «БОЛЬШЕВИЧКИ»

Вера Степановна Гриднева со своей ученицей Ларисой Рамайкиной.

Пять тысяч человек работают в производственном швейном объединении «Большевичка», и только двести из них — мужчины. Вот уж действительно чисто женское предприятие!

Мы пришли сюда вдвоем с фотокорреспондентом. И, странное дело, с первых же минут почувствовали себя как-то неловко. Будто бы нас разглядывают, изучают... В чем дело? Заметив смущение гостей, инженер Анна Афанасьевна Смирнова, наша собеседница, весело смеется:

— Простите, это уже, наверно, профессиональное — разглядывать покрой одежды. На вас, вижу, не нашей фабрики, но мы шьем не хуже!

— Вы всегда вот так, с одного взгляда, можете определить, где сшита одежда?

— Которая наша — могу. Каждая модель, каждый фасон, знаете ли, столько раз через руки проходит, что поневоле запомнишь. Иной раз в магазине проверяю себя: отверну борт пиджака, смотрю — точно, марка нашей фирмы!

На фирменной марке «Большевички» изображены силуэты двух элегантных мужчин. Здесь шьют мужскую одежду. Но когда мы стали расспрашивать о передовиках, нам называли чаще всего женские имена: ударник пятилетки Антонина Гусева, лучший молодой рабочий Елена Дмитриева, победитель соревнования Ольга Голикова.

— А кого, по-вашему, следует выделить особо? Есть ли такой человек, в чьей судьбе была бы видна и история «Большевички», и сегодняшний ее день, и будущее?

— Может быть, Гриднева? — сказала Смирнова.

— Да, конечно, Гриднева! — поддержала секретарь парткома Т. Барканова.— Депутат районного Совета, награждена орденом Ленина, стала инициатором многих починов. Вера Степановна — наша лучшая наставница, она уже воспитала пятьдесят отличных работников...

Итак, Вера Степановна Гриднева, швея. Пришла сюда, закончив ФЗУ, в послевоенные годы, когда «Большевичка» называлась еще просто швейной фабрикой № 2. За три десятка лет предприятие выросло в одно из крупнейших в стране швейных объединений, оснастилось современным оборудованием, завоевало славу передового производства. А люди? Пример Веры Степановны в этом отношении очень характерен: от «ручницы», как здесь называли исполнителей самых простых операций, до многоопытного, поистине универсального мастера швейного дела. Взять хотя бы такой почин, предложенный Гридневой: усовершенствовав одну из операций, она высвободила для производства целую рабочую единицу, иначе говоря, там, где работало четыре человека, стало требоваться всего трое. «Высвобожденным» человеком Гриднева сделала... себя: ушла в другой цех осваивать новую специальность. Сейчас на всех этажах «Большевички» нет таких операций, которые она не могла бы выполнить. Так и повелось: если какой-то участок начинает вдруг отставать, если некого поставить на место заболевшего человека — зовут Гридневу. А вместе с ней «кочуют» из цеха в цех, обучаясь мастерству универсальной швеи и законам рабочей взаимовыручки, молодые ученики Веры Степановны.

— Пятьдесят воспитанников — это почти целый цех, подаренный вами «Большевичке». Как вы считаете, Вера Степановна, чем отличается — на примере учеников, конечно,— нынешняя молодежь от поколения пятидесятых — шестидесятых годов?

— Отличается? Особой разницы я не вижу. Да и трудно сравнивать: раньше большинство учеников набирали с «улицы», теперь же почти все приходят из нашего ПТУ — приходят с серьезными знаниями, с хорошей подготовкой. Впрочем, знаете, особенность все же есть,— решила Гриднева,— много появилось пареньков среди швейников-практикантов. Ребята старательные, на лету схватывают. Поработают месяц-другой — глядишь, уже и сами на себя дома шьют, чуть ли не с каждой получки в новых самодельных брюках щеголяют... А что? Я даже очень рада: пусть у нас мальчики будут не только на эмблеме.

Б. СМИРНОВ

На развороте вкладки:
Красивую, модную одежду выпускают работницы швейного производственного объединения «Большевичка»: Н. Моисеева, Л. Ислентьева, Л. Беляева, О. Путырская, И. Огнянова, Н. Сурикова, В. Корнеева, Г. Давыдова.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

В. ВАРЖАПЕТЯН

НЕСМОЛКАЮЩАЯ ПЕСНЯ

Баку нельзя представить без волн древнего Каспия, нефтяных вышек, Девичьей башни. Его нельзя представить и без песен Зейнаб Ханларовой, потому что во всем Азербайджане нет сегодня певицы, более любимой народом, чем она. Спросите любого бакинца — он подтвердит правоту моих слов. Спросите колхозников Ленкорани, рабочих Кировабада, химиков Сумгаита, виноделов Шемахи, рыбаков Каспия, буровиков Нефтяных Камней — сколько раз вы спросите, столько услышите признаний в любви.

Что ж, разве нет в республике других певцов? Конечно, есть. Да и как им не быть? Даже в самые черные дни своей истории Азербайджан пел. Ни монгольский клинок, ни персидская сабля, ни турецкий ятаган не могли отсечь цветущую ветвь песни от мощного ствола народной культуры. В старину даже считали, что музыкой можно излечить болезни и раны. Когда я услышал голос Зейнаб, я поверил в это. Столько солнца в ее голосе, столько радости и красоты, что нельзя не радоваться вместе с ней. А радость исцеляет многие недуги.

* * *

Просторный павильон телестудии. Нацелены телекамеры, включены слепящие софиты. Идут съемки передачи «Утренние встречи». Зейнаб должна записать песню из кинофильма «Насими» композитора Тофика Кулиева на слова великого поэта.

Зейнаб стоит в скрещении лучей, ярко освещающих густые черные волосы, черные крылатые брови, яркие губы.

Вспыхивает красное табло: «Идет съемка». Звучит песня:

Что у тебя самое прекрасное?
Это твоя талия, твои глаза,
твои щеки, ты сама.
Так разреши тебя обнять, милая.
Но милая ответила: «Нет! Нет! Нет!»

Эти три слова: «Йох! Йох! Йох!» — она повторяет, любуясь своей властью над влюбленным, играя им, как своим трепещущим шарфом.

Последним дублем режиссер Фиридун Агаев доволен. Съемки окончены.

В машине Зейнаб говорит:

— Не люблю петь мало. Только почувствуешь, что голос звучит легко, сильно, уже пора уходить...

— А вы не устаете петь?

— Нет, что вы! Я петь хочу всегда.

Муж Зейнаб, Салим, сидящий за рулем, оборачивается ко мне.

— По-моему, если ее не остановить, она будет петь двадцать четыре часа в сутки. Когда мы были в Кировабаде, ее пригласили выступать для рабочих алюминиевого завода. Жара стояла такая — дышать нечем, а она пела почти два часа. Я показываю на часы, а она улыбается и снова поет.

Заслуженный артист Азербайджанской ССР Сеид Шушинский стал учителем Зейнаб, когда она поступила в музыкальное училище имени А. Зейналлы; к тому времени Шушинский был классиком, он прожил в искусстве большую жизнь. Перед юной ученицей он раскрыл мир легендарных певцов, которых знал и слышал, он привел ее к глубочайшим истокам народной музыки.

Вскоре после окончания училища Зейнаб пригласили в Азербайджанский государственный театр оперы и балета имени М. Ф. Ахундова — исполнить главную партию в опере У. Гаджибекова «Лейли и Меджнун». В двадцать лет она стала солисткой. Случай незаурядный, сам по себе свидетельствующий о таланте ярком и сильном. Но все-таки славу ей принесла не опера, а песня.

Традиция азербайджанского народного пения требует строгости и в манере исполнения и в поведении на сцене. По сей день многие мужчины — исполнители мугамов и народных песен поют сидя. И вдруг появилась певица, осмелившаяся посягнуть на канон: она не стояла на сцене с каменным лицом, неподвижно сложив руки, а заполняла своим темпераментом, искренним переживанием всю сцену. Зейнаб первая разорвала путы традиционного исполнения, сняла паранджу с народной песни.

Она не исполняет песню — она живет песней. Петь для нее так же естественно, как рыбе — плавать, птице — летать. «Когда я ждала ребенка,— сказала мне Зейнаб,— я не могла петь. И каждый день плакала. Мне казалось, что я не живу».

Однажды после концерта фотокорреспондент попросил ее: «Зейнаб, сделай руки вот так, мне нужно для снимка». Она ответила: «Как же я сделаю, ведь я не пою?» Эта естественность, одержимость ее песен захватывают слушателя радостью и печалью.

Она поет песню Эмиля Сабитова «Ты ничего не знаешь» (слова народные), и слезы мешают ей петь.

Весь мир знает, что я тебя люблю,
Только ты не знаешь.
Даже горы, камни знают, что я
тебя люблю,
Только ты не знаешь.

Известная писательница, профессор Азиза Джафар-заде рассказывала мне:

— Вы даже представить себе не можете, как мы ее любим! Когда она вышла замуж и родила сына, все люди радовались ее счастью, как своему. Не бывает случая, чтобы встретились несколько человек и не заговорили о Зейнаб: «Ты видела ее вчера на концерте? Она так улыбалась!» У нас много хороших певцов, но ничья судьба так искренне не волнует людей, как жизнь Зейнаб.

Слава азербайджанской певицы перелетела границы родной земли, достигла Болгарии, Йемена, Сирии, Турции, Ливана, Кувейта, Египта, Ирана, Венгрии, Югославии, Канады, Франции...

В Кувейте Зейнаб выступала отдельно для мужчин и женщин. «Конечно, мне странно было видеть женщин, закрывающих лица. Смотришь в зал, и кажется, что-то мертвое исходит от неподвижных черных фигур. Но когда я запела, они отбросили покрывала и оказались такими молодыми, красивыми. Я была счастлива доставить им радость».

В Сане, столице Йеменской Арабской Республики, Зейнаб исполняла арабскую песню «Ради тебя». Зрители стали кричать: «Нет, Зейнаб, это мы живем ради тебя!» За успешные гастроли правительство Йемена вручило ей золотую медаль.

А в Турции зрители поднимались на сцену и пели вместе с ней; именем Зейнаб назвали фирму грамзаписи; она была признана лучшей певицей года. Не меньшее восхищение, чем замечательный голос, вызвали ее ответы журналистам. Азиза Джафар-заде показала мне турецкие газеты и перевела некоторые ответы: «Почему вы отказываетесь петь в кабаре?» «Я никогда не пою там, где пьют вино. И не понимаю тех певиц, которые поют ради денег». «А разве вы не хотите стать богатой?» «Нет. На деньги можно построить баню и караван-сарай, но нельзя создать человека».

...На концерте Зейнаб спела две песни, но зал не отпускал ее. Да и сама она не хотела уходить. Она сделала знак музыкантам, и тар, кеманча, гармонь и барабан-нагара заиграли мелодию из кинофильма «Насими». Это была песня, которую Зейнаб записывала на телестудии. Но насколько ярче и темпераментней она звучала здесь! Зейнаб пела во весь голос, не опасаясь хлопка режиссера, крика звукооператора. Последний куплет я не слышал, потому что слова и музыку заглушили аплодисменты. На улыбающихся лицах людей я видел счастье!

Придя в гостиницу, я включил магнитофон с записями Зейнаб. Приглушил звук, потому что время было позднее, а стены между комнатами тонкие. Но уже через несколько минут в дверь постучали, вошла горничная, пожилая женщина, которая по утрам приносила чай.

— Извините, я только хотела спросить: это Зейнаб поет?

— Да.

— Мы услышали и обрадовались! Думали, по радио передают. Включили — нет. По телевизору — тоже нет. Можно, мы немножко послушаем?

— Конечно, садитесь, пожалуйста.

— Бенофша, заходи.— Горничная позвала свою подругу.

Потом они ушли. За распахнутым окном рождался день. Омытое ликующее солнце поднималось из каспийских волн, словно медлило расстаться с прохладой. Его лучи опаловым сиянием подсветят небо. Потом оно порозовеет, разольется алым заревом, ослепит... Тогда можно будет включить магнитофон на полную громкость, чтобы сильный голос рванулся в небо и зазвенел над городом...

Народная артистка Азербайджанской ССР Зейнаб Ханларова.

Фото Г. КОПОСОВА

Рождается новая программа.

Ирина Роднина работала над этой маленькой автобиографической повестью-размышлением на тренировочном сборе в Северодонецке, диктуя ее мне каждый вечер с 22.00 до 23.30 — по плану. Иного свободного времени у нее не было: день с утра до вечера был занят тренировками на льду и в зале, и короткий отдых между ними требовался, чтобы восполнить силы. Было видно, что она устает, что нелегко входит в форму после перерыва почти в два месяца — за десять предыдущих лет у нее еще не было такого перерыва, а этот был вызван тем, что перед отдыхом болел Зайцев — он перенес операцию по поводу аппендицита.

Но ни я, ни кто-либо другой, по-моему, не слышал от нее жалоб на усталость. Когда после вечерней тренировки Татьяна Анатольевна Тарасова давала им указание бегом бежать до гостиницы (а это минут двадцать в среднем темпе), Ира всегда еще удлиняла трассу, выбирая кружной путь.

Тем не менее ровно в 22.00 в той гостиничной комнате, где они ужинали, Ира прибирала посуду с нашего края стола, готовно садилась на обычное место справа от меня и выжидательно смотрела на Сашу Зайцева и 12-летнюю Лену, только-только взятую Тарасовой в свою группу. Ира при работе стеснялась посторонних, Саша это знал, одним могучим глотком он дохлебывал кефир и произносил традиционную шутку: «Ну, Ленка, они как хотят, а нам пора службу продолжать — смотреть телевизор».

Итак, в 22.00 мы садились за стол, и не было случая, чтобы она опоздала или чтобы сказала: «На сегодня хватит». Говорил это я, когда уставала рука.

Так рождалась эта маленькая повесть — между тренировками, которые мы в дальнейшем увидим.

С. ТОКАРЕВ

НЕГЛАДКИ

Ирина **РОДНИНА**

Литературная запись С. ТОКАРЕВА

Мне хочется больше говорить не о себе, а о фигурном катании. Именно оно сделало меня известной людям, и, значит, не будь фигурного катания, никому не был бы любопытен мой рассказ.

Рассказывая о пережитом, надо стараться сохранить объективность, но я отдаю себе отчет в том, что порой буду невольно ее утрачивать. Ведь события, увиденные мной, чувства, испытанные мной по поводу этих событий, в чем-то отличаются от тех же событий, увиденных другими глазами, от чувств, испытанных другими людьми.

Мне хочется поговорить о наболевшем, о том, что меня не устраивает в сегодняшнем фигурном катании. Зрители нас наблюдают в основном не в обычных условиях, а в моменты наибольшей ответственности, наивысшего напряжения, в минуты счастья, то есть не такими, как всегда, а идеализированными, и они хотят видеть нас такими, слышать о нас только хорошее, только лучшее. Вот так и мне хотелось бы видеть в фигурном катании только хорошее, только лучшее, чтобы ничто не тормозило его развития. Хотя я понимаю, что если бы ничто не тормозило, мы бы не получили многих хороших спортсменов: они просто обязаны преодолевать препятствия, чтобы крепче стоять на ногах и дороже ценить добытое.

То, что досталось легко, меньше ценишь.

Практически это первая подобная работа, которую я делаю с желанием и с полной ответственностью. Мне кажется, что многое из написанного обо мне неверно, и это вполне объяснимо. Иногда просят: «Расскажите о самом, например, драматичном в вашей жизни или о самом смешном». Ты начинаешь вспоминать, что же было самое смешное, и вдруг видишь, что никому не смешно. В нашем деле, как в любом другом, есть какие-то нюансы и непонятные остальным и вообще такие, которые обычными словами не передашь.

Я стану пытаться искать эти слова, но читатель, наверное, обнаружит противоречия в сказанном — в отношении к людям и проблемам. Впрочем, это означает только, что у меня есть какие-то сомнения и колебания, которыми тоже хочется поделиться. Это означает, что в своем рассказе я не желала бы выглядеть человеком, которому в жизни все ясно. Это было бы неправдой, это была бы не я, а я хочу здесь выглядеть такой, какая есть.

I

Лучше в мае маяться от усталости, чем от безделья.

Можно дотягивать до отдыха, потому что последние соревнования, последние показательные выступления — это конец апреля, по существу, конец сезона, а начало следующего — в июне. Но май — такой месяц, когда закладывается фундамент следующего сезона, когда возникают первые мысли о нем, и если май прожит плодотворно, то и сезон получается удачным.

Перед сезоном семьдесят третьего, то есть в мае семьдесят второго года, только начав кататься с Сашей, я не знала ни выходных, ни праздников, хотя май у меня самый богатый месяц на праздники...

Мы работали не меньше восьми часов в день, и большинство элементов, показанных потом, были подготовлены именно тогда, и когда я приходила домой, разноцветные круги вертелись перед глазами... Поддержки начали делать буквально со второй тренировки, и надо учесть, что у меня тогда был вес приблизительно пятьдесят килограммов, а прежняя Сашина партнерша весила сорок два...

Я не знаю, надо ли так уж особенно сосредоточиваться на трудностях, потому что, если я скажу, что мне трудно всегда, подумают, что Роднина жалуется. Большинство человеческих жизней главным образом и состоит из трудностей — физических, моральных, психологических, и пожаловаться, по-моему, любят все: от этого кажется легче. Трудности стоят за всем приятным, предваряют все приятное, а после забываются, как, наверное, женщина забывает боль родов, когда у нее на руках ее здоровый и красивый ребенок.

Может быть, порой люди думают, что жизнь мне дается шутя: мол, вот уж сколько лет все награды у Родниной в руках. И как знать, может, и не надо разрушать эту иллюзию. Может, людям и должно казаться, что фигурное катание состоит только из легкого и прекрасного, а коль покажешь его потную изнанку, то разочаруешь болельщиков. Олег Алексеевич Протопопов говорил, что если тебе тяжело поднимать партнершу, по твоему лицу это не должно быть видно — наоборот, на нем должно быть написано, что это великая радость — ее поднимать. Ведь, смотря балет, мы не ду-

И. Роднина и А. Уланов.

И. Роднина и А. Зайцев.

Фото А. Бочинина

маем, не должны думать о том, что за непринужденными па скрыты многочасовые однообразные «раз-два-три, раз-два-три» у станка. Натуга противоречит в глазах зрителя искусству балета, как и искусству фигурного катания.

Но в моем рассказе я, повторяю, хочу быть объективной, и из песни слова не выкинешь. Тем более что речь идет не только о труде Родниной, о трудностях Родниной, но о труде и трудностях фигуриста.

...Итак, май, и сезон еще далек, и хотя надо думать о будущем, но, в общем, не хочется. Хочется какой-то разрядки, каких-то встреч с людьми другого круга — не того, в котором ты замкнут от весны до весны.

Раньше я все праздники проводила с ребятами из моего бывшего класса — мы были моложе и легче на подъем. Боюсь, что тяжелее всех в этом смысле выглядела я: со мной им, наверное, казалось скучно, потому что за праздничным столом я хлопала на всех трезвыми глазами. А сейчас все стали совсем взрослые — одни разъехались по свету, у других — дети...

В общем, в мае, когда можно немножко себя не беречь, позволять себе являться домой даже в два часа ночи, не думая о последствиях нарушения режима, очень иногда хочется попасть в компанию, где люди ничего не знают о фигурном катании. Такие вот странные люди, которые никогда не смотрят телевизор, потому что у них это время, например, рабочее... И просто посидеть в уголочке и послушать интересные разговоры. И чтобы никто у тебя не спрашивал: «Ну как, дашь на будущий год медаль?»

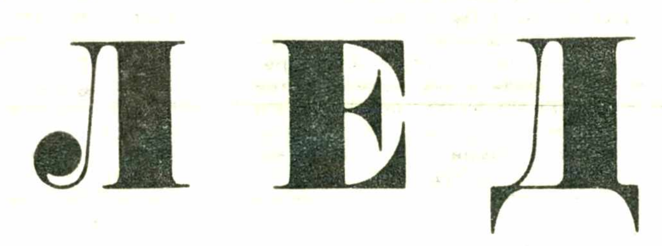
По-моему, не одно поколение спортсменов мечтает о каком-то клубе, где мы могли бы запросто общаться с артистами, писателями, например, или с учеными...

...Май — это институт, где сдаешь экзамены и зачеты сразу и за зимнюю сессию и за летнюю...

У нас на выпускном вечере больше всего веселились жены заочников. Наверное, были счастливы, что кончились их мучения, не надо больше переписывать за мужей конспекты и помогать делать контрольные. Я уважаю и люблю заочников — тех из них, которые просто ужасно любят спорт, сами не слишком многого в нем добились и теперь работают тренерами, и без таких, как они, не было бы спорта. На них, простых рабочих спорта, так называемых «низовых тренерах», держится его нравственность. Они меньше всего получают от него благ и почестей, их ведет в их деле энтузиазм, любовь и вера в то, что это дело — необходимое и чистое.

Именно с рабочими, с рядовыми энтузиастами впервые встречается, приходя в спорт, ребенок. Именно они закладывают основу его спортивной морали. И тем, что в так называемом Большом Спорте, где много нравственных соблазнов и моральных испытаний, люди в основном все-таки хорошие, мы обязаны «низовым тренерам». Моим друзьям-заочникам.

Й ЛЕД

II

Потом кончается май, и начинается отдых.

Раньше я любила отдыхать весело, а теперь мне нужна тишина.

В тренировочный период, когда кончается очередная пятидневка, выходным, по-настоящему свободным чувствуешь только предвыходной вечер, а будущий день — это заботы и хлопоты, и ты ничего не успеваешь: хочется куда-то бежать, к кому-то зайти в гости, но на полчаса, не больше, потому что ничего не успеваешь. Хочется в театр, но театр — это тоже возбуждение и волнение, он вызывает в тебе какие-то идеи по поводу новой программы (если это балет) или другие какие-то мысли — о себе, своих обязанностях, о предстоящем... Иначе быть не может; это естественно для человека, и если это не так, то для чего театр?

Я когда-то спросила у Станислава Алексеевича Жука, моего прежнего тренера:

— Почему вы меня особенно нагружаете, особенно гоняете во вторник, через день после выходного?

— Эх,— он сказал,— какая ты наблюдательная. Это я тебя за воскресенье. В понедельник я тебя сразу перегружать не хочу, а во вторник ты у меня расплачиваешься за воскресенье.

— За что я расплачиваюсь?

— А за то, что вдруг ты в воскресенье минут пятнадцать не думала о фигурном катании! Я этого не знаю, но это я для профилактики.

Татьяна Анатольевна Тарасова, мой нынешний тренер, Таня, она до такого не додумается. Она может расшуметься, накричать, потом будет переживать, принимать седалгин, седуксен, но до такого не додумается.

...В первую неделю отпуска хочется отоспаться и начитаться. Отпуск — это когда спокойные сны. Не сны усталого спортсмена, когда ты камнем проваливаешься в черноту или совсем не можешь уснуть и гонишь от себя мысли, а они тебя мучают. Нет, спокойные сны или какие-то... видения, когда представляешь себе фигурное катание чем-то сказочно красивым, когда в полудреме воображаешь нечто неконкретное, может быть, идеальное или даже несбыточное...

В общем, от фигурного катания отвлечься и хочется и невозможно. Я потому и не люблю, когда у меня перед отпуском готова музыка новой программы, что, если она есть, она весь отпуск и будет в тебе звучать, словно ограничивая твое воображение.

Тем более что музыку чаще всего тебе подбирает тренер. Здесь больше его творчества, чем твоего. Исключение я знаю одно — Олег Алексеевич Протопопов: он сам находил то, что требовало его сердце, и потому все на льду выглядело у них с Белоусовой так естественно, без малейшей фальши в движениях. Это была их музыка, его музыка, выстраданная еще во время поисков.

А в сезоне, в сезоне ты видишь во сне только будущие соревнования и катаешь свои программы, катаешь их без конца.

Мне хочется отоспаться, сказала я, и хочется всласть начитаться. Когда идет сезон, читаешь только урывками: пять минут в автобусе по дороге на тренировку или немного вечером. Но вечером в голове маячит тренировка, свербит то, что недоделано, недоработано, и ты начинаешь фразу, скользя глазами по строчкам, и теряешь ее... Иногда целый абзац... Только в отпуске можно сесть за книгу с утра и просидеть до вечера, не думая о том, что это неправильно — так сидеть, что день должен быть распланирован.

Мне часто дают книги — люди читающие вообще добры: если сам прочел и понравилось,

хочется этим с другими поделиться. Именно так я со многими хорошими книгами и познакомилась.

Во вторую неделю отпуска начинаешь понемножку появляться на людях. До этого появляться не хочется, потому что общение с окружающими невольно заставляет тебя постоянно быть подобранной. Ты ощущаешь, что люди следят за каждым твоим словом и движением, они испытывают к тебе интерес, и это, наверное, не может быть иначе. Ведь если и я в компании встречаю человека, о котором много говорят или пишут, у меня тоже возникает желание всмотреться в него, вслушаться в манеру говорить, в интонацию, понять, что сделало его известным, чем он отличается от остальных, от всех нас. Так и мне устремленные на меня взгляды все время напоминают, что я — Роднина, «та самая, которая», и от этого хочется отдохнуть хотя бы неделю.

Но вот проходит вторая неделя, когда появляется желание двигаться, например, танцевать. Не отсчитывая такт, не следя за партнером, да и не со своим обычным партнером...

А из-за горизонта потихоньку выглядывает неделя третья, неся привычное мышечное томление.

Хорошо бы кроссики, что ли, побегать...

Правда, в последнее время я лишь думаю об этом, не больше. Устала все-таки. И не только физически. Бывало, я в отпуске отдыхала и отсыпалась всего дня четыре, а все остальное время тренировалась.

Весной семьдесят второго года, через месяц после начала работы с Зайцевым, Станислав Алексеевич Жук, закончив тренировку, посадил меня в свою машину, отъехал немного от Лужников, затормозил за мостом окружной железной дороги и сказал, что не хочет с нами больше заниматься.

Это было как раз перед отпуском, в отпуск я поехала с мамой и с сестрой, с нами был Саша, а поделиться тем, что тогда кипело во мне, было не с кем. Маму не хотелось расстраивать, сестра, в общем, далекий от наших дел человек... Саша... Тогда ведь его сорвали с места, вселили какие-то надежды, да и не разбирался он в сложностях наших отношений... Тогда я могла только работать, и в Гурзуфе мы тренировались зверски — делали по двести поддержек за тренировку...

Из отпуска возвращаешься с грустью. Не знаешь, что ждет тебя впереди, то есть знаешь, что ждет сезон, еще один год жизни, а что он принесет, неизвестно. И себя как-то жалко. Всем, наверное, свойственно себя жалеть: во всяком случае, таких, кому это несвойственно, я не встречала. В этом отношении оба моих партнера, я считаю, добивались большого совершенства.

По-моему, вообще мужчины жалеют себя сильнее и чаще, чем женщины. Это естественно: все-таки мужчины — более слабый пол. Они, конечно, талантливее, они приспособленнее к большим и серьезным делам, потому что они независимы. А в женщине всегда развито ощущение, что она от кого-то зависит, от нее кто-то зависит, и ее обязанности по отношению к другим людям словно сковывают ее. Она привыкла подчинять себя кому-то и чему-то, ей некогда жалеть себя — она чаще жалеет других. Может быть, чувству жалости, как и другим чувствам, в душе человека положен какой-то предел, и если жалость простирается на других, то на себя ее не остается, она исчерпана.

III

Мне жалко себя, когда я уезжаю, когда сажусь в машину, в автобус. Но это первые двадцать — тридцать минут. А когда приезжаешь, скорее хочется на лед — просто всех увидеть, просто покататься, потому что соскучилась по льду, по конькам, по тому, к чему привыкла, что стало необходимым и что приносит радость. В сезоне ты эту радость испытаешь не часто.

Тренировка — как жизнь, только очень короткая. Она напряженнее, насыщеннее, чем соревнования.

Соревнования — это как первый бал Наташи Ростовой. К нему долго готовятся, шьют новое платье...

Первый бал не всегда бывает удачным, и это даже хорошо, даже нужно, чтобы он не был совсем уж удачным. Нужно, чтобы после него оставалась неудовлетворенность, чтобы он посеял сомнение в чем-то, потому что без этого нельзя совершенствоваться.

Каждое соревнование — как первый бал. Но тренер должен воспитать в спортсмене чувство, что бал — это сладкое, это праздник, а тренировка — жизнь, это хлеб и соль. Мне кажется, что многим нынешним молодым спортсменам соревнования бывают в тягость: то ли слишком много этих соревнований, они приедаются, то ли спортсмены к ним не готовы. А когда ты не готов, это тяжело и отбивает ощущение праздника.

Тяжелое надо уметь перетерпеть. Самое главное, учил меня Станислав Алексеевич,— уметь ждать, знать, чего ждешь, идти к этому и терпеть.

Сколько лет ждал признания Протопопов: в 1960 году на Олимпиаде он был девятым, в 1964-м стал первым, и не в том дело, что иные, кто стоял выше него на ступеньках протоколов, покинули лед и до него, так сказать, дошла очередь. В начале 60-х годов мы только выходили на мировую арену фигурного катания, и нужно было работать так, совершенствоваться так, чтобы сперва догнать, а потом обойти.

Протопопов сумел.

...Тренировки начинаются с радости и нетерпения, а потом приходит момент, когда у тебя все болит, все тело. Это нужно именно перетерпеть, но через это ты каждый год хочешь словно перепрыгнуть, хотя и понимаешь, что иначе не может быть, что нужно время, чтобы вкататься, чтобы организм физиологически вошел в работу. Тем более что твой тренер тоже стосковался по работе, он жаждет за день сделать все, что предстоит в целом сезоне.

Меня учили два тренера. Один более опытный, другой — менее. Вообще они во всем разные — Станислав Алексеевич Жук и Татьяна Анатольевна Тарасова. И подход к спорту, к работе, к программам у них разный.

Жук никогда не принимался ставить программу сразу. Он отводил месяц-два на раскатку, мы делали большинство элементов, он давал задание придумывать новые подходы — это было нашей работой, а он что-то принимал, что-то отбрасывал, что-то поправлял, и, когда появлялась музыка, все приходило в равновесие.

У него чисто мужской творческий ум — логичный, но в чем-то прямолинейный. Эта прямизна порой приводила к некоему количественному наслоению: есть поддержка в два оборота, надо ее в три сделать, есть на двух руках, надо — на одной.

Он часто поступал так: «Вот вам музыка, и чтобы через две недели был танец».

Но этим он одновременно учил нас не только кататься, а и мыслить. Нас с Улановым он научил, как правильно строить порядок тренировки, как распределять нагрузки. Мы должны были по очереди вести занятия, и если очередь выпадала мне, то я обязана была прийти на тренировку с планом, в котором указывалось, какие мы должны делать разминочные шаги, сколько времени отводится на каждый элемент или связку. Благодаря Станиславу Алексеевичу я знаю, в какое время тренировки какие элементы нужно отрабатывать, где требуется особая свежесть мышечного чувства, где теплые, уже разогретые мускулы, когда и как чередовать прыжки с поддержками.

Кстати, именно Жук ввел программы, состоящие из пяти-шести частей, в отличие от трехчастных протопоповских. Это связано с тем, что его композиции более насыщены, элементы в них сложнее, и поэтому, например, нельзя, чтобы первая часть занимала больше минуты, иначе тебя на остальные четыре не хватит, ты будешь их только дотягивать. А Белоусовой и Протопопову при их стиле и манере катания было достаточно иметь сначала быструю, бурную часть, потом — медленную — на две-три минуты, потом сразу — финал.

Когда Станислав Алексеевич ставит программу, он смотрит на нее сперва с точки зрения технических и физических возможностей спортсменов: «художественная часть» — это уже потом. Мы не приступали к постановке, пока все элементы не были «на ходу» — мы должны были точно знать, куда нас «выкатит».

У Татьяны Анатольевны Тарасовой диаметрально противоположный подход: она сама — человек музыкальный, я бы сказала — танцевальный, и к программе она идет от музыки, от художественной идеи.

Когда мы начинали с ней работать, то были поставлены обстоятельствами в очень строгие условия. Надо было за короткий срок сделать и обязательную и произвольную. Причем мы не имели права на ошибки — мало кто знал причины нашего ухода от Жука, нас считали виноватыми, это нас мобилизовывало.

Татьяна тоже понимала, что к ней попали такие спортсмены, в работе с которыми надо не экспериментировать, а давать результат, тем более что и времени на эксперименты не было. Программы обычно ставятся в июле — августе, а мы к Тарасовой пришли в октябре. Новый тренер — это иной подход к делу, спортсмен должен привыкнуть, приспособиться — тем более взрослый спортсмен, со сложившимся характером. Словом, нужно было время и время, чтобы все утряслось и легло по полочкам, а его-то как раз и не хватало.

Татьяна взялась за дело со всей свойственной ей энергией и страстью, музыку специально к новой обязательной написал композитор Алексей Мажуков, но эта программа у публики и специалистов успеха не имела. Не справились мы с ней, оказались не подготовленными ни морально, ни музыкально.

Обязательная программа, с которой всегда начинается постановочная работа, должна быть лаконичной и ясной. Я не очень эту часть работы люблю, она интересна только разнообразием: обязательные чаще меняются. Произвольные — реже, но в них больше простора для творчества. А в обязательной самое сложное — дорожки, «серпантин». И в той первой Татьяна ставила нам «серпантин» так, чтобы каждый шаг попадал точно в мелодический такт. Не как Станислав Алексеевич, требовавший, чтобы все шесть положенных элементов выполнялись, когда надо и как надо, но посвоему усложняя задачу, чтобы они делались еще и музыкально. Этого мы тогда не смогли.

Во мне как в спортсменке живут два начала: то, которое заложил Жук, и то, чему помогла окрепнуть Тарасова. Станислав Алексеевич дал мне прочные знания в технической области фигурного катания, это нечто объективное, что можно измерить в единицах работы, оценить, точно разграничить: так — хорошо, так — плохо; понять, почему плохо, определить меры, которые нужны для улучшения. Второе менее ощутимо, тоньше осязаемо, это касается душевной жизни, это — желание выразить себя на льду, оно связано с таким расплывчатым, словно зыбким понятием, как вдохновение, которое сегодня есть, а завтра нет. Объем работы и качество техники находятся в простой и прямой зависимости друг от друга, а второе — в очень сложной зависимости от них, порой в неуловимой.

Много лет я была на льду Родниной, увиденной глазами Жука, олицетворением его идей, его понимания фигурного катания. Это все равно как ребенок, для которого его поведение оценивается только мнением родителей, и ничем больше. Взросление выражается, очевидно, в стремлении самому познать, что хорошо, что плохо, даже если при этом больно ушибешься. В спорте я стала взрослеть, когда мне впервые захотелось выразить на льду себя со всем тем, что к этому времени было пережито и перечувствовано. Но это желание было неосознанным и непостоянным — слишком сильно и твердо влиял на меня мой первый тренер.

Да, ощущение внутреннего кризиса возникало — порой очень острое. Ну, удваиваешь элементы, утраиваешь, делаешь поддержки и усложняешь их, но это не ново — детали, штрихи новые, а картина старая...

С другой стороны, от добра добра не ищут, и ты вроде бы должна достигать совершенства в том, что уже умеешь, что считается твоим, что сделало тебя такой, какая ты есть,— значит, разучивать подобное прежнему...

Порывы порывами, а надо участвовать в соревнованиях, надо выигрывать их, и когда до них доходит черед, вспоминаешь, что какие-то элементы технически не доработаны, и тягу к творчеству снова надо прятать поглубже...

Теперь, много времени спустя, я понимаю, что внутренний кризис в работе со мной испытывал и Станислав Алексеевич. Разница лишь в том, что, поскольку в творческом союзе роль

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ...

Сцена из спектакля. Фото И. Галанюка

Непрерывный гул невидимых глазу ткацких станков звучит как аккомпанемент действию. Потоками весеннего дождя льются сверху мягкие нити пряжи. Ящик автомата с газированной водой напоминает в этом «бабьем царстве» ткацкой фабрики обыкновенный колодец, около которого в обеденный перерыв, присев на тележку с пряжей, как на завалинку, располагаются ткачихи. Даже протяжную, грустную песню споют, уютно прислонившись к его металлическому боку...

Так режиссер Г. Соколов и художник В. Пал вводят нас в атмосферу жизни небольшого рабочего поселка, ткацкой фабрики в спектакле «Трудный март» А. Кршижановского, поставленном недавно в Московском областном театре имени А. Н. Островского.

...А март этот и в самом деле был нелегким. Простаивали в цехе станки — не хватало рабочих рук, приходилось ткачихам, чтобы выполнить план, выходить и в ночную смену. А горластая Зинка Гулякина нахально тащилась следом за председателем фабкома Галиной Сергеевной Широковой, совала ей в руки обходной лист, так как решила, что выгоднее ей торговать пивом. Ударница, гордость фабрики и поселка черноглазая Оля Демьянова (Т. Окульшина) — та, что в начале спектакля радостная, легкая, нарядная вернулась из Москвы, где осваивала новые станки, та самая Оля, которую выдвинули кандидатом в депутаты местного Совета,— решила уйти с фабрики, уехать из поселка. Навсегда. Из-за несчастной любви... Короче, в жизни каждого героя этого спектакля возникли какие-то сложности. И каждый как бы проверяется ими на нравственную стойкость.

Но не посокрушаться по поводу непростой и во многих трудностях типичной судьбы женщин текстильного городка, не просто посочувствовать им призывают нас участники этого неторопливо развертывающегося действия, отличающегося негромкостью, камерностью интонации. Создатели спектакля поставили своей целью пристально вглядеться в привычное, вроде бы будничное существование своих героев и, приблизив их к нам в самые сложные душевные мгновения, раскрыть глубину и душевную щедрость рабочего человека. Надо сказать, что женским образам в этом спектакле повезло значительно больше, нежели мужским. И хотя С. Баландин в роли Демьянова, В. Скоробогатов в роли Игоря Добрынина, В. Косенков — Василий Заеда создают характеры убедительные, все же они являются как бы фоном, на котором утверждается сила, духовная широта и смелость женской натуры. Драматург и режиссер создали в спектакле многоликий, объемный образ русской женщины-труженицы. Он предстает перед нами в коллективном портрете участниц этого спектакля, каждая черточка которого разработана психологически тонко, подробно, с любовью и тактом.

На переломе судьба Любки Заеды, щедро сыгранной Н. Серой. Смотришь на нее и ясно представляешь, какой интересной, веселой, озорной была она до замужества. Она и сейчас очень хороша... Возвращается на фабрику бесшабашная Гулякина, роль которой остро, броско сыграла Е. Васильева. Мы видели, как маялась она без фабрики, тосковала, скрывая это за шуточками и вздорными интонациями. А вот в личной жизни Галины Сергеевны Широковой — Л. Арининой вроде бы ничего примечательного не случилось. Но так как ее личная жизнь во всех этих людях, их беды — ее беды, их радость — ее радость, именно поэтому к ней сходятся нити всех человеческих судеб этого спектакля. Чего стоит только одно словечко «сейчас» Широковой — Арининой! «Сейчас...» — торопливо говорит она не собеседнику, а скорее самой себе, попадая в сложную ситуацию. Отходит на мгновение в сторонку, как бы собираясь с силами, и затем обрушивает на человека поток доказательств, не очень умелых по форме, но правильных по существу. И убеждает...

Атмосфера пристального, доброго и требовательного внимания к внутреннему миру советского человека, бескомпромиссное осуждение бездуховности, обыденщины; атмосфера, которая составляет примечательную черту нашего времени, воссоздается в этом спектакле Московского областного театра имени А. Н. Островского.

О. КОРНЕВА

ученицы менее активна, чем роль учителя, тупик я лишь чувствовала душой, а он, должно быть, осознавал в деле. Десять лет перед его глазами маячила Роднина — все та же, какой он ее создал, и он тоже, вероятно, мучился над тем, что с ней делать дальше.

И все же, если бы многие сложные причины не привели к нашему расставанию, если бы нашим тренером не стала Тарасова, я бы и сейчас каталась так, как прежде. То, что не было осознано, Таня помогла осознать.

Сейчас, с одной стороны, я, воспитанная Жуком, смотрю на программу как на что-то технически единое, целесообразное и логичное, где каждый элемент занимает свое точное место, крепко спаян с другим — так, чтобы обладать если не стопроцентной, то, во всяком случае, девяностопроцентной надежностью. Если, например, этот элемент в начале программы, когда ты свежа, то он исполняется на чистой технике, а если в конце, когда сказывается усталость, нужно прикладывать максимум физических сил. Все это особенно важно, учитывая то, что мой, например, возраст не самый юный для спорта. Словом, с одной стороны, я смотрю на фигурное катание и на себя в нем трезво, без особых эмоций, по-мужски.

Но, с другой стороны, мне хочется что-то придумывать, искать и сочинять. Хочется найти в себе и показать что-то, по-моему, еще не раскрытое. Но для этого надо не бояться ошибок. А ошибаться нам в общем-то особенно и нельзя.

Потом, я не очень много умею. Могу представить себе элемент, а переход от одного элемента к другому не могу. Вернее, могу, но на льду и под музыку, а не в зале, не на полу. Могу только экспромтом, а не логическим путем.

Бывает, бьешься над чем-то, бьешься, вдруг что-то складывается, но «вдруг» — это ведь не система, это ненадежно.

И еще беда в том, что я не умею видеть пару, придумывать за пару. Я могу все сообразить только за себя — куда, допустим, ногу поставить. А что делает за спиной партнер, что ему нужно делать, я чаще всего не знаю и не представляю. И видеомагнитофон тут не помогает.

Впрочем, экран видеомагнитофона, как и телеэкран,— великий обманщик. Не все зрители это знают. Телевидение, создавшее нашему виду спорта огромную популярность, показывает его, по существу, не таким, каков он на самом деле.

Ведь изображение на экране не объемно, и я убедилась в том, например, что спортсмен, обладающий высокой скоростью, теряет на нем это свое преимущество. Крупный экран или маленький, цветной или черно-белый, на нем утрачивается ощущение простора, полета. И, наоборот, тихоход порой смотрится лучше. Происходит некое, если хотите, усреднение. В этом смысле больше везет танцам: танцоры не так широко используют всю ледовую площадку, и к тому же их фигурные переходы, вязь их кружев выглядят эффектнее, они даже вроде быстрее катаются, хотя спортивная пара набирает гораздо большую скорость. К тому же надо различать понятия «скорость» и «частота движений». Можно вроде бы и меньше суетиться, но двигаться быстрее — мощнее и шире.

И потом мощь скольжения угадывается по звуку конька, зубца, а в телезрелище главный звук — музыка: ее ты слышишь, а льда не слышишь.

Поэтому — хотя и не только поэтому — телезрители нередко ошибаются в своих оценках, и судейская необъективность иногда чудится им там, где на самом деле необъективны они.

Впрочем, мы отвлеклись от рассказа о том, как ставится программа. Но говорить об этом нелегко, потому что у каждой программы своя история. Общее, пожалуй, во всех случаях только одно: быстрые части ставятся быстро, медленные — медленно. Это вполне объяснимо. Ведь в быстрой что нужно? Прыгать и бегать. В медленной важен каждый жест, его необходимо найти. Бывает, отбросишь десяток вариантов и вернешься в конце концов к самому первому.

Из чего же первоначально исходит тренер, начиная размышлять над будущей программой, искать к ней музыку? Из чего исходишь ты, спортсмен?

Очевидно, прежде всего из того, что тебе свойственно, в чем твоя сила, твой стиль. Порой толчок дает воспоминание о том, что когда-то, в свое время, особенно хорошо получалось. Моя первая в жизни короткая программа была под молдавскую мелодию «Жаворонок», и при подготовке произвольной на 1975—1976 годы — олимпийского варианта — я очень хотела весь пятиминутный музыкальный номер сделать молдавским. Это не получилось, но первая часть там все-таки была молдавской. В последние годы все время возникает желание еще раз использовать «Погоню» из «Неуловимых мстителей». — наша короткая 1974 года, сделанная на эту музыку, была сразу всеми принята: к другим программам и публика и специалисты сперва присматриваются, как бы привыкают, а эта — точно любовь с первого взгляда. И вот в нынешней произвольной, на 1977 год, финальная часть — снова «Погоня».

...Интересно порой рождаются новые элементы — из ошибок при исполнении старых. Так было, например, с нашим «переворотом» (или «перебросом» — более точного названия у этой поддержки нет). Мы с Улановым делали другую поддержку — «вертолет», у Леши подломились кисти рук, и я по инерции пошла головой вперед. Станислав Алексеевич обратил внимание на необычность такого движения... Хотя в окончательном варианте «переброс» закрепился не сразу — с Улановым он не получился, только с Зайцевым, тем более что Саша «вертолет» не любит...

Продолжение следует.

СИЛА С

Юрий ПРОКУШЕВ

Лица. Лица друзей. Задумчивые. Взволнованные. Озаренные. И голос. Предельно искренний, немного усталый, такой знакомый и близкий...

Кажется, все это было только вчера. В кругу своих товарищей и друзей выдающийся русский советский поэт Сергей Александрович Васильев в Центральном Доме литераторов читал новую поэму «Изба над Тоболом», посвященную памяти поэта-декабриста Вильгельма Кюхельбекера — одного из достойнейших сынов России.

Отзвучали заключительные строфы. В небольшом, уютном зале на какое-то мгновение стало торжественно тихо. Было очевидно: только что услышанные стихи явно легли на сердце весьма искушенным слушателям.

— Ну вот, мои дорогие, и кончил я вас мучить. Теперь — помолчу, а вы — пошумите, — весело заметил Сергей Александрович. Чувствовалось: он был радостно возбужден приемом и не собирался этого скрывать. Его открытое лицо светилось доброй васильевской улыбкой.

В эти минуты невозможно было поверить, что этот, такой могучий с виду человек был уже давно очень, очень тяжело болен, что еще сегодня утром просил, если у него не хватит сил и он «не выдюжит», «оплошает», дочитать за него поэму.

Но он выдюжил и на этот раз. Вспомнились его известные стихи:

Вот и шагаю с открытым забралом,
знойную рифму держу наготове,
сроду в пути не сказавшись усталым,
жар сохраняю в нацеленном слове.

Счастье ли, горе ли вижу людское,
ведро ли светит, ненастье ли студит, —
нет мне покоя, нет мне покоя
и никогда, вероятно, не будет.

Никто в тот вечер не предполагал, что эта встреча с поэтом для многих окажется последней, что это было, по существу, прощальное публичное выступление Сергея Васильева.

Вскоре он вновь оказался в больнице. Во время операции не выдержало, сдало сердце. 2 июля 1975 года оборвался жизненный путь поэта...

С того памятного вечера неоднократно возвращался я к поэме Сергея Васильева «Изба над Тоболом», она неудержимо влекла к себе. Каждый раз что-то значительное, новое открывалось в ее исторических далях.

Поэма захватывала воображение, забирала душу в полон буквально с первых строк, образных, емких по мысли, ритмически собранных, напряженных:

Над говорливой рекой Тоболом
стоит изба.
Покрыта сумрачным сном тяжелым
ее судьба.
Избу возвел здесь бедняк-изгнанник,
поэт к тому ж.
А родом был он из тех, из ранних,
бесстрашных душ,
кто отдал крыльям мечты народной
всю страсть и пыл,
кому опорою благородной
сам Пушкин был.

Велика сила слова, особенно поэтического. Все ему подвластно: и седая даль прошлого, нашей истории, нашего вчера, и живая, кипучая современность, сегодняшняя явь, наше настоящее и далекое-близкое будущее. Кто сегодня хранит в памяти имена некогда знатных и, казалось, всесильно-вечных вельмож и царедворцев времен Пушкина? Покрытые тленом народного забвения, они давно канули бесславно в небытие — все эти графы воронцовы, бенкендорфы, дантесы. Кто их вспоминает сегодня? Разве что ученые-историки и литературоведы в связи с именем великого русского поэта.

А бессмертный Пушкин! Все, что гений его воплотил в слове, — все вечно, все современно: и «Руслан и Людмила», и «Евгений Онегин», и «Борис Годунов», и «Пиковая дама», и «Капитанская дочка». В душе России, освобожденной Великим Октябрем от самодержавного рабства, пушкинский «Памятник» уже давно и заслуженно вознесся выше любого александрийского столпа.

О живой, неистребимой силе слова, способной зримо, образно воскресить в нашей памяти, казалось бы, навсегда ушедшие от нас забытые страницы былого, вдохнуть в них «душу живу», вернуть их в наш день, — обо всем этом вновь думалось невольно еще и еще раз при встрече с васильевской «Избой над Тоболом».

В самом деле, на берегу реки Тобол доживала свои последние дни старая изба. Более ста лет тому назад ее возвел и жил в ней сосланный декабрист Кюхельбекер.

Многое повидала эта изба на своем веку, многому стала молчаливым свидетелем. Прошло бы еще несколько десятилетий, и последние венцы старой избы, вероятно, исчезли бы с лика земли. И скорей всего это вряд ли кого-нибудь удивило бы. Что изба! Города, страны и даже цивилизации гибли на нашей планете. И до нас — далеких потомков — доходило часто лишь то, что «отстоялось» словом, что запечатлелось, закрепилось на века в этом, казалось бы, самом хрупком строительном материале. Яркий пример тому древние новгородские берестяные грамоты.

И старая изба на берегу Тобола зажила в наши дни своей новой жизнью — жизнью в слове. И сделал это поэт.

Изба над Тоболом!
Годами источен
твой вид первозданный,
утрачен фасад.
И все же венцы твоих бурых обочин
наглядно
о горьком былом говорят.
Изба над Тоболом!
Тесовая крыша!
Бревенчатый дом на крутом берегу.
Я издали скрип половиц твоих слышу
и облик твой
в сердце своем берегу.

Сергей Васильев, чье детство и отрочество прошли в Кургане, на Тоболе, с той юношеской поры сберег в своей памяти все, что было связано в прошлом с избой Кюхельбекера. По воле поэта в этой избе вновь зазвучал голос ее «ссыльного хозяина», лицейского друга Пушкина:

— Друзья мои!
Братья мои по изгнанью!..
(Вильгельм пошатнулся и побледнел).
Я поздней ночью
и ранней ранью
не вижу,
где Пушкину есть предел...
Друзья!
Я в вас вижу единоверцев.
Нева нас сроднила, а не Тобол.
Так выпьем же дружно
за зоркость сердца,
за пушкинский, ставший звездой глагол!

На наших глазах как бы произошло чудо — чудо поэзии: вся изба над Тоболом вдруг наполнилась живыми голосами, живой жизнью. Перед нашим взором предстал Кюхельбекер, сохранивший, несмотря на тяжелейшие годы ссылки и болезнь, поразительную стойкость духа, ясность мысли, доброту чувств, благородство; его семья — дети, жена Дросида, далекая от литературных забот и тревог больного супруга и вместе с тем относящаяся к нему с истинно материнской нежностью; ссыльные друзья поэта — декабристы Бригген, Нарышкины, Большаков, Щепин-Ростовский, «что по Сенатской московцев вел».

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Идут года... Но память
прежних дней
Еще витает в шелесте ветвей...

Поэтическая память Надежды Павлович бережно сохранила все пережитое более чем за полвека литературной работы. Только что вышедшая книга ее избранного «Сквозь долгие года...» открывается поэмой «Воспоминания об Александре Блоке». Надежда Павлович познакомилась с Блоком в мае 1920 года, и встреча с великим поэтом оставила неизгладимый след в ее жизни. Со страниц поэмы смотрит на нас живой человек, каким он запечатлелся в памяти:

Почти такой, как мы,
но не такой,
Он проще был, печальнее
и строже:
На шкипера норвежского
похожий,
Как долг, хранил он
вечный непокой.

Павлович рассказывает о выступлениях Блока в Москве, в Политехническом музее, и в Петрограде, в Клубе поэтов, о последних месяцах его жизни, когда он «с каждым днем слабел, не мог дышать», и о смерти...

Тонко и точно поэт рисует портреты своих современников. Порой это отдельные штрихи, наброски, но они-то и создают образ: «Желтеющие проседью усы... Монгольского лица скуластый треугольник» — таким запомнился ей Брюсов; почти монументален Горький, напо-

---

Надежда Павлович. Сквозь долгие года... М., «Художественная литература», 1977, 256 стр.

ЛОВА

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЭМА Сергея ВАСИЛЬЕВА «Изба над Тоболом».

Вся поэма Сергея Васильева озарена светлым именем Пушкина. Образ великого поэта не застит образ Кюхельбекера, а, наоборот, помогает автору раскрыть и выразить полнее главные черты его характера. С особой силой это проявляется в одном из драматичнейших и одновременно одном из самых просветленных эпизодов поэмы — праздновании декабристами в глухой сибирской ссылке дня рождения Пушкина:

...Встал Кюхельбекер и начал слово
ровно и сдержанно: — Господа!
Все мы здесь
связаны общей долей,
всех стережет полицейский глаз.
Но Пушкин живет,
заявить позволю,
очень по-разному в каждом из нас...
И я полагаю,
что мы недаром
восстали когда-то, презрев картечь...
Вильгельм произнес эту фразу с жаром,
осекся на миг и продолжил речь:
— Вспомним,
с какою глубокою страстью
сказал он про новые времена:
«Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья...».

Слепнущему, тяжело больному человеку собрать у себя в доме в день рождения Пушкина тех, кто за десятилетия царской каторги и ссылки могли и утратить и даже окончательно убить свою душу; собрать для того, чтобы укрепить веру в правоту их святого дела; наконец, вместе с ними еще раз пережить те незабываемые минуты, когда среди них был Пушкин,— все это было равнозначно подвигу, а вернее, это и был нравственный, гражданский подвиг Вильгельма Кюхельбекера. И мы вместе с автором глубоко переживаем эти, особенно дорогие нашему сердцу минуты душевного подъема и озарения его героя. Всем предшествующим повествованием подводит нас Сергей Васильев к этой ключевой сцене. Здесь, несомненно, кульминационный взлет, точка высочайшей эмоциональной напряженности всей поэмы.

Поэт делает нас очевидцами еще одной волнующей, незабываемой встречи хозяина избы над Тоболом с декабристом Иваном Пущиным. Он приехал в Курган для того, чтобы увезти Кюхельбекера на лечение в Тобольск. Поэт дает нам возможность услышать, как во время этой встречи с лицейским товарищем Кюхельбекер «стал диктовать ему завещанье — нажитой мудрости борозду»:

Что —
целиком предложить к изданью,
что —
для печати в кусках извлечь,
что —
немедля, без колебанья
с чистой совестью бросить в печь...
— Вот и в порядке мои скрижали!
Теперь и в бессмертье скакать пора!..
...А поутру уже кони ржали,
тройка тронулась со двора...
В Тобольск!
Там отступит режим постельный,
Там обретет он вечный покой.
И тут я прощаюсь с моим Вильгельмом
и долго машу ему вслед рукой.

Прощаемся и мы с героем Сергея Васильева. Прощаемся со щемящей грустью, в раздумьях о его трагической и все же счастливой судьбе. Теперь уже навсегда, и для нас он становится куда значительно роднее, ближе, человечнее, чем это было до встречи с ним на страницах «Избы над Тоболом».

Сергей Васильев с большим художественным тактом и исторической зоркостью успешно справляется в «Избе над Тоболом» с задачей, которую всякий раз приходится решать писателю, обращающемуся к нашему героическому прошлому. Всей своей поэмой он справедливо утверждает, что его исторический герой по народности характера, гражданской убежденности, своим идеалам — наш современник.

В «Избе над Тоболом» во всем чувствуется зрелый мастер стиха. В поэме все на месте, все подчинено неповторимо-образному раскрытию содержания, воссозданию правдивых картин народной жизни, народного быта, окружающих героя поэмы в сибирской ссылке.

Такова, к примеру, одна из живописных, многоликих, «голосистых» сцен, передающих живую атмосферу, царящую на курганском базаре, куда однажды попадает герой поэмы:

Гомон, гвалт стоят над базаром.
Мечется,
крутит,
носится
рыжей пылью,
летучим жаром
разноголосица:
— Шурум-бурум!
Не за так берем!
Платим сами
медяками,
а с походцей серебром!
— Втулки!
— Вьюшки!
— Гвозди!
— Кадушки!
— Погодаем, Кольша!
— Не жалаю больше!
— Перекусим, Ваньша?
— Выпьем чарку раньше!
— Чо купил?
— Чо надо!
Чохом без огляда
взять поспел едва
две серёдки
от селедки,
от жилетки рукава!
— Кобыленка знатнà,
не базлай, что лыса!
— Шаровары из сукна!
— Шушины из плиса!
— Обручà! Обручà!
— А они, мамань, для ча?
— Для зажима, дочка,—
чтоб держалась бочка!
— Бурдюк с кумысом!
— С патокой крынка!
— Жирный вяленый сом!
— Жарена конинка!
— Отвяжись, худая жись,
с эдаким товаром!
Мне его несли лонись,—
не взяла задаром!

Эта «шумная» сцена поначалу может показаться хаотичной. Но вскоре становится очевидно мастерство поэта, который с такой внешней «легкостью» и непринужденностью, точно выстраивает эту сцену и ритмически и композиционно.

Как это нетрудно было заметить в эпизоде курганского базара, в поэме Сергея Васильева за каждой «случайной» фразой, за каждой на первый взгляд мимоходом оброненной репликой почти всегда угадывается и просматривается свой конкретный лик или характер. Из этих отдельных ликов-образов, из этой ритмической «разноголосицы» складывается живой, выразительный портрет народа.

Словно венец к венцу, выстраивает надежно и добротно, строка к строке Сергей Васильев свою поэтическую избу над Тоболом. При этом многое в поэме остается как бы за строкой, вернее, в глубине строки. Это весьма характерно и примечательно для ее поэтики, народности ее стиля.

В «Избе над Тоболом» ярко проявилась характернейшая особенность поэзии Сергея Васильева — чувство историзма; постоянный, все возрастающий интерес к героическому прошлому России во имя ее настоящего и будущего.

Историзм «Избы над Тоболом» я назвал бы поэтически-документальным историзмом, проникнутым оптимистическим пафосом современности. Взгляд поэта на историю с позиций современности предельно выразителен. Именно это позволяет Сергею Васильеву сказать свое, поэтически-новаторское слово о великом подвиге декабристов.

«Изба над Тоболом» достойно венчает творческий и жизненный путь поэта. С высоты этой самобытно талантливой поэмы, еще мало известной в широких литературных и читательских кругах (опубликована она пока лишь журналом «Октябрь» в январе 1975 года) открывается полнее и рельефнее вся идейно-художественная глубина поэзии Сергея Васильева.

По-настоящему счастлив тот, кто сумеет сохранить и пронести святую верность Родине, народу; наперекор всем превратностям судьбы, через всю жизнь,— такова суть, таков пафос поэзии Сергея Васильева. Едва ли не всего одухотвореннее, яростнее, глубже, полнее он выражен в лебединой песне поэта — «Избе над Тоболом».

минающий «большой жигулевский утес». Вместе с автором мы ощущаем «грозную мощь простертой руки» Маяковского, «орлий взмах» руки Андрея Белого, видим «сверлящий взор» Вячеслава Иванова, похожего «на Тютчева», но и «на аббата» и «на иезуита», слышим срывающийся «как струна» голос Есенина и «виолончель» голоса Ахматовой.

Надежда Александровна Павлович многое видела и много пережила. Она была членом президиума Всероссийского Союза поэтов, председателем которого был В. Я. Брюсов, она помогала в Петрограде А. А. Блоку в организации петроградского Союза поэтов.

Творчество ее разносторонне. Опубликовав в 1922 году первый сборник стихотворений, «Берег», она выступает как рецензент в критико-библиографическом журнале «Книга и революция» с отзывами о поэзии Блока, Сологуба, Ахматовой, выпускает около двадцати поэтических сборников для детей, которые иллюстрировались такими замечательными художниками, как Кустодиев и Конашевич, сотрудничает в журнале «Детская литература», где печатаются ее критические статьи. В последующие годы Павлович много работает над переводами Аветика Исаакяна, Райниса, Тагора, Низами и других поэтов, она автор интересных воспоминаний о Блоке и Есенине.

Но сборник «Сквозь долгие года...» вобрал не только поэтические воспоминания о людях, с которыми довелось автору встречаться; это и книга раздумий о смысле бытия, о сущности искусства и человеческой жизни, об их многотрудных путях:

Все то, что в жизни
пронесла я строго,
Все то, что с детства из
глубин росло,—
Все только шаг у нового
порога,
Все только посох, парус и
крыло.

Эти раздумья неотделимы от мыслей о судьбе страны, от мечты и заботы, о том, чтобы ничто не нарушило мирную жизнь Родины:

Не утихай, родное
беспокойство,
Чтоб не дрожала под ногой
земля,
Чтоб крепло мира новое
устройство,
Чтоб не скудели русские поля.

Простыми и чистыми словами говорит Надежда Павлович в своих стихах о природе, которая осмыслена как организм живой, неотъемлемая часть самого человека, познающего через нее себя и окружающий мир.

«Сквозь долгие года...» борьбы и исканий лежал путь. И ныне поэт отдает накопленную мудрость будущему.

Какое счастье — тополем
подняться!
У тополя все листья
серебрятся.
Какое счастье — дубом золотым
Шуметь над морем синим
и седым!

Какое счастье, уходя навеки,
Хотя б в одном оставить
человеке
Прекрасную и горькую мечту
И вечное стремленье в высоту!

Т. БЕДНЯКОВА

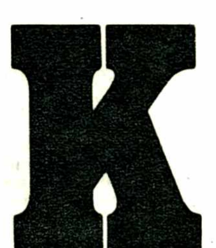
Олег **ШМЕЛЕВ**,
Владимир **ВОСТОКОВ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ.

Глава VIII

ВОСПОМИНАНИЯ В ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ

ак все это произошло? Что его сбило с пути? Вроде бы курс его был всегда проложен правильно и никакие течения, никакие штормовые ветры не были страшны...

Он с отличием окончил мореходку, о которой мечтал с детства. Два года плавал на каботажных линиях на рудовозе. Потом перевели на танкер, и пять лет он ходил в загранку. Их судно считалось одним из лучших в пароходстве.

Он женился на самой красивой из всех своих знакомых, а знакомых у него было много. Он всегда нравился женщинам, ибо был мужествен, не лез за словом в карман и вообще производил на женщин такое впечатление, что любая будет за ним, как за каменной стеной.

К тридцати восьми годам у него было все, к чему он стремился. Жена прекрасная. Сын пошел в школу. Квартира обставлена великолепно. Он уже шестой год ходит первым помощником капитана на «Альбатросе» — сухогрузном судне водоизмещением восемь тысяч тонн. И недалек тот день, когда должна исполниться главная мечта — он станет капитаном дальнего плавания. Чего еще надо? Автомобиль? Но деньги уже скоплены, и очередь его недалека.

Он знал людей, которые откровенно завидовали ему: напористый, удачливый, всего добился быстро и без усилий, и по всему видно: еще далеко пойдет. К таким Фастов относился чуть свысока.

Но были и люди, которым завидовал он сам, сознавая, что завидует глупо, однако ничего не мог с собой поделать. Например, был у него один друг — не друг, но, в общем, из тех, к кому порою неудержимо тянет и от кого после недолгого общения хочется бежать подальше. Они познакомились в ресторане, на встрече Нового года. Тогда Юрий с Валентиной и своими ближайшими друзьями, тоже мужем и женой, решили попробовать, как это люди говорят друг другу: «С Новым годом, с новым счастьем!» — не за домашним столом, а за ресторанным, на виду у незнакомой публики. Заказали столик. Как водится, после нескольких рюмок, где-то во втором часу, в ресторане началось повальное братание. Их соседями оказалась симпатичная и очень веселая компания — две пары, примерно одного с ними возраста. Мужчины перекинулись шуточками, и вскоре столики были сдвинуты. Потом танцы, потом анекдоты. К пяти часам утра уже всем казалось странным, как это они до сих пор жили отдельно и ни разу не встретились. Может быть, из картины общей приподнятости чуть выпадала неестественная улыбка Валентины, которая не умела притворяться, но никто, кроме Фастова, этого не замечал. Юрию особенно понравился один из новообретенных друзей — тот, кого звали Мишей. Он был, правда, несколько полноват, с животиком и жирными щеками, но по всему чувствовалось, что это настоящий мужик, знающий себе цену. Он сказал, что по профессии юрист, а чем именно занимается, не уточнял. Все обменялись телефонными номерами и поклялись, что созвонятся в ближайшее время.

На улице, когда разошлись, Фастов спросил жену: «Почему они тебе не понравились?» Она сказала: «Не знаю. По-моему, не нашего поля ягода». Он только посмеялся.

Миша позвонил под старый Новый год, тринадцатого января, и говорил с Фастовым так, словно считал его холостяком: он приглашал на вечер к себе домой одного Юру. И обращался к нему на «ты». Фастов, понизив голос — Валентина была на кухне, — сказал, что без жены не может. «Жаль, — весело посокрушался Миша. — Моя уехала к родичам в Ленинград. Приезжай, а?» Фастов отказывался. «Ну, тогда завтра днем. Сумеешь?» Что-то такое завлекающее было в голосе Миши. Фастов сказал, что заедет. И записал адрес.

Нет, до женитьбы он вовсе не был монахом, но Валентине не изменял ни разу. И когда четырнадцатого января утром он сказал ей, что надо съездить в пароходство, ему стала даже как-то страшновата эта первая между ними ложь. Ей, конечно, и в голову не пришло, что он врет. А он успокоил себя тем, что собрался не на свидание, а в гости к мужику. Ну, подумаешь, посидят, выпьют по чарке. Разве ж это измена?

Миша жил в старом районе, в старинном доме, где лестничные площадки были выложены цветным изразцом, где на каждом этаже было только по две квартиры, а перила лестницы сделаны из литого фигурного чугуна. Дверь Мишиной квартиры обита черной стеганой кожей — да, настоящей кожей, а не дерматином или клеенкой. И была эта дверь выше, чем потолки в его, Фастова, квартире. Он это почему-то отметил, и, забегая вперед, надо сказать, что именно дверь, обитая кожей, сыграла, как ни странно, чуть ли не главную роль в его отношениях с Мишей. Именно она дала толчок зависти, на которую он не считал себя дотоле способным, и она же послужила очень важным аргументом, может быть, решающим, в тот ключевой момент, когда Фастову пришлось окончательно определяться — идти за Мишей или послать его к черту. Но то еще впереди, а пока Фастов нажал на кнопку звонка.

Миша открыл дверь.

— Юра, дорогой, как мы без тебя скучаем!

От него попахивало перегаром, когда он пытался поцеловать Фастова в губы. Обернувшись, он крикнул:

— Черное и белое! — И стал снимать с Фастова пальто.

В конце длинной прихожей из открытой двери появились две девушки, одна черненькая, другая беленькая. Лет им было никак не больше двадцати.

— Таня.

— Наташа.

А Фастов непроизвольно представился по имени-отчеству: уж очень молоды они были по сравнению с ним.

— К столу, к столу! — громко призвал Миша. — Ведите его.

Девушки взяли Фастова под руки и повели...

Он вернулся домой на следующее утро. Он узнал за эти сутки много такого, чего при всем своем довольно многообразном опыте не успел узнать за предыдущие тридцать семь лет жизни.

Костя встретил его в коридоре и хотел поздороваться за руку, но он не позволил себе прикоснуться к сыну. Жена вышла из кухни, посмотрела на него, сдвинув брови, и сказала только одно слово: «Хорош». Он молчал. Уже из кухни она спросила: «Завтракать будешь?» Он все еще стоял у дверей и молчал. Ему вдруг остро захотелось содрать с себя все и выбросить за дверь, нет, в мусорный ящик на дворе. Костя смотрел на него и, казалось, начинал что-то соображать. Но он, конечно, ничего не понимал. Фастов снял пальто, снял пиджак, повесил отдельно, на крайний крючок. И заперся в ванной, где просидел целый час. Спали они в ту ночь врозь. Фастова тянуло покаяться во всем, но пока он колебался между двумя решениями — сказать, не сказать, — его сморил сон. А на следующее утро все представилось не таким уж и гадким. Угнетало лишь то, что Валентина ни о чем не спрашивала.

А через неделю снова позвонил Миша, и они встретились днем в том же составе, но теперь Фастов сумел выдержать характер и ускользнул в восемь часов вечера, как ни хотелось ему остаться на ночь.

В этот раз удалось немного поболтать с Мишей о вещах, не касавшихся женщин. Миша сказал, что работает юрисконсультом на двух фабриках, что у него есть новая «Волга», но зимой он ездить не хочет — опасно; что эта огромная трехкомнатная квартира досталась ему от родителей, которые умерли; правда, в одной комнате раньше жила еще одна семья, но он дал им денег и устроил в кооператив, так что никто не в накладе. Квартира, как разглядел Фастов, была замечательная, а мебели в ней и всякого добра, от хрустальных люстр до стереофонического радиокомбайна, набралось бы на десятки тысяч.

Фастову не было дела до того, как это нажито, — он никогда не любил считать чужих денег. Но у него тогда шевельнулась мысль: неужели все юрисконсульты так роскошествуют? Для Фастова все заслонялось тем, что Миша приобщил его к неведомой раньше, какой-то терпкой, запретной и потому притягивающей жизни неограниченно вольного человека. Удивляло одно: как умеет Миша так безбоя-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2 — 9.

Т. Яблонская. ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ. 1962.

Т. Яблонская. ЮНОСТЬ. 1969.

ненно устраивать оргии в своем доме? Ведь в любой момент может нагрянуть жена. Или у него и с женой все устроено по законам свободной любви?

Такие вопросы занимали Фастова уже после второй попойки с Мишей, занимали без возмущения, а в смысле только чисто техническом. Он как бы примерял все это к себе. А ведь еще месяц назад ни о чем подобном он и подумать не мог.

С Валентиной отношения как будто наладились, но что-то ушло. Появилась натяжка. Фастову хотелось исчезнуть из дому, уйти в рейс. Там, в море, на соленом ветру, он очистится— не для жены, так для сына. Здесь, дома, время все сгладит и вернет прежнюю простоту и ясность.

У «Альбатроса» второй месяц ремонтировали машину и отлаживали разболтавшийся гребной вал, потому Фастов и бездельничал. Но вот наконец-то ремонт закончился. Приступили к погрузке, и теперь он дневал и ночевал на борту, даже когда его присутствия не требовалось. Однажды капитан, встретив его на пирсе, сказал грубоватым своим басом: «Видать, стосковался по хомуту». Каюта казалась Фастову убежищем от гнета.

И вот отвал. На пирсе разноцветная толпа провожающих, среди них Валентина с Костей. Никогда еще не было, чтобы прощание с ними доставляло Фастову радость, а сейчас он радовался. И за нее и за себя. Его очистит море, ее смягчит время, повторял он про себя...

Сухогруз «Альбатрос» курсировал между советскими портами и портами Северной Африки и Западной Европы. В своих трюмах он перевозил самые разнообразные грузы — от кофе и вина до транзисторных приемников и металлорежущих станков. Команда его пользовалась самой лестной репутацией у всех грузополучателей и грузоотправителей, потому что еще не бывало так, чтобы погрузка или разгрузка задерживались по ее вине.

Сейчас «Альбатрос» шел в Амстердам, где швартовался уже много раз. Обычный рейс. Наезженная дорога. Никаких неожиданностей не предвидится. Только, как всегда, надо быть построже в Бискайском заливе, который может в любое время года сильно потрепать, если зазеваешься, а в зимнее время особенно.

Их действительно немного потрепало, едва не сорвало одну шлюпку правого борта, но команде это было не впервой. В Амстердам пришли точно по графику.

Между разгрузкой и погрузкой образовалось окно, однако капитана это не беспокоило. Из пароходства получена радиограмма, что в Амстердаме он должен принять вполовину меньше груза, чем предполагалось, потому что на обратном пути нужно забрать срочный груз в Марселе, который будет там готов к отправке через четыре дня. Так что время есть, волноваться нечего. Команда получила разрешение сойти на берег.

Валюты морякам выдается немного, но купить кое-что из недорогих вещей можно.

Фастов обычно покупал что-нибудь жене, но с тех пор, как у них родился Костя, она просила привозить только детские вещички. Вот и в этот раз он зашел в знакомый супермаркет, чтобы купить что-нибудь для сына. Ему понравился шерстяной свитерок и башмаки на толстой подошве с медными гвоздями. На это, собственно, и ушла его валюта, потому что шерсть всюду в мире стоит дорого. Осталось несколько разменных монет, и Фастов решил навестить бар, тоже давно знакомый, где ему уже случалось пропускать рюмочку-другую джина на остатки от покупок. Ему нравилось такое соприкосновение с чужим бытом — именно посидеть в баре. Магазин — он везде магазин, только в одном больше товаров, в другом меньше, а бар или ресторанчик — совсем иной разрез. Тут видишь не покупателей, которые тоже везде одинаковые, а людей, чувствуешь дух чужой жизни.

Бар, облюбованный Фастовым, был чистенький и необъяснимо уютный. Бармена звали Фред. Ему наверняка уже перевалило за пятьдесят, но он обладал такой юношески гибкой фигурой, был при небольшом росте так великолепно сложен и так подвижен, что издали Фастов в первый свой приход дал ему не больше двадцати пяти. Во всем облике Фреда сквозило изящество. Косой пробор в его ярко блестящих черных волосах был сделан, кажется, не по линейке, а по синему лазерному лучу. Он двигался быстро и порывисто, но в нем не было ни суетливости, ни угодливости. И к тому же Фред мог изъясняться чуть ли не на всех языках мира, в том числе и на русском. К Фастову он с первого раза отнесся с симпатией, потому что русский моряк пил неразведенный джин, даже и льда не клал. При втором посещении они немного поболтали: Фастов прилично владел английским, как все настоящие моряки.

В последнее посещение произошел неожиданный для Фастова разговор. По обыкновению, он высыпал на стойку монеты и, хотя знал цену рюмки джина, сказал:

— На сколько хватит.

Хватало на полторы рюмки, но Фред налил две полных. Фастов выпил их, но не уходил: хотелось побыть здесь.

— Желаете еще? — предложил Фред.

— Больше не на что.

— Я угощаю. Рюмка джина, даже две рюмки — не очень большая проблема. Вы мой постоянный клиент, а у нас принято таких клиентов поощрять премиями.— Он уже налил рюмку.

— Нет,— решительно отодвинул ее Фастов.— У нас это не принято.

Фред потрогал свои маленькие чаплинские усики мизинцем как бы в раздумье.

— Тогда знаете что... У вас есть советские деньги?

— Но они же у вас не ходят.

— У меня ходят. Поищите в карманах.

У Фастова в кармане кителя лежала десятка. Ему хотелось выпить, а Фред не шутил.

— Вот десять рублей.

— Отлично. Сколько это будет на доллары по официальному курсу?

Фастов посчитал.

— Приблизительно тринадцать. Но у вас же гульдены.

— Я переведу.— Он взял десятку, бросил ее в кассу.— Теперь пейте сколько хотите. Может, желаете поесть? У меня прекрасная ветчина с горошком. Мое фирменное блюдо. Поставщик специальный.

— Ну, что ж, поссорите вы меня с законом, дорогой Фред, но где наша не пропадала!

Фастов сел за столик, и Фред принес ему едва початую бутылку джина и ветчину с горошком.

Но это еще не все. Когда Фастов, допив бутылку и закусив, встал из-за стола, Фред подошел к нему со сдачей. Фастов был в том состоянии, когда человек не пьян, но ощущает, что выпил. У него была поговорочка: «Для меня бутылка джина — как слону дробина».

— Спасибо, Фред, но какая сдача? По-моему, вы себя обсчитываете.

— Это не в моих правилах. Тогда бы я давно вылетел в трубу. Расчет точный.

— В таком случае оставьте себе на чай.

— Бармены на чай не берут.

— Ну, тогда до следующего раза.

Фред перешел на шепот:

— Имейте в виду на следующий раз: не будет валюты — привозите ваши деньги. Я возьму у вас и двадцать, и сто, и сколько хотите рублей. Я себя не надую. Я сумею их обменять.

— Правда?

— Совершенно серьезно.

...Отправляясь в нынешний рейс, Фастов вспомнил эту необычную историю, о которой, по правде сказать, он постарался тогда забыть, как только вернулся на корабль. Сейчас у него в кармане кителя лежало сто рублей — четыре купюры по двадцать пять.

Он не увидел за стойкой Фреда и даже растерялся, почувствовал уныние. В зале из десяти столиков был занят лишь один: там сидели три солидных господина с лицами розовыми, как ветчина, которую они ели, и с усами пшеничного цвета, как пиво, которое они пили.

— О, товарищ Альбатрос! — услышал он за плечом знакомый голос. Фред с первого знакомства называл его так — по имени корабля.

Бармен, как всегда изящный и порывистый, появился из двери за стойкой.

— Добрый день, Фред. Сто лет не виделись.— Фастов положил сверток с покупками на табурет.

— Джин?

— Ну, конечно.— Фастов высыпал на стойку монеты.

— У вас осталась сдача с прошлого раза,— напомнил Фред, подвигая рюмку.

Фастов выпил, показал пальцами на рюмку, Фред снова налил.

— А остался ли у вас в памяти тот разговор? — спросил Фастов.

— Я ничего не забываю, товарищ Альбатрос.

Фастов выложил деньги.

— О, таких бумажек я еще не видел,— с интересом беря их, сказал Фред.— Сколько здесь?

— Сто рублей.

— Значит, так. Тогда было десять рублей и тринадцать долларов. Теперь будет сто рублей и сто тридцать долларов. Верно, товарищ Альбатрос?

— У вас прекрасная голова, Фред.

— О да, не жалуюсь. На гульдены я тоже сумею перевести. Вам ведь нужны гульдены?

— Хотелось бы.

— Сейчас сделаем.— Он отвернулся к кассе, покопался в ней и положил перед Фастовым толстенькую пачку неновых банкнот. Фастов быстро спрятал ее в карман брюк.

— Спасибо. Я у вас в неоплатном долгу. Что вам подарить, что привезти из России?

— Лучшим подарком было бы, если бы вы все это пропили в моем баре,— пошутил Фред.

— Нет, серьезно.

— Приходите чаще в Амстердам и ко мне... Ну, подарите мне балалайку.

Фастов поморщился.

— Очень громоздко.

— Ну, в таком случае маленький самоварчик.

— Обязательно! А теперь извините — тороплюсь.

— Счастливого плавания. И не стесняйтесь— привозите денег побольше.

Фастов действительно торопился, но не на корабль, а в ювелирный магазин.

Еще дома, до отплытия, он продумал, как загладить вину перед Валентиной. Она хоть и равнодушна была ко всякой дамской мишуре, но дорогие серьги и кольца любила. Однажды они заглянули в лучший ювелирный магазин родного города — просто так, поглядеть. И Фастов заметил, с каким восторгом жена рассматривала сквозь стекло витрины подвески с большими розоватыми жемчужинами, стоившие больше трех его зарплат. После он подарил ей перстенек с гранатом, и она его чуть не задушила в знак благодарности. Вероятно, это у нее было безотчетное, чисто детское, потому что он твердо знал: она, если попрекнуть ее в жадности или в чрезмерной тяге к побрякушкам, не моргнув глазом, выбросит любую драгоценность в форточку.

Но ему надо было как-то доказать, что он ее не разлюбил. А лучшего способа, чем сделать дорогой подарок, он не видел.

Выбирал Фастов недолго. Массивное золотое кольцо, витое, с печаткой, на которой была выдавлена латинская буква V, стоило ровно столько, сколько он получил от Фреда за свои сто рублей. Дома оно стоило бы, наверное, дороже: взяв его в руку, Фастов прикинул, что в нем граммов пятнадцать. И золото червонное...

Валентине кольцо понравилось, но она сразу спросила, откуда он взял столько валюты. Не вдаваясь в подробности, он объяснил, что в Амстердаме можно при желании обменять советские деньги. «Ой, смотри»,— сказала она с сомнением.

На третий или на четвертый день, когда Валентина, проводив Костю в школу, отправилась рано утром по магазинам, Фастов позвонил Мише. Стали договариваться о встрече, и Миша как бы между прочим сказал: «Тебе привет от Веры»,— то есть от жены, давая этим понять, что у него дома организовать ничего нельзя. Решили посидеть в «Молодежном» кафе. В одиннадцать часов, оставив Валентине записку, что скоро вернется, Фастов ушел из дому. Непонятное беспокойство зародилось в нем от Валиного «ой, смотри», имелось желание как-то развеяться.

Миша был рад его видеть. В кафе подавали только сухое вино, и, распив бутылку, они перебрались в соседний ресторан. С водкой разговаривать веселее. Миша расспрашивал о рейсе, об Амстердаме, вообще о морской службе, и как-то само собой получилось, что Фастов помимо воли рассказал о бармене

Фреде, о ста рублях, обмененных на гульдены, и о золотом кольце. Миша слушал с большим интересом. Фастов, выложив то, что выкладывать не следовало бы, спохватился и вмиг протрезвел. «Но это глубоко между нами»,— предупредил он. «Ты чудак,— сказал Миша.— Разве о таких вещах кому-нибудь говорят? Мне-то ты можешь, но другим — не советую. А меня не бойся, не продам». И дальше Фастов пил с легкой душой.

Как они очутились в гостях у Мишиных знакомых женщин, Фастов вспомнил после с трудом, но так или иначе, а домой он вернулся лишь на следующий день. И тут уж Валентина высказала ему все, что думает о его поведении. Ему бы покаяться, а он, еще не совсем протрезвев, накричал на нее. Кончилось тем, что Фастов ушел из дому. Хотел побродить по улицам, проветриться, но, увидев первый же телефон-автомат, позвонил Мише: «Плохо мне, дорогой». Миша оказался настоящим другом, пригласил к себе, они с женой его пригрели, приголубили, напоили чаем и оставили у себя ночевать.

Таким вот образом в жизни семьи Фастовых, до той поры самой счастливой на свете, произошел перелом, обернувшийся настоящей трагедией. Но до финала было еще далеко.

Во всей этой истории объяснить, понять и даже до какой-то степени оправдать можно только одно — то, что Фастов столь быстро прилепился к Мише. Дело простое: с тех пор как Фастов женился, у него не было друга, так сказать, для одного себя. Да, по правде говоря, и никогда не было. Товарищи по работе или люди, с которыми дружат семьями, никому не заменят того единственного друга, перед которым не надо ни в чем отчитываться, который прощает дурное настроение и сорвавшееся с языка грубое слово, который не навязывает своих проблем и не требует к себе постоянного внимания. Короче, у Фастова впервые появился друг.

За неделю, остававшуюся до очередного рейса, они очень сблизились. У Миши работа была такая, что он мог не ходить на нее по два и даже по три дня. Больших загулов они не устраивали, но встречались и выпивали ежедневно. Платил, как правило, Миша, но иногда Фастов восставал и расплачивался сам. Разговоры вертелись вокруг женщин вообще и жен в частности. Однажды Миша всерьез посоветовал:

— Да брось ты ее к чертовой матери, купи кооперативную квартиру, оставь ей все и уходи.

— Ты с ума спятил? — чуть не закричал Фастов.— У нас же Костя, сын.

Мишу это не смутило.

— Ладно, это ты сейчас такой сознательный. Посмотрим, что будет через годик.

Фастов попросил Мишу насчет развода речей вообще не заводить. И тогда Миша завел другие речи:

— Скоро уходишь?

— Слава аллаху, осталось два дня.

— Далеко?

— Гавр, Портсмут, потом Амстердам.

— Ты сейчас злой. Не кинешься на меня, если кое-какие идеи подкину?

— Валяй.

Миша скатал из черного хлеба шарик, смял его в лепешку величиной с трехкопеечную монету, положил на скатерть.

— Что это такое?

Фастов пожал плечами.

— Ну, был хлеб, а что ты слепил — не знаю.

Миша взял вазочку с черной икрой, которой они закусывали, поставил рядом с лепешечкой.

— А это что такое?

— Ну, икра.

— Так. Черный хлеб и черная икра. Во сколько раз икра дороже этого кружочка?

— Без нее можно обойтись. Без хлеба не обойдешься. Все относительно. Сравнивать и оценивать такие вещи — дело рискованное.

— Подожди, не философствуй. Ответь: во сколько она дороже?

— Ну, черт ее знает. Ну, пусть в тысячу раз.

— Во! — Миша поднял палец.— И зачем же без нее обходиться? Сейчас ведь не война.

— Ладно, ты мне мозги не пудри. К чему это?

Миша стал серьезным.

— Я тут как-то вспомнил об этом твоем бармене. И покой потерял, честное слово.

— А нада? — Фастов употребил старую курсантскую шутку, они в мореходке ею увлекались: на любую фразу собеседника отвечать вопросом «А нада?». Это даже самых невозмутимых выводило из себя.

— Что надо?

— Покой.

— Это же фантастика — такой бармен.

— А нада?

Миша в раздражении поправил галстук.

— Ты что, издеваешься? Могу и не отсвечивать.

Фастов еще не совсем понимал, к чему клонит Миша, но догадаться было нетрудно.

— Не злись, я же шучу,— миролюбиво сказал он.— Продолжайте, сэр

— Болван ты, слушай дело. Можешь стать богатым человеком.

— Каким образом? И зачем?

— Затем! Сейчас ты молод и здоров, а искупаешься в ледяной воде... или свалится на тебя ящик с какой-нибудь железякой — куковать будешь?

— Не стой под стрелой?

— Ну, брось, пожалуйста, я ж не шучу. Ты пьяный, что ли?

— Никто еще не видел Фастова пьяным.

— Врешь, я видел, и не один раз.

Он был все же пьян немножко. Необычно деловой тон друга заставил его собраться.

— Миша, я тебя еще никогда так внимательно не слушал.

Но у Миши, кажется, пропала охота развивать свою идею. Он налил себе рюмку, выпил и сидел молча.

— Ну, дорогой мой, не злись, говорю. Продолжай.

— Я считал тебя серьезным парнем,— жестко сказал Миша,— а ты, оказывается, балаболка.

Весь хмель слетел с Фастова.

— Ты всерьез так считаешь?

Еще бы секунда, и они бы разошлись и больше не встретились. Миша вовремя уловил критичность момента.

— Теперь я тебе скажу: не злись. Не лезь в бутылку. Давай говорить по-человечески.

— Так ты и говори по-человечески. Что ты вола крутишь? Хлебушек, икорка... Проще можно?

Миша заговорил по-деловому:

— Я не напрасно про хлеб и икру.— Он взял лепешечку.— Ты везешь туда это, а привозишь это.— Он взял вазочку с икрой.— Конкретнее: повези, скажем, три тысячи рублей. Бармен по официальному курсу меняет?

— Да.

— Значит, привезешь три тысячи девятьсот долларов.

— Ты и курсы знаешь?

— А как же. И представляешь, сколько мы будем иметь процентов прибыли? Пятьсот процентов, дорогой, пятьсот — минимум.

— Да-а... Есть на чем шею сломать.— Фастов тоже налил себе и выпил.

— Ты же через досмотр не проходишь?

— Пока верят... А там — поди знай...

Миша коротко махнул рукой.

— Сколько ты в загранку ходишь?

— Одиннадцать годков.

— Что ж, на двенадцатом проверять будут?

— Искушаешь ты меня, Миша, ох, искушаешь.

— Я бы на твоем месте не задумывался.

— Я бы на твоем тоже.

— Скажи лучше — трусишь.

— Не без этого. Но и совесть — она еще где-то там трепыхается.

— Но ты ж уже оскоромился, ты ж два раза из этой лужицы пил. Какая разница — один глоток или досыта напиться? Лужа-то отравлена, ты уж отравился.

— Пока не смертельно.

— И не будет смертельно.

Фастов взял уже подсохшую лепешечку, повертел ее в пальцах.

— Ну, привезу я доллары, что мы с ними делать будем?

— Не твоя забота. Найдутся люди.

— У меня лежат на книжке деньги, но я снимать не буду. Машинные. Скоро получать,— сказал Фастов, и это надо было понимать как полное согласие.

Миша улыбнулся.

— Найдем...

Тут-то в голове у Фастова и возникли соображения, которые заставили его вспомнить о высокой двери, обитой настоящей кожей. Опустив голову, он думал: что за человек этот Миша? Тот ли, за кого себя выдает? Судя по всему, он сильно смахивает на какого-то подпольного дельца. Почти никогда не ходит на службу. Иногда исчезает на несколько дней, и никто не знает, куда. И разве можно на зарплату юрисконсульта, даже работая на двух фабриках, жить так широко? А Миша однажды выбросил за один вечер тысячу двести рублей — они гуляли тогда большой компанией в ресторане аэропорта...

Да, но дверь... Разве подпольные дельцы обивают двери своих квартир натуральной кожей, да еще стеганой? Снаружи они скорее предпочитают придавать ей такой вид, будто об нее собаки когти точили.

Как ни странно, Мишина дверь оказалась для него более убедительным аргументом, чем все другие, заставлявшие настораживаться. А может быть, наоборот, это не странно, а вполне логично.

Они ударили по рукам.

Так Фастов кинулся во все тяжкие, и ходу назад ему не было...

Бармен Фред встретил его как всегда, но с первого же взгляда определил, что на сей раз «товарищ Альбатрос» несколько взволнован, и, угостив его обычной рюмкой джина, проявил редкий такт и проницательность. Хотя бар, как обычно в этот дневной час, был пуст, Фред сказал:

— Может быть, мы пройдем ко мне за кулисы? Там вам будет уютнее.

— Да, так лучше.

Фастов вслед за барменом прошел через дверь сбоку от стойки в узкий коридорчик. Фред толкнул дверь справа и пропустил Фастова в просторную комнату с двумя окнами, выходившими на чистенький дворик. Она была похожа на контору, только, кроме конторской мебели, в ней стояла широкая кровать на низких медных ножках в форме львиных лап.

— Садитесь, прошу вас.— Фред отодвинул для него свое, хозяйское, кресло перед столом, а сам остался стоять.

— Присядьте и вы, надо поговорить.

— Может быть, сначала принести вам чего-нибудь?

— Не надо. Серьезный вопрос, Фред.

Бармен сел.

— Слушаю вас, товарищ Альбатрос.

Фастов развернул пакет из плотной бумаги и поставил на стол сверкавший серебряными гранями маленький, на литр, самоварчик.

— О, какая прелесть! Спасибо, спасибо!

Фред взял самоварчик и поворачивал его из стороны в сторону, цокая и прищелкивая языком, как это делают, когда играют с младенцем.

— Фред, я пришел с очень серьезным делом. Даже боюсь начинать.

Бармен поставил самоварчик.

— Моряк чего-то боится? Тогда он не моряк. Вы, наверное, насчет валюты?

— Да, но сумма слишком велика.

— Сколько?

— Три тысячи.

Фред внимательно посмотрел на него.

— Вы хотите, наверное, долларами?

— Да.

— Надо подумать.— Фред по привычке тронул мизинцем свои аккуратные чаплинские усики.— Вы, наверное, догадываетесь, что в превращениях одних денег в другие участвую не один я.

— Скорее всего.

— Разрешите, я тут же позвоню одному человеку?

— Ну, конечно.

Фред подвинул к себе стоявший на столе телефон, покрутил диск и заговорил быстро, как хоккейный радиокомментатор. Языка Фастов не понимал.

Потом Фред слушал, а потом зажал микрофон ладонью и спросил у Фастова:

— Вам удобно, если один господин придет сейчас сюда?

— Я вам доверяюсь, Фред.

Еще несколько слов в трубку, и разговор закончился. В комнате мелодично прозвенело, как будто кто-то чокнулся хрустальными рюмками.

— Это меня зовут,— объяснил Фред, вставая.— На стойке есть кнопка. Пойду отпущу.

Его не было минут десять. Фастов уже начинал ежиться и подумывать, не переломить ли все это к чертовой матери, не обрубить ли швартовы. Но тут появился Фред и с ним какой-то господин с портфелем. Фред встал. Незнакомец был его роста, с густой сединой в рыжеватых волосах, с лицом старого актера, играющего роли благородных отцов. Ему было лет под шестьдесят.

— Разрешите представить,— сказал Фред по-английски,— это господин Гутман, мой... мой компаньон, а это...

— Товарищ Альбатрос,— сказал Фастов.

Сели — Гутман в хозяйское кресло, Фастов и Фред по бокам на стулья. Гутман, видимо, торопился.

— Товарищ Альбатрос хочет обменять три тысячи советских рублей на доллары. Сколько он думает получить долларов?

Фастов в недоумении посмотрел на Фреда.

— Раньше мы меняли по курсу,— сказал тот, словно извиняясь.

— Это не пойдет. Две с половиной тысячи пойдет.

— Вы согласны?— спросил Фред у Фастова.

— Да. Не везти же обратно.

Гутман повернулся к нему, и Фастову показалось, что на него смотрят не глаза, а два фотообъектива. Фастов достал из карманов брюк две плотные пачки, обернутые тонкой резиной, и вскрыл их. На столе перед Гутманом легли две стопки сотенных новеньких банкнот.

— Здесь три тысячи,— сказал Фастов.— Можете проверить. Тридцать по сто.

— Зачем?— возразил Гутман, открывая портфель.— Какого достоинства вы предпочитаете?

— Все равно... Впрочем, не очень крупные.

— По пятьдесят?

— Хорошо.

Гутман дал Фреду пачку пятидесятидолларовых, тоже новеньких. Тот быстро-быстро, как профессиональный кассир, отсчитал пятьдесят штук и положил их перед Фастовым, а остальные вернул Гутману.

Гутман закрыл портфель и встал. Фастов тоже хотел встать, но Гутман положил ему руку на плечо.

— Если вы довольны обменом, то мы будем продолжать знакомство. До свидания.

— До свидания.

Фред пошел проводить этого важного и, по-видимому, весьма делового господина, а Фастов начал упаковывать доллары в резину, где раньше лежали сотенные. За тем и застал его Фред.

— Ну, вот. Немножко не так, как вы хотели, но все же, я думаю, неплохо. Вы повезете домой?

— Да.

— Джину?

— Нет, надо идти.

— Удачи вам.

— Пока.

...На этот раз Фастов не вез домой ничего, кроме подарков сыну и долларов.

Продолжение следует.

ЧЕСТЬ, ОТВАГА, МУ

Бор. ЛЕОНОВ

Какое сердце советского человека, особенно молодого, не откликнется на эти слова, которые, конечно же, отзовутся и воспоминанием какого-либо реального события, где они как составные свойства героического характера выявились в самоотверженных деяниях соотечественников и непременно в памяти нашей выведут к жизни хотя бы одного из славной когорты героев русской и советской классической литературы.

Видимо, учитывая силу такого идейно-эмоционального воздействия этих высоких в своей жизненной реальности понятий на душу человека, благодаря чему в нем складываются и формируются черты гражданина, патриота и борца, издательство «Молодая гвардия» лет десять назад начало выпускать специальную серию «Честь, отвага, мужество», которая неизменно пользуется у читателей заслуженной популярностью. За эти годы в серии вышел не один десяток книг, рассказывающих о людях высокого долга, беззаветной отваги и мужества.

В молодогвардейской серии «Честь, отвага, мужество» публикуются и собственно художественные произведения, и документальные повести, и записки участников героических событий прошлого и настоящего. Не исключением был и год 1976-й, когда вышли в свет четыре новые книги. Это повести И. Подколзина «Свет над горизонтом» и В. Пронина «Тайфун», документальное повествование Ю. Папорова «Солдат двух фронтов» и записки разведчика Е. Зюлковского «Группа «Михал» радирует» в переводе с польского В. Киселева.

Каждый из авторов обратился к таким событиям в жизни своих героев, когда действительно с наибольшей полнотой могли проявиться лучшие черты их характеров: любовь к Родине, товарищество, мужество, храбрость, гуманизм. В самом деле, и командир подводной лодки «Щ-17» Леонид Ольшынский, и его боевой друг замполит Николай Долматов, и связной Центра Ирма Линдус, и, наконец, собирательный герой — матросы экипажа в повести И. Подколзина «Свет над горизонтом» предстают перед нами людьми долга, для которых нет большего счастья, чем сражаться за свободу Родины. В строю сражающегося народа находит свое место и славный сын солнечной Туркмении Таган Байрамдурдыев из книги Ю. Папорова «Солдат двух фронтов». Причем он всегда был и остается на передовой — и в огне Великой Отечественной, где за мужество и героизм был удостоен звания Героя Советского Союза, и в трудовых послевоенных буднях, когда возглавил односельчан в их битве за высокие урожаи хлопка. И в этом тоже видит он свое счастье.

Не мыслят себе иной судьбы, чем беспокойная жизнь на далеком Сахалине, и герои повести В. Пронина «Тайфун» — работники уголовного розыска Сергей Левашов и Геннадий Пермяков, бригадир поезда Дроздов и машинист Денисов, геологи, лесорубы, шахтеры. Они, как и старый, кадровый служащий Арнаутов, чувствуют себя не пассажирами на острове-корабле, а экипажем, испытывающим радость и удовлетворение от труда в условиях необычных, тяжелых и далеко не всегда романтических.

Патриотами своей родины — многострадальной Польши показывает товарищей по борьбе с гитлеровцами на оккупированной ими земле и Е. Зюлковский в книге «Группа «Михал» радирует». Если до войны они, слушатели военной авиационно-технической школы подхорунжих, не слишком интересовались политикой, то последующие события напрочь разбили эту их инертность, заставили серьезнее и глубже «задумываться над проблемами международной политики и анализировать причины столь быстрой катастрофы нашего государства».

Такой анализ, утверждает автор, не только выявил в каждом из его товарищей и в нем самом гражданскую и патриотическую суть, но и способствовал их сближению между собой, сплавлял их в группу единомышленников, которая оказалась достойной доверия советского командования и по заданию Генерального штаба была заброшена на территорию Польши для ведения разведывательной работы в тылу врага.

Е. Зюлковский психологически точно показывает, как выковываются в, казалось бы, будничных делах характеры бойцов невидимого фронта. Мы видим, как непрост этот процесс. Вот только один пример. Радист Игорь Мицкевич считает свою работу на рации ненастоящим делом, рвется в открытый бой с фашистами. Но командир группы Миколай Арцишевский неумолим. Хорошо, начнем бить захватчиков. Ну, убьем сотню-другую. А вот если данные, которые мы собираем и ты передаешь в Центр, говорит командир подпольной группы, помогут спланировать крупные операции советских войск — погибнут тысячи гитлеровцев. «А это уже может иметь кое-какое значение для победы. Если наша деятельность поможет закончить войну хотя бы на несколько дней раньше — будут спасены жизни тысяч людей, уже сейчас обреченных гитлеровцами на гибель. Вот поэтому разведка по-прежнему будет оставаться нашей главной задачей».

Игорь находит в себе мужество и преодолевает ощущение своего «бездействия», работает помногу, иногда более суток проводя за рацией. Постепенно приходит осознание важности дела и его огромного риска. Он говорит: «Тем, кто на фронте, легче — они могут драться и даже врукопашную. Побеждает сильнейший. Под жесточайшим артиллерийским огнем остается надежда выжить. Даже террористы имеют шанс уцелеть. У радистов в тылу врага шанса не быть обнаруженными нет. Их спасение — нерасторопность противника или недостаток у него технических средств. Испытываю ли я страх? Не могу да и не хочу об этом думать. Просто я взялся за выполнение задания и делаю свое дело».

И автор верно замечает: «Какими словами,— подумалось мне,— определить мужество человека, который так ясно отдает себе отчет в том, что его рация рано или поздно, но обязательно будет обнаружена, и притом может сохранять такое спокойствие и даже шутить».

Те же чувства возникают в нас, когда мы вместе с бывшим замполитом Долматовым уже после войны открываем «тайну» исчезновения следов связной Центра Ирмы Линдус, оказавшейся схваченной врагами в портовом городе Кайпилс, куда она попала в момент провала подполья и захвата гестаповцами всех явочных квартир.

В повести «Свет над горизонтом» И. Подколзин, рассказав о том, каким испытаниям подвергалась Ирма в застенках гитлеровцев, какие муки пережила она, оставляет героиню в одиночной камере в момент выбора решения: согласиться ли на предложение гестаповцев — выдать местонахождение отряда и тем сохранить жизнь — или погибнуть, не сказав ни слова. И вот найденная спустя много лет после войны магнитофонная запись допроса Ирмы рассказала о мужестве и стойкости женщины, давшей ложные показания захватчикам. Товарищ, принесший пленку, говорит Долматову, что Ирма, судя по ее признаниям и показаниям, «совершила преступление, предала, выдав место и время встречи с отрядом». Долматов вспомнил давнее и незабываемое прошлое. Нет, она не предала. Она выручила отряд. Ведь встреча была назначена на вторник, а Ирма назвала пятницу. «Она тянула время, давая нам возможность уйти из монастыря «Эльзелот» подальше. Была договоренность: если во вторник, я еще раз подчеркиваю — во вторник, она не придет, отряд срочно уходит, что мы и сделали. Она спасла нас от гестапо, дав три дня отсрочки, за которые мы смогли бы оторваться от любой погони». И вновь мы видим мужест-

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ОПЯТЬ В ПЕРЕСТИРКУ

В № 30 «Огонька» за 1976 год была напечатана статья «В перестирку», в которой речь шла о недостатках в работе московских фабрик-прачечных. Редакция получила ответ, подписанный управляющим трестом «Московские прачечные» Б. М. Дорофеевым. «Статья «В перестирку» обсуждалась на совещании с директорами и главными инженерами, а также во всех коллективах фабрик-прачечных. По этому же вопросу в тресте было проведено открытое партийное собрание. Критика низкого качества обработки белья на фабриках треста признана правильной... Коллегия Управления коммунального обслуживания населения Мосгорисполкома приняла решение, обязывающее трест и фабрики-прачечные устранить отмеченные недостатки и улучшить качество стирки белья».

Но в этом же письме сообщается, что «По результатам проверок, которые проведены центральной комиссией треста во II квартале, уровень достигнутого на фабриках-прачечных качества составляет в среднем 78,6%. (В соответствии с балльной методикой оценки качества уровню хорошего качества соответствует оценка в 80%.)».

Как же так? С одной стороны, критика признана правильной, а с другой — центральная комиссия треста считает, что «уровень достигнутого на фабриках-прачечных качества» на грани того, что считается хорошим? Получив письмо треста, мы снова отправились на фабрики-прачечные.

По настоянию треста нашим спутником был главный его инженер Анатолий Владимирович Иосилевич.

Фабрика № 11. Осматриваем белье, подготовленное к отправке на пункты выдачи. Наволочки серо-желтого цвета, простыни в рыжих пятнах, пододеяльники небрежно выглажены. По документам ОТК фабрики работа большинства бригад оценена как неудовлетворительная. (По принятой системе удовлетворительной считается оценка в 70—75%, а бригадам выставили 56, 62 и 64.)

А какова оценка клиентов? Мы побывали в соседнем доме — по Нижегородской улице, 72/2. В квартире № 25 Д. Е. Якимец со вздохом говорит: «За бельем из стирки обычно хожу я. И каждый раз попадает от жены: зачем взял грязное белье? Приходится ей, бедняге, многое перестирывать». Л. Н. Лысенко (кв. 51) недовольна качеством глажки, были случаи утери белья. В. В. Смирнова (кв. 58), И. И. Кузнецова (кв. 26) и другие перестали пользоваться услугами этой прачечной из-за плохого качества стирки. Стирают сами, купили машины.

На фабрике № 25 качество стирки оказалось еще ниже, хотя трест оценивает ее в 80—81 процент.

— Знаете ли, один раз я сам сдал белье в нашу прачечную. Жена возмутилась: зачем такая грязь? Купили машину и теперь стираем сами.— Это сказал корреспондентам исполняющий обязанности главного инженера этой фабрики А. П. Савин.

А как со сроками? Ни директор Б. К. Хватов, ни технолог, ни начальники цехов не могли точно ответить на этот вопрос. Но вот официальная сводка: значительная часть заказов выполняется с опозданием от одних суток до семи. Это значит, что клиентам приходится наведываться на приемный пункт по нескольку раз.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ, Г. ДРЕВНОВСКАЯ

ЖЕСТВО

венность и высокое понятие чести, свойственное советскому человеку.

Анализируя книги серии «Честь, отвага, мужество», ясно видишь, что многих авторов интересует, как в солдате вызревают черты бойца, крепость духа, стойкость в суровых испытаниях. Именно это привлекает писателей в исследовании ратного подвига.

Не простым был путь овладения суровой профессией бойца и у Тагана Байрамдурдыева, героя книги Ю. Папорова «Солдат двух фронтов». Воспитанный советской действительностью, одержимый жаждой творить на земле добро, юноша вынужден вести смертный бой с захватчиками, мстить за поруганную врагом землю. Боль и гнев движут героем документального повествования Ю. Папорова, показавшего становление духовной силы и воинского умения Тагана. «От вида раненых — казалось, не было солдата, которого бы не коснулась вражья пуля или осколок,— от вида убитых рождалось и росло чувство законной кровной мести, крепло сознание «убить первым».

Война прочно входила в сознание Тагана...»

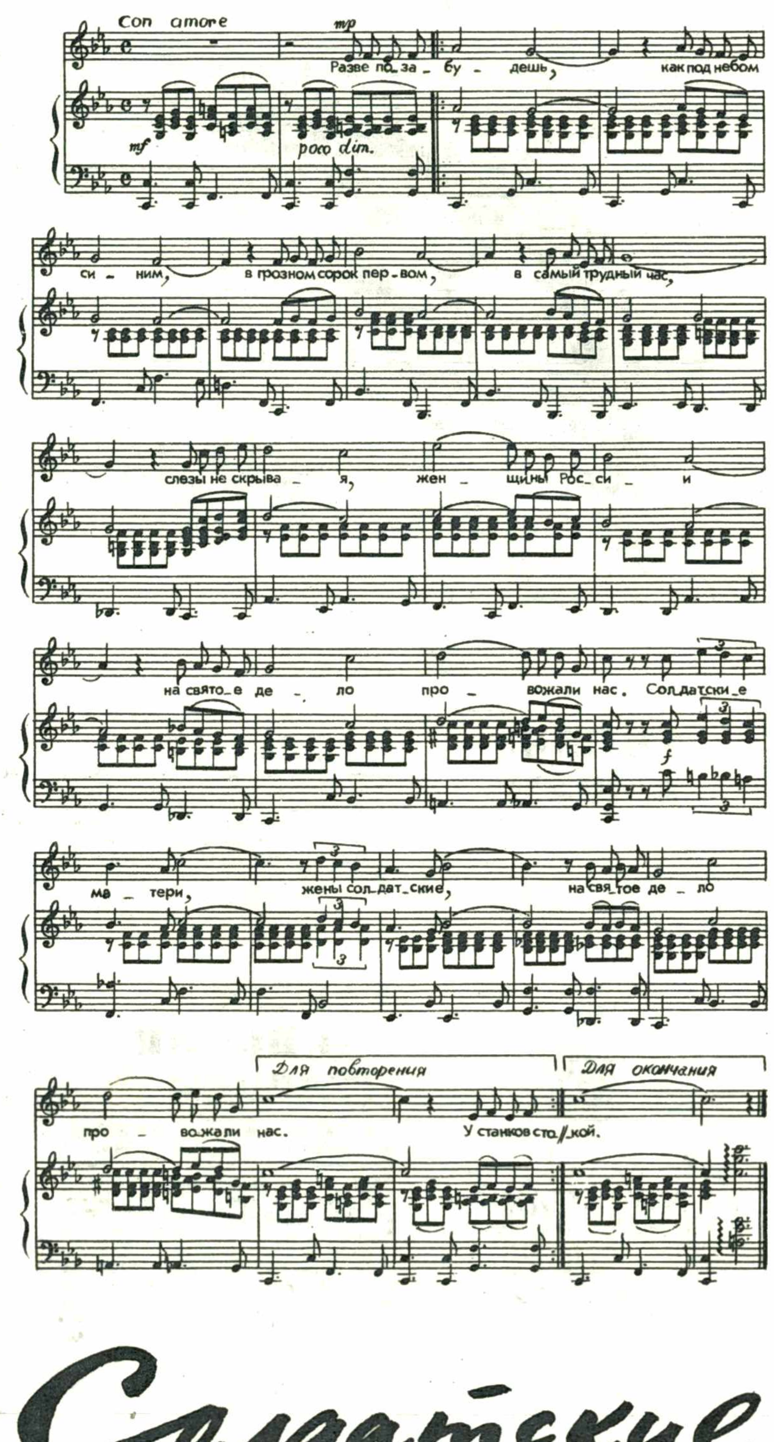
Ну, а если не война, если над головой мирное небо, если жизнь день ото дня становится краше и ты можешь найти себе по душе дело, далекое от всяких треволнений и беспокойства, то что же тогда заставляет человека рисковать, вступать в схватку с уголовниками, ворами, убийцами? Видимо, эти вопросы нравственной ответственности человека за наше сегодняшнее и будущее волновали В. Пронина во время работы над повестью «Тайфун», в центре которой образы молодых сотрудников уголовного розыска. Вопреки привычным для литературы о милиции эффектным погоням и поискам, преследованиям преступников автор показывает черновую, малоприметную работу своих героев в самой что ни на есть будничной обстановке. Они, Сергей Левашов и Геннадий Пермяков, скорее напоминают ученых, проводящих «психологические или социологические эксперименты» в пассажирском поезде во время его непредвиденной длительной остановки из-за снежного бурана, принесенного на остров тайфуном.

Но думается, что выбранная ситуация наполнена глубоким драматизмом, что находит отзвук в самом названии повести и в многозначимых словах о тайфуне: «Он навсегда остается с вами, как воспоминание о чем-то значительном, не до конца понятом, и навсегда остается желание пережить его снова. Тайфун будит что-то в нас — то ли способность восхищаться погодой, какой бы она ни была, то ли утерянные возможности, а может, порывы, возвышенные и дерзкие». Однако по ходу повествования это неопределенное «что-то» наполняется конкретным содержанием. И оказывается, что пережить тайфун — значит пройти испытание на право называться человеком, на возможность проявить себя до конца. К сожалению, не всем оказываются по плечу такие испытания. И потому, несмотря на то, что условия мирной жизни коренным образом отличаются от условий войны, неизменной и постоянной остается суть героического характера, который проявляется в решительных и бескомпромиссных действиях. Именно эта мысль объединяет все четыре книги, вышедшие в прошлом году в серии «Честь, отвага, мужество».

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. В ответном письме треста высказывается ряд соображений, касающихся технологии работы прачечных, организации контроля за качеством, оспариваются некоторые положения, высказанные в этой связи в статье. Согласимся с замечанием руководителей треста о погрешностях, допущенных авторами «в изложении технических и технологических вопросов». Но клиентов не интересует, как действуют стиральные машины, каково пенообразование стиральных порошков и т. д. Они заинтересованы в одном: получить белье после стирки абсолютно чистым и хорошо выглаженным. Увы, иные фабрики-прачечные все еще возвращают клиентам белье, выстиранное не лучшим образом, серое, дурно выглаженное. Об этом свидетельствуют многочисленные записи в книгах жалоб, появившиеся уже после выступления «Огонька».

В феврале нынешнего года в печати было опубликовано постановление ЦК КПСС «О работе Министерства бытового обслуживания населения РСФСР по улучшению качества выполнения заказов и повышению культуры обслуживания трудящихся». Высокие требования, предъявленные в этом постановлении к службе быта, имеют прямое отношение и к работе фабрик-прачечных. Думается, что руководители треста куда более взыскательно должны отнестись к этой работе. Да, многое в ней изменилось за последнее время к лучшему. В немалой мере этому способствовала широко развернувшаяся в Москве борьба за превращение столицы в образцовый коммунистический город. Но именно это и обязывает коллективы фабрик-прачечных добиться резкого улучшения качества обработки и стирки белья.

Солдатские матери

Музыка
Михаила СЛАВИНА

Стихи
Петра ГРАДОВА

Разве позабудешь,
Как под небом синим
В грозном сорок первом,
В самый трудный час,
Слезы не скрывая,
Женщины России
На святое дело
Провожали нас.
　　Солдатские матери,
　　Жены солдатские
На святое дело
Провожали нас.

У станков стояли,
И сынов растили,
И с бойцами вместе
Шли на смертный бой.
Вас на все хватало,
Женщины России,
Вам за все спасибо
И поклон земной.
　　Солдатские матери,
　　Жены солдатские,
Вам за все спасибо
И поклон земной.

Там, где сталь варили
И траву косили —
За рекою Волгой,
Славною рекой,
Памятник поставят
Женщинам России.
Все вы заслужили
Памятник такой.
　　Солдатские матери,
　　Жены солдатские,
Все вы заслужили
Памятник такой!

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ИГНАШКА

Этот случай произошел в Москве. Однажды мой знакомый, возвращаясь с работы, возле своего дома увидел толпу людей. Собравшиеся были чем-то озадачены. Они показывали на окна его квартиры.

Из полуоткрытого окна отчетливо доносилось странное мяуканье. И как только находящаяся у дома собака начинала лаять, из того же окна слышался ответный хрипловатый лай.

Мой знакомый юркнул в свой подъезд, запыхавшись влетел в квартиру и остолбенел! Дверца клетки ворона Игнашки была приоткрыта. Птица сидела на подоконнике и с независимым видом, поглядывая на улицу, передразнивала собаку.

Как и когда ворон Игнашка постиг искусство такого звукоподражания, неизвестно. Проказник был подобран на улице еще крохотным птенцом.

И. БОБРОВ

Фото А. Штейнбак.

ГИПНОЗ И ШУМ

Гипноз, видимо, может решить проблему шума для тех, кто имеет несчастье жить рядом с аэродромом. В недалеком будущем люди смогут обратиться к врачу и попросить его отключить их слух от определенного шума. Опыты, проведенные профессором Стефеном Блэком, использующим гипноз, показывают, что пациенты могут не воспринимать звуки, которые их раздражают. Стефен Блэк, чьи исследования финансируются Британским медицинским советом, провел шесть экспериментов, и все они оказались удачными.

САМЫЙ ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК

Едва ли может что-нибудь произойти в городке Билл в американском штате Вайоминг, чего бы не знал Дин Мункрис. Все дело в том, что он единственный житель Билла. Дин Мункрис и мэр, и почтмейстер, и заправщик на автоколонке, и еще бармен. Он купил этот городок в 1954 году. Через десять лет от него ушла жена. «Это место было для нее слишком тихим»,— поясняет мэр городка.

КАПКАН С СИРЕНОЙ

Австрийский изобретатель Ульрих Рейтер запатентовал устройство, которое, как он убежден, может «поймать» практически любого похитителя автомобиля. Как только вор нажимает на педаль акселератора, мотор глохнет, включается сирена и металлические кандалы крепко обхватывают ногу вора.

УЛИЧНЫЙ ТРЮК

Нелегко перевезти огромную кипу газет вдвоем на одном велосипеде. Вот и приходится этим парням из Мехико доставлять газеты таким образом. Благо, одному из них за время поездки можно ознакомиться с новостями.

ДЛЯ УСТРАШЕНИЯ ВИНОЛЮБОВ

Эти огромные рога я увидел недавно в семье тбилисского народного умельца Вахтанга Михайловича Мантквавы.

История их такова: привез из Африки знакомый научный работник и подарил Вахтангу Михайловичу. Манткава трудился над ними больше двух месяцев. И рога африканского буйвола, украшенные чеканкой и филигранью по мельхиору, стали самыми большими винными сосудами, равных которым, пожалуй, сейчас нет в Грузии.

Вес каждого рога два с половиной килограмма. Длина сто восемь сантиметров. Они вмещают по десять бутылок вина.

— Не думайте, что я сторонник больших винных сосудов за столом,— рассказывает Вахтанг Михайлович,— просто мне захотелось сделать такой рог, который предостерег бы даже самого ретивого тамаду-винолюба. Сейчас всех тех, кто любит выпить, не зная меры, я устрашаю за столом этими сосудами, размер которых сразу отбивает охоту к чрезмерному возлиянию.

С. КИЛАДЗЕ

Фото автора.

Однажды

Стефания ГРОДЗЕНЬСКА

В Женский день я неизменно просыпаюсь с трепетом и сердцебиением. Ведь для эстрадной артистки это самые ответственные и напряженные дни. Именно дни, а не день, потому что Восьмое марта празднуется фактически всю неделю. Мы, артисты эстрады, в эти дни буквально нарасхват, без нас не обходится ни одно торжественное собрание, причем выступаем мы, как правило, одновременно в нескольких местах.

В один из женских праздников я решила не переутомляться и выступить только в одном концерте, так как недавно болела гриппом. Выбрала спокойное мероприятие с участием лучших артистических сил. Я, как всегда, должна была вести конферанс и прочесть одну юмореску. Задолго до начала я явилась в маленькую комнатку, где нам устроили нечто вроде артистической уборной. Время шло, подходила к концу официальная часть, а артистов все не было и не было. Я поделилась

— Машенька, золотко, причешите меня лучше всех! Вроде бы немножко подтрунивают над нашим женским праздником, сколько анекдотов о нем ходит, но мы, женщины, ни за что его не отдадим, правда? Особенно, конечно, трудящиеся женщины. Какая уж работа в этот день, с самого утра сплошные торжества. Все причесанные, наманикюренные, с клипсами, немногочисленные представители сильного пола при галстуках, стараются, из кожи вон лезут, да не до них нам в этот день. Повыше взбейте, Машенька. Надо, золотко, видеть общественные перемены и осознать тот факт, что современная женщина причесывается только и исключительно ради своих сослуживиц. Они первые и последние, кто замечает перемены в ее прическе и туалете. Ой, ой, не так сильно! И бигуди возьмите потолще, чтобы завитки были крупные, а то недавно наша бухгалтерша сказала, что завиток у меня мелковат. На днях пошли мы в театр, я, конечно, в вечернем платье, с новой прической, а в антракте, слышу, одна девица в замызганной водолазке говорит своему парню в потертой куртке: «Смотри-ка, первый раз, наверно, в театр пришла». Это она про меня... Машенька, дорогая, подрежьте мне, пожалуйста, бачки, а то муж тоже бачки носит — у меня химическая завивка, у него сами вьются, вместе очень уж мы похожи. Сзади подстригите, чтобы

восьмого марта

своими опасениями с молоденькой служащей, которую нам дали в помощницы.

— Вот ужас! — расстроилась она. — Что же делать?

— Я немножко растяну вступительное слово, а тем временем кто-нибудь подоспеет.

Но, увы, художественное отделение должно было начаться с музыкального произведения, а я умею играть только «Направо мост, налево мост», да и то одним пальцем.

— Я работаю здесь машинисткой, — робко призналась девушка, — но ребенком ходила в музыкальный кружок при Доме культуры.

Машинистка исполнила «Думу бандуриста», я произнесла вступительное слово, но подкрепление по-прежнему не подходило. Вместо этого стал оголтело названивать телефон. Певец сообщил, что еще не кончилось торжественное заседание, где вручают 248 премий, и церемония продлится по меньшей мере еще час; потом позвонил чтец: перед ним в программе выступает иностранный гость, а переводчик не особенно силен в языках; пианист сетовал, что в учреждении нет рояля, и за ним поехали на квартиру к бабушке стажера...

Что делать? Я вернулась на эстраду. Надо сказать, при жизни нашего великого поэта Броневского я была с ним очень дружна, мы часто выступали на творческих вечерах, и чуть ли не все его стихотворения я знаю наизусть. Я прочла девять стихотворений, машинистка исполнила «Калинку». Никого. Пришлось перейти к юмористическим монологам. Заканчивая седьмой, я украдкой взглянула на часы. Порядок: время, отведенное на художественное отделение, подходило к концу. Под занавес бывшая участница музыкального кружка сыграла на слух «Очи черные», мы исполнили романс в унисон, нам подпевал весь зал, потом несколько раз вызывали на бис. Измученные, но счастливые, мы вернулись в гардероб. Тут ворвался запыхавшийся пианист, однако начинать все сначала не имело смысла.

Местная стенгазета потом написала: «Художественное отделение началось вовремя и прошло по всем правилам. Приятным сюрпризом было исполнение вместо Шопена популярных музыкальных произведений».

парикмахерской

мне на сына не смахивать. Думаете, муж заметит, что у меня новая прическа? Как бы не так. Да приди я в горностаевой мантии и при короне, он только и спросит: «А что сегодня на обед?»

По случаю именин и других приемов, скажу я вам, тоже не стоит причесываться. Хозяева мечутся между комнатой и кухней. Чуточку пониже, чтобы локон спадал на глаз, у нас одна из отдела пропаганды так причесывается. Я на хозяев не в претензии: он салаты разносит, она бутерброды делает, тут бигос подгорает, надо срочно тарелки мыть, так что им не до моей прически. А гости вообще глаз не поднимают: у каждого в руках тарелка, вилка с ножом, рюмка, хлеб, угощаются стоя, каждый боится, как бы к соседу локтем в майонез не попасть. Одна дама напилась и стала раздеваться, а мой сосед говорит: «Хорошая идея, меня тоже кто-то соусом облил!» — и снял пиджак. Тут уж не до моей прически!

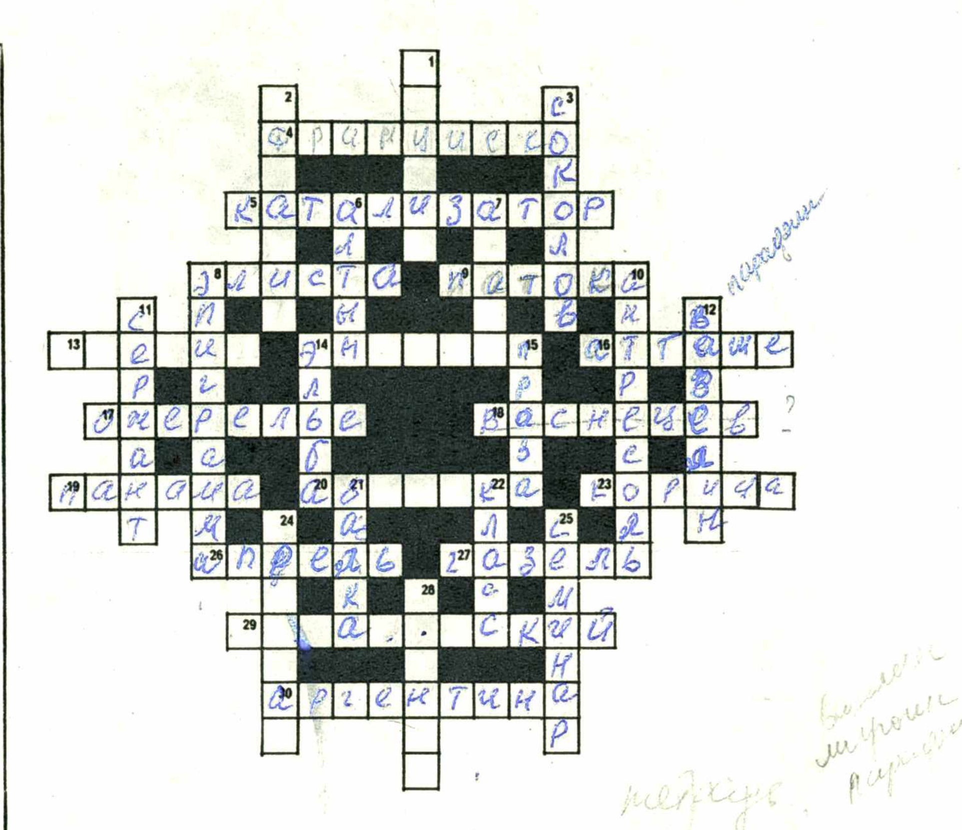

А вот на работе — там другое дело, у всех есть время присмотреться друг к другу: не зачесывай волосы кверху — старит, не носи челку — полнит, не отпускай волосы — видно, что жидкие, не стригись коротко — голова огурцом. Здесь хотя бы известно, на что деньги потрачены.

Да, Машенька, вот когда настанет такое время и женщины перестанут работать, тогда вашей профессии придет конец. Будут причесываться только на свадьбу. Одна у вас надежда, что будет у них больше времени на разводы и новые бракосочетания. Не исключено, правда, что тогда начнут причесываться мужчины. О чем же им говорить, если на работе не будет женщин! Вместо: «Видел новую машинистку, ничего, а?» — в коридоре будет раздаваться: «Шеф перекрасился в рыжий, а по-моему, в каштановом с серебристыми прядями ему было лучше»...

Польское агентство «Интерпресс»

Варшава

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Кармен». 5. Вещество, ускоряющее химическую реакцию. 8. Столица АССР. 9. Южное растение. 13. Роман Ф. Купера. 14. Спутник планеты Сатурн. 16. Дипломатический ранг. 17. Украшение из драгоценных камней. 18. Русский художник-передвижник. 19. Летняя шляпа. 20. Горный массив на Кавказе, возвышающийся над Гагрой. 23. Пряность. 26. Месяц года. 27. Горная коза. 29. Русский композитор XIX века. 30. Государство в Южной Америке.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Начало шахматной партии. 2. Терраса для воздушных ванн. 3. Герой рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека». 6. Старинная русская монета. 7. Залив Охотского моря. 8. Короткое сатирическое стихотворение. 10. Верхний полуэтаж дома. 11. Воинское звание. 12. Продукт перегонки нефти. 14. Река в Европе. 15. Род художественной литературы. 21. Стальной брус. 22. Комната в школе. 24. Склад оружия и военного снаряжения. 25. Групповое занятие по специальной теме, предмету. 28. Английская писательница.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Основание. 9. Аллегро. 11. Синоним. 12. «Контора». 13. Шасси. 16. Ерошка. 17. Вернер. 18. Сирень. 20. Батист. 24. Комуз. 25. Анероид. 27. Пришвин. 28. Авдотка. 29. Швейцария.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рустам. 2. Свиток. 4. Орлеан. 5. Август. 6. «Динамо». 7. Лантан. 8. Университет. 10. Кондратьева. 14. Окунь. 15. Бекар. 19. Рапорт. 21. Индига. 22. Рогдай. 23. Куртка. 26. Дарвин. 27. Палица.

На первой странице обложки: Алдона Каваляускайте. (См. в номере репортаж «Девушка с улицы цветов»).

Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 14/II 1977 г. А 00311. Подп. к печ. 1/III 1977 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 531. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 146.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В ДОМЕ НЕЖДАНОВОЙ

Антонина Васильевна Нежданова была другом Ермоловой и Рахманинова, Станиславского и Горького, Собинова и Шаляпина. Без нее немыслима история русской культуры, как и огромный мир музыкального театра.

Сейчас квартира Неждановой стала не просто музеем, но своеобразным центром, где идет интереснейшая творческая работа.

Корреспондент «Огонька» побывал там; беседовала с ним Наталья Дмитриевна ШПИЛЛЕР, народная артистка республики, председатель совета вокально-творческого кабинета имени Неждановой.

М. АЛЕКСАНДРОВ

— С самого начала нам, соратникам и друзьям Антонины Васильевны, хотелось здесь обязательно создать нечто такое, что меньше всего напоминало бы музей,— говорит Н. Д. Шпиллер.— Всем, кому посчастливилось близко знать Нежданову, работать с ней, ее жизнь казалась подвижнической. До самых последних дней это была сцена, педагогика, общественная деятельность широчайшего масштаба. Многим ли известно, что великая певица имела звание доктора искусствоведения, была выдающимся теоретиком вокала? И кому же, как не нам, было позаботиться, чтобы не пропали для отечественной вокальной школы ее заветы, многолетние труды.

Антонина Васильевна всегда трогательно опекала все молодое и талантливое, постоянно искала одаренных певцов, иной раз совершая ради этого дальние поездки. Она радовалась, когда находила на провинциальной сцене или в самодеятельности хороший голос, пусть еще совсем «сырой», как же заботилась о нем!..

Время к вокалистам беспощадно. Их искусство, их голоса не так уж давно получили возможность жить во времени. Несовершенство ранних граммофонных записей, старение этих фондов не позволяют, к сожалению, даже приблизительно представить себе искусство великих мастеров в пору своего расцвета. И необходимо было сделать все, чтобы живой голос великой русской певицы Неждановой продолжал звучать как можно совершеннее, как можно дольше. Зачинатели мемориала-квартиры Антонины Васильевны поставили перед собой первоочередную цель: создание фонда записей этого голоса, неповторимого, уникального. Большая работа уже проделана — собирательская, исследовательская... К слову сказать, мы очень благодарны фирме «Мелодия», которая спасла от забвения многие записи старых лет.

Да, Нежданова должна продолжать свою творческую жизнь среди нас. Должна служить, как служила, советскому вокальному искусству. В свое время эту мысль выразила Александра Александровна Яблочкина, председатель Всероссийского театрального общества: она живейшим образом поддержала идею превращения опустевшей квартиры Антонины Васильевны в вокально-творческий научно-исследовательский кабинет, в просветительский музыкальный уголок. Был избран первый совет кабинета, куда вошли люди, много лет находившиеся в непосредственной творческой близости с Неждановой: Елена Климентьевна Катульская, Валерия Владимировна Барсова, Надежда Андреевна Обухова, Мария Петровна Максакова, Леонид Филиппович Савранский, Марк Осипович Рейзен, Иван Семенович Козловский.

Не все удалось сразу: дело новое, замысел широкий; вместе искали организационные формы, распределяли обязанности. Было решено создать секции по сбору материалов и по работе с молодежью, научную и музыковедческую.

Маленький вокально-творческий центр начал работать. И что же, мы никогда не думали, не могли даже предполагать, что наше начинание получит такой резонанс, такое широкое признание. Мы сразу оказались нужными творческой молодежи, молодым певцам. Помню, одной из первых пришла к нам на улицу Неждановой студентка консерватории Ирина Константиновна Архипова, теперь она народная артистка, певица с заслуженной мировой славой, а тогда это была застенчивая девушка, явно робеющая у рояля, на котором играл еще Сергей Рахманинов.

Что же это такое — прослушивание в нашем вокально-творческом кабинете? Нет, это не экзамен, от которого зависит, быть или не быть певцу. Это совет старшего друга, всегда благожелательный, полный сочувствия к творческой судьбе молодого певца. Это — сочувствие и взыскательность... И молодежь нас полюбила, стала завсегдатаем неждановской квартиры, всегда для нее открытой.

Вокалисты — студенты и молодые педагоги консерватории, Института имени Гнесиных, певцы самодеятельных кружков Московского университета, Высшего технического училища имени Баумана, военных академий, творческих домов интеллигенции стали нашими постоянными гостями. И не только они приходят к нам, но и мы к ним. Ведь у нас большой творческий актив; опытнейшие мастера музыкально-драматического искусства всегда готовы помочь в работе клубов и дворцов культуры Москвы и Подмосковья.

Одна из форм работы с молодежью — творческие конкурсы — особенно популярна. Мы помогаем готовить участников этих больших соревнований.

Кабинет имени Неждановой давно уже стал заметным музыкально-просветительским очагом. Существует даже телепередача «На улице Неждановой». Но не только по ней можно судить о наших музыкальных вечерах. Бывает тесновато: иной раз до полутораста человек собирается в небольшой квартире — послушать концерт или лекцию музыковеда. Но люди готовы стоя провести весь вечер. Как говорится: в тесноте, да не в обиде!.. Атмосфера непосредственности, домашнего музицирования особенно привлекательна.

Ежегодно шестого мая мы торжественно и тепло отмечаем день, когда на заре нашего века Нежданова впервые выступила на сцене московского Большого театра. В этот день в квартире звучат воспоминания о Неждановой. По традиции непременно исполняется ария Антониды из «Ивана Сусанина». Это одна из первых партий Антонины Васильевны Неждановой, показавшая, что на русскую оперную сцену пришел талант уникальный...

Еще в 1967 году вышла в свет большая монография: «Антонина Васильевна Нежданова», подготовленная к печати нашей научно-издательской группой. Ведется и экскурсионная работа... Впрочем, это звучит слишком сухо, ведь сотни людей приходят в дом к Неждановой, их интересует все, что составляло жизнь бессмертной певицы.

А это значит, что самое сердце ее остается живым и служит родному искусству.

Здесь жила Нежданова.

Первые народные артисты страны: Л. В. Собинов, А. В. Нежданова, К. С. Станиславский.

Молодежь всегда окружала певицу.

Очередной экзамен идет в кабинете Неждановой.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663